

СИСТЕМА ЯЗЫКА И ПЕРЕВОД

(сборник статей)

087508

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1983

Система языка и перевод.—М.: Изд-во МГУ, 1983
(III кв.). — 136 с.

Сборник содержит статьи, посвященные проблемам функционирования языка в речи, а также освещающие различные стороны теории перевода, переводческой практики и методики преподавания перевода и иностранных языков в высшей школе.

Для преподавателей и студентов филологических специальностей, а также для лиц, интересующихся проблемами перевода.

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

Рецензенты:

доктор филологических наук Л. Л. Нелюбин;
кандидат филологических наук А. Я. Касюк

Редакционная коллегия:

Н. Ф. Белик, Н. К. Гарбовский (отв. редактор),
А. Ф. Ширяев

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
УСТНОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ
(На материале французского языка)**

В настоящей статье предпринята попытка сопоставительного анализа устной и письменной форм коммуникации с тем, чтобы выявить их конкретную языковую специфику. Дифференциация этих способов коммуникации приобретает особое значение при обучении иностранному языку, так как недооценка специфики лингвистического механизма порождения устного высказывания приводит к некорректному отождествлению озвученной письменной речи (чаще всего в виде чтения) и устной речи, в результате чего наблюдается механическое перенесение элементов, свойственных письменной форме коммуникации, в устную речь.

Особое внимание при описании феномена устности сосредоточено на просодических характеристиках речи, участие которых в формировании устного высказывания до сих пор признается второстепенным как лингвистами, так и методистами.

Марксистское понимание языка как практического, действительного сознания¹ стремится сблизить язык с окружающим нас миром и ставит на повестку дня такие кардинальные проблемы языкознания, как язык и общество, язык и мышление, а также проблему взаимоотношения мышления и общения в языке, выполняющем свою основную функцию вербальной передачи информации в человеческом обществе².

В работах, посвященных анализу лингвистических вопросов вербальной коммуникации, указывается, что исчерпывающее описание коммуникативно-информативного аспекта языковых элементов невозможно без рассмотрения проблем взаимодействия в языке мышления и общения³. При этом подчеркивается, что характер этого взаимодействия во многом зависит от способа коммуникации, и, таким образом,

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — Соч., изд. 2-е, т. 3, с. 29.

² См.: Будагов Р. А. К вопросу о месте советского языкознания в современной лингвистике. — *Вопр. яз-ния*, 1981, № 2, с. 23—24; Колшанский Г. В. *Контекстная семантика*. М., 1980, с. 3.

³ См.: Леонтьев А. А. *Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации*. — В кн.: *Синтаксис текста*. М., 1979, с. 35—36.

ставится вопрос о необходимости четкого разграничения ее двух основных форм — устной и письменной⁴.

В литературе все чаще высказывается мнение о том, что специфика устной формы речи требует более углубленного анализа, указывается на некорректность изучения устной речи в зеркале письменной, в результате чего происходит подмена устной речи псевдоустной, то есть озвученной письменной. Тезис о том, что устная форма речи накладывает значительный отпечаток на все устные манифестации, можно считать в настоящее время общепринятым. Дискуссионным, однако, остается вопрос о возможности рассмотрения устности в качестве основополагающего критерия при разграничении наиболее существенных разновидностей речевой деятельности. При положительном решении этого вопроса, которое мы находим в работах О. А. Лаптевой, Б. М. Гаспарова⁵, Ю. М. Лотмана⁶, Д. Франсуа, все остальные признаки, такие как: непринужденность речевого общения, неподготовленность речевого акта, характер его протекания (диалог/монолог), ситуативные условия, сопровождающие коммуникативный акт, принимаются во внимание в качестве дополнительных определителей.

Интенсивное изучение устной речи, характерное для последних лет, позволило вскрыть целый ряд специфичных черт устной коммуникации и выявить те наиболее общие закономерности организации высказывания, которые обязаны своим возникновением устной форме речи. Так, основной чертой устной речи является ее необратимость, поступательный и линейный характер ее развертывания. Невозможность выхода из временного течения устной речи приводит к невозможности фиксирования всех синтаксических и семантических связей. «Плавность» устной речи нарушается из-за ограничений, накладываемых объемом оперативной памяти человека, а также введением таких деструктурирующих элементов, как перебивы, повторы, колебания и т. д., которые, по мнению некоторых авторов, являются не факультативной, а обязательной категорией устной коммуникации⁷.

В результате взаимодействия всех указанных выше моментов синтаксис устной речи не может обеспечить выпол-

⁴ См.: Торсуева И. Г. Теория высказывания и интонация. — *Вопр. яз-ния*, 1976, № 2, с. 53—64; Лаптева О. А. О грамматике устного высказывания. — *Вопр. яз-ния*, 1980, № 2, с. 45—60; Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981, с. 15—19; François D. L'oral, les oraux et leur grammaire. — *Le français dans le monde*, 1979, N 145, p. 40—45.

⁵ См.: Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект. — *Уч. зап. Тартуского гос. ун-та*, 1978, вып. 442, с. 63—113.

⁶ См.: Лотман Ю. М. Устная речь в историко-культурной перспективе. — *Уч. зап. Тартуского гос. ун-та*, 1978, вып. 442, с. 114—128.

⁷ См.: Гаспаров Б. М. Указ. соч., с. 78.

нения тех требований правильного построения, которые обязательны для письменной речи. На уровне высказывания наблюдается ослабление морфологизма в выражении синтаксических отношений и активизация связей типа примыкания, приводящие к простому нанизыванию отдельных, не связанных между собой форм. В масштабах целого текста отмеченные деструктурирующие процессы наблюдаются в еще большей степени, приводя к размытости границ между фразами, а в ряде случаев — к полному исчезновению предложения как дискретной синтаксической единицы. Таким образом, и на уровне текста речь также строится в виде нанизывания сегментов, группировка которых в синтаксически самостоятельные единицы формально не выражена.

Чрезвычайно важным моментом для понимания специфики устного способа коммуникации является многоканальный характер порождения, в результате которого материальная форма и смысл как отдельных высказываний, так и целых текстов создаются сложной комбинаторикой лексико-грамматических и просодических средств.

Традиционно, несмотря на очевидную генетическую первичность устной речи по отношению к письменной как в социальном, так и в индивидуальном планах, изучение взаимодействия лексико-синтаксической и интонационной систем проводилось в основном на материале читаемых письменных текстов, оформленность и связность которых задана лексико-грамматическими средствами. В результате такого подхода в лингвистике возник и упрочился тезис о вторичности интонации, о ее зависимости от синтаксиса. Действительно, при чтении звуковое воплощение является вторичным и факультативным способом реализации текста, а интонация выполняет лишь презентирующую роль, оформляя уже готовые высказывания. Однако, по мнению некоторых лингвистов, в частности И. Г. Торсуевой⁸, это положение не может быть распространено на устное высказывание.

В условиях устного порождения высказываний и текстов наблюдается иная картина взаимодействия лексико-синтаксической и интонационной систем: интонация из вторичного, интерпретирующего фактора становится равноправным средством, которое, наряду с лексико-синтаксическим компонентом, принимает участие в создании материальной формы и смысла устных коммуникатов, ее функциональная нагрузка проявляется в полной мере.

В свое время А. М. Пешковский⁹ сформулировал тезис о существовании взаимокompенсации синтаксических и ин-

⁸ См.: Торсуева И. Г. Указ. соч., с. 53.

⁹ См.: Пешковский А. М. Интонация и грамматика. — В кн.: Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959, с. 177—191.

тонационных средств при выражении общего смысла фразы-предложения. Закон замены А. М. Пешковского неоднократно проверялся экспериментально для ряда языков на материале читаемых предложений, принятых за самодостаточную единицу¹⁰, то есть на материале так называемой псевдоустной формы речи. Полученные результаты не подтвердили наличия стабильной взаимокомпенсирующей корреляции синтаксических и интонационных средств при чтении. Однако, в связи с материалом, использованным в указанных исследованиях, возникает вопрос о правомерности поиска взаимокомпенсации средств, действующих, во-первых, не параллельно во времени и, во-вторых, разнофункционально. Действительно, вначале исследователь имеет дело с письменным способом коммуникации, когда смысл создается исключительно лексико-грамматическими средствами, и лишь затем высказывание озвучивается, то есть включается просодическая система. В данном случае лексико-грамматическая система выполняет свою основную коммуникативную функцию создания смысла высказывания, а интонация — вторичную, поскольку лишь озвучивает уже созданное письменное высказывание.

Представляется, что сформулированный А. М. Пешковским закон отражает взаимодействие лексико-синтаксических и интонационных средств при порождении устного высказывания, когда оба канала передачи — вербальный и просодический — «работают» параллельно, а конечный результат — высказывание — определяется их совмещением и взаимодействием. Целесообразно поэтому было бы экспериментально апробировать закон замены А. М. Пешковского на материале устной формы речи.

Итак, подытоживая все вышесказанное, можно сделать следующий общий вывод: устная и письменная коммуникации обладают разными лингвистическими механизмами кодирования, которые и обеспечивают специфику их формы.

Этот вывод приобретает особое значение для теории и практики преподавания языка, особенно при обучении иностранному языку. Если при овладении родным языком разница между письменным и устным способами коммуникации усваивается интуитивно на основе генетической примарности устной речи, а адекватность навыков постоянно корректируется всем лингвистическим опытом говорящего, действующим

¹⁰ См.: Петер М. Мелодика вопросительного предложения в русском языке. — *Studia slavica*, 1955, t. 1, N 1—3, s. 245—259; Николаева Т. М. «Принцип замены» А. М. Пешковского и отдельные компоненты интонации. — В кн.: Вопросы фонетики и обучение произношению. М., 1975, с. 145—166.

щего в различных коммуникативных ситуациях, то при овладении иностранным языком наблюдается несколько иная картина. Во-первых, обучение иностранному языку, несмотря на общеизвестную методическую установку на устное опережение, идет обратным путем: от письменной формы к устной; во-вторых, учащийся не является активным участником реальных коммуникативных ситуаций; в-третьих, как результат первого и второго, у учащегося отсутствует возможность самостоятельной интуитивной выработки дифференциации устной и письменной форм речи изучаемого иностранного языка.

В этой связи особенно важно показать функциональное и формальное различия этих способов коммуникации в рамках изучаемого иностранного языка, поскольку на занятиях, посвященных пересказу изученных литературных образцов, учащиеся очень часто стремятся возможно более полно и точно воспроизвести письменный текст, вместо того, чтобы перекодировать его по законам, свойственным устной форме речи. Однако все критические замечания в этой области останутся беспочвенными, пока проблема дифференциации устной и письменной форм речи не получит конкретного лингвистического описания.

Для решения поставленных в работе задач был проведен эксперимент, который содержал три основных этапа.

На первом этапе ставилась задача получения языкового материала, иллюстрирующего перекодирование письменной речи в устную. Для этого из французской художественной литературы (в основном описательного характера) и научной прозы были отобраны отрывки объемом две-три страницы каждый — назовем их письменными текстами-эталоном. Эти письменные тексты-эталон предъявлялись носителям французского языка для прочтения и последующей реализации в виде следующих устных вариантов: а) неподготовленного пересказа (без опоры на текст) с различной целевой установкой, а именно: нейтральный пересказ и пересказ с субъективной оценкой содержания текстов; б) подготовленного пересказа (без опоры на текст).

Второй этап должен был обеспечить материал, иллюстрирующий перекодирование устной речи в письменную. Для этого носителям языка было предложено симпровизировать несколько устных рассказов на темы в основном литературоведческого характера. Таким образом были получены устные тексты-эталон, которые затем предъявлялись их авторам для переработки в письменный вариант.

На третьем этапе носители языка читали несколько отрывков из письменных текстов-эталон и из письменных вариантов. Этот материал необходим для сопоставления просодических характеристик чтения и устной речи.

Весь звучащий материал был реализован двумя носителями языка и записан в Лаборатории экспериментальной фонетики МГПИИЯ им. М. Тореца.

В результате проделанного эксперимента был получен материал, иллюстрирующий устную и письменную формы французской речи и позволяющий проследить механизм перекодирования письменной речи в устную и устной — в письменную.

Сопоставление текстов-эталонов с соответствующими устными или письменными вариантами подтверждает мысль о том, что устная речь, по сравнению с письменной, обладает языковой спецификой, выявляемой на всех уровнях анализа.

Лексический уровень. Сопоставление лексического состава эталонов и вариантов свидетельствует о том, что выбор лексики детерминирован темой и прагматической направленностью текста (ситуативность в нашем исследовании была нейтрализована условиями эксперимента), а ее распределение и употребление — формой текста (устная/письменная).

Приступая к анализу лексики, мы составили для каждого экспериментального отрывка частотный словарь. Сопоставление частотных словарей показало, что количество единиц словников устной речи на 40—50% меньше, чем письменной¹¹.

Однако словники отличаются не только количеством единиц, но и своей структурой. Так, для устной речи характерно увеличение частотности глаголов, наречий, местоимений наряду с уменьшением частотности существительных, качественных прилагательных, союзов и предлогов. Такое распределение лексических единиц свидетельствует о том, что устная речь предпочитает синтаксически простые и глагольные структуры и характеризуется динамичным развертыванием мысли. Для письменной речи, напротив, характерно употребление сложных синтаксических построений, статичность и описательность изложения.

Структурные различия словников не исчерпываются спецификой употребления частей речи, но распространяются и на функционирование слов, принадлежащих той или иной части речи. С тем, чтобы показать эти закономерности, внутри каждой части речи были выделены периферийная и основная группы слов. В основную группу включались слова, частота встречаемости которых превосходит рассчитанную среднюю частоту, все остальные слова относились к периферийной группе.

¹¹ Ср. с выводами других исследователей: Марков Ю. М. Некоторые аспекты разговорной речи с точки зрения лексической статистики. — Рус. яз. в национальной школе, 1966, № 5; Мишеа Р. Словари основной лексики. — В кн.: Методика преподавания иностранных языков за рубежом. М., 1967.

Сопоставление основных групп, наблюдаемых для глаголов, существительных, наречий и местоимений¹², показывает, что в устной речи, по сравнению с письменной, возрастает как количество высокочастотных слов, так и их повторяемость в тексте. Так, единицы основных групп указанных частей речи составляют 18—25% письменного текста, в устном тексте их доля увеличивается до 40—50%.

Анализ показывает, что распределение высокочастотных слов в тексте также различно. Для письменной речи характерно отсутствие повтора слов в пределах одного высказывания, в двух соседних высказываниях и даже в абзаце. Лексическое разнообразие достигается употреблением синонимов, перифраз, а также усложнением синтаксической организации высказывания, в результате чего пишущий избегает прямого повтора одного и того же слова. В устной речи, напротив, повтор удачно найденного, по мнению говорящего, слова является нормой, а перифраза и синонимичные выражения употребляются в виде нанизывания при обдумывании или для уточнения мысли. Это связано с тем, что у говорящего, в отличие от пишущего, отсутствует возможность возврата к левому контексту с целью доработки всего текста. Таким образом, для письменного текста характерно дистантное употребление синонимичных слов и выражений, а для устного — их контактное функционирование.

Грамматический уровень. Исследователи французской устной речи, Д. Франсуа¹³ в частности, отмечают в грамматике устного высказывания следующие специфичные, по сравнению с письменной формой, черты: упрощение временной парадигмы французского глагола — отмечается неупотребимость таких времен, как *le passé simple*, *l'imparfait de subjonctif*, *le futur en -r-*; замена синтагмы подлежащее — сказуемое структурами *c'est + que*, *(il) y a + que*; исчезновение безударной отрицательной частицы *ne* в пользу ударных постпозиционных частиц *pas*, *point*, *mie*; высокая частотность местоимения *on*, которое функционирует вместо личных местоимений *pous*, *tu*, *ils*.

Все перечисленные выше черты наблюдаются и в нашем исследовательском материале, однако своеобразие письменной и устной форм речи на грамматическом уровне этим не исчерпывается. Так, одним из широко используемых приемов устной речи является введение в монолог прямых вопросов. Их функционирование свидетельствует как о большей праг-

¹² Что касается союзов и предлогов, характеризующихся, как правило, высокой частотностью, то их подразделение на основную и периферийную группы не вскрывает никакой дополнительной тенденции функционирования, кроме уже отмеченной выше: общего уменьшения употребляемости предлогов и союзов в устной речи по сравнению с письменной.

¹³ François D. Op. cit., p. 44.

матической направленности устного текста, так и о его большем динамизме, прямо тяготеющем к диалогической форме речи.

Проведенное исследование показывает, что основное различие устной и письменной форм речи наблюдается при анализе структуры высказывания. В письменных текстах высказывание имеет четкую синтаксическую организацию, которая обеспечивается соблюдением всех формальных связей как между отдельными словами, так и между синтагмами (в понимании Л. В. Щербы)¹⁴. Даже в том случае, когда высказывание содержит так называемые перебивы, употребление которых позволяет исследователям сделать вывод об отсутствии плавности письменной речи¹⁵, они не нарушают структуризации высказывания. В качестве примера приведем предложение-высказывание из цитируемой статьи Д. Франсуа (вводные элементы здесь и далее взяты в квадратные скобки): *Parmi les difficultés rencontrées dans l'approche de l'oral, [en premier lieu,] on observe qu'il est souvent considéré, [à l'école et ailleurs,] comme le parent pauvre de l'écrit [(alors qu'il est, [génétiquement,] [sur le plan social comme sur le plan individuel,] prioritaire)].*

Согласно данным лингвистики текста, четкая структуризация характерна не только для высказывания, но и для целого письменного текста, где сочленение высказываний также строится по определенным правилам межфразовой сочлененности.

В устных текстах наблюдается тенденция к ослаблению эксплицитных грамматических связей между синтагмами, которые свободно нанизываются в процессе монологической речи. Активную деструктурирующую роль играют элементы колебания, повторы и перебивы, функционирование которых в устной речи часто сопровождается нарушением синтаксической структуризации высказывания. В приводимых ниже примерах, взятых из устных текстов-эталонов, физические паузы отмечены значком (⊥), обрыв синтаксических связей — ({}), движение мелодии — (↗↘): ... ça {} la cruauté on l'a {} on l'aperçois de plus en plus ⊥ {} [eh mm] ⊥ {} c(e) qu'on apprécie aussi {} je pense ⊥ {} et moi personnell(e)ment ⊥ {} [enfin] ⊥ c(e) qui m'intéresse beaucoup d(e) chez Maupassant {} c'est son humour ⊥ {} (en)fin un humour un peu féroce aussi ⊥ {} mais ⊥ tell(e)ment ⊥ {} [euh] ⊥ [comment dire] ⊥ {} qui

¹⁴ См.: Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1957, с. 86—87.

¹⁵ См.: Долгова О. В. Семиотика неплавной речи (на материале английского языка). М., 1978.

va tell(e)ment loin ⊥ euh à travers euh ⊥ { [enfin] ⊥ } avec
 l'air de n(e) pas ⊥ { de n(e) pas aller loin } enfin ⊥ ...
 (дик. 1) ... notamment dans sa description de la nature ⊥ {
 [n'est-c(e) pas?] ⊥ } quand il décrit euh la nature qu'il aime
 bien [c'est-à-dire celle ⊥ [mm] ⊥ de la région de Nogent-
 sur-Marne] ⊥ { [notamment] ⊥ } on peut voir la précision
 avec laquelle ⊥ il sait donc ⊥ observer ⊥ ... (дик. 2).

Деструктурация, наблюдаемая внутри устного высказывания, проявляется с еще большей отчетливостью на уровне целого текста, приводя к разрушению формально-синтаксических границ между высказываниями. Итак, отличительной чертой синтаксиса устной речи является наличие активных деструктурирующих тенденций, наблюдаемых в основном на стыке синтагм и фраз, что приводит к большей синтаксической самостоятельности и подвижности синтагм в устном тексте.

Делая этот вывод, не следует упускать из вида тот факт, что синтагма устной речи, в отличие от письменной, является, прежде всего, интонационно-смысловым единством. Таким образом, разрушение синтаксических связей на стыке синтагм компенсируется наличием ассоциативно-интонационных связей, взаимодействие которых и обеспечивает создание «плавного» смысла устной речи. Именно поэтому в настоящее время, по мнению Т. М. Николаевой, «с понятием синтагмы естественным образом связывается возможность построения нового синтаксиса — синтаксиса устного высказывания, опирающегося на значащие комбинации синтагм»¹⁶. Проведенный нами анализ конкретного языкового материала показывает, что в качестве основной дискретной единицы устной речи выступает синтагма, а не высказывание.

Просодический уровень. Экспериментальная фонетика насчитывает достаточно большое количество исследований, посвященных сопоставительному анализу читаемых и спонтанных текстов как на сегментном, так и на суперсегментном уровнях¹⁷. В результате этих исследований, проведенных в рамках фоностилистики, выявлены следующие основные закономерности устной речи по сравнению с чтением: на сегментном уровне наблюдается средний тембр гласных в безударной позиции, в ряде случаев частичная и полная их ре-

¹⁶ Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. VIII. М., 1978, с. 13.

¹⁷ См. работы Л. В. Щербы, К. К. Барышниковой, Н. А. Шигаревской, В. С. Соколовой, Н. И. Портновой, С. М. Гайдучика, Т. В. Шустиковой, Г. А. Бариновой, А. М. Анощенковой.

дукция, отмечается тенденция к упрощению групп согласных: ассимиляция, выпадение согласных и проч.; на суперсегментном, уровне отмечается возрастание неконечных ИК в конечной позиции, неровность темпа, регистра и громкости произнесения отдельных частей текста.

Проведенное нами исследование французской спонтанной диалогической речи показало, в частности, что в качестве надежного фоностилистического дифференстора чтения и говорения можно рассматривать характер взаимодействия дифференцирующей и интегрирующей функций интонации. Для читаемых диалогов характерна симметрия этих функций в высказывании, а для спонтанных диалогов — их асимметричное взаимодействие¹⁸.

В подавляющем большинстве фоностилистических работ наблюдаемые в устной речи модификации объясняются возрастающей небрежностью, отсутствием самоконтроля и т. п. Представляется, однако, что, по крайней мере для суперсегментного уровня, эти причины не являются основными. Сопоставительный анализ письменных и устных вариантов на лексико-грамматическом уровне свидетельствует, что устная речь имеет более бедный словарь и более простой синтаксис по сравнению с письменной. Делая этот вывод, следует, однако, иметь в виду, что при порождении устных текстов работает еще один канал передачи — просодический. Возрастание вариативности просодических характеристик, наблюдаемое в устной речи по сравнению с чтением, является не только и не столько результатом отсутствия самоконтроля говорящего, сколько своеобразной и закономерной компенсацией упрощения лексико-грамматического состава. В пользу этого вывода говорит тот факт, что зрительное восприятие зафиксированного на письме устного текста часто не является достаточным для адекватного декодирования его смысла. В то же время сопоставительный перцептивный анализ устных текстов и соответствующих письменных вариантов свидетельствует о том, что устная речь зачастую богаче оттенками мысли, чем письменная.

Поскольку в синтаксисе устной речи границы между высказываниями являются в известной степени размытыми, мы предлагаем для сопоставления чтения и говорения на просодическом уровне использовать следующие единицы: дыхательные группы (период непрерывной фонации между паузами), синтагмы и паузы.

Для просодического анализа были отобраны следующие акустические характеристики: параметры длительности, изменчивость которых регулирует темп произнесения; пара-

¹⁸ См.: Бубнова Г. И. Коммуникативная функция интонации в диалоге. Автореф. канд. дис. М., 1981.

метры интенсивности, опосредованно участвующие в создании эффекта громкости произнесения; частота основного тона или частотные характеристики, именуемые мелодией.

Дыхательные группы. Анализ дыхательных групп с точки зрения количественных характеристик — длительности — показывает, что в устной речи возрастает вариативность как длительности дыхательных групп, так и средней длительности звуков.

Наблюдаемое увеличение вариативности темповых характеристик приводит к большей контрастности устной речи: важные в смысловом отношении синтагмы выделяются в отдельную дыхательную группу и соответственно произносятся замедленно, менее важные — объединяются в одну дыхательную группу, что сопровождается убыстрением темпа. Важно подчеркнуть, что при чтении этот способ экспрессивного выделения смысловых частей высказывания представлен в меньшей степени и всегда синтаксически оправдан, в то время как в устной речи в отдельную дыхательную группу выносятся такие элементы, как *mais*, *parce que*, *qu'il est*, а *eu*, *qu'il a*, *euh d'abord*, *on l'a* и т. д. Помимо замедления темпа, в этом случае наблюдается всплеск интенсивности и ярко выраженные частотные характеристики (мелодия): отмечаются большие значения частотного диапазона, частотного интервала и скорости изменения тона в терминальном слоге¹⁹.

На перцептивном уровне эти синтагмы оцениваются как экспрессивно предвосхищающие смысл последующих сегментов, их функционирование сигнализирует, по мнению auditors, о том, что говорящий «нашел» мысль, к формулировке которой он приступает. Например: ... *cet écrivain du XIX-ème*

siècle ⊥ *a eu* ⊥ *certain(e)ment sur toute la littérature de*
cette fin du XIX-ème siècle ⊥ *une grande influence* ⊥ *mais*
⊥ *il est vrai aussi* ⊥ *qu'il est peut-être pendant longtemps*
⊥ *il est res... il est passé un peu inaperçu...* (дик. 1).

Анализ звучащего континуума свидетельствует о том, что это интонационное предвосхищение имеет ярко выраженную коммуникативную природу, так как наблюдаемый на границе дыхательных групп перепад мелодии приводит к их функциональному обособлению даже в том случае, когда формальные синтаксические связи между ними сохраняются.

¹⁹ В устной речи в ряде случаев в отдельную дыхательную группу выносятся элементы *euh*, *eh*, *bon*, *eh bien*, *enfin*, *disons*, *donc*, которые помогают сократить паузы колебания. Однако их статус не имеет ничего общего с экспрессивным замедлением темпа, поскольку наблюдаемые на этих участках параметры интенсивности и частотные характеристики выражены незначительно. На перцептивном уровне отмечается тенденция к их произвольному функциональному неразличению.

Например: ... on peut voir la précision *avec laquelle* \perp il sait donc \perp observer ... (дик. 2).

Синтагмы. Как показало экспериментальное исследование, для сопоставления синтагм наиболее информативными являются следующие просодические параметры: частотные характеристики, наблюдаемые в терминальном слоге, частотный диапазон синтагмы и локализация максимальных и минимальных значений частоты основного тона.

Анализ указанных частотных характеристик свидетельствует, что в устной речи: возрастает как частота употребления восходящего тонального завершения, так и количество наблюдаемых вариантов; употребляется восходяще-нисходящее тональное завершение, которое не характерно для чтения и выражает, по П. Делатру²⁰, некоторый подтекст; возрастает употребление «е» беглого в безударном слоге, следующем за ударным; возрастает количество синтагм, в которых частотный диапазон синтагмы равен частотному интервалу, наблюдаемому в терминальном слоге; возрастает количество синтагм, в которых максимальные значения частоты основного тона локализуются в терминальном слоге синтагмы; уменьшается количество синтагм, в которых минимальные значения частоты основного тона локализуются в терминальном слоге синтагмы. Все эти факты говорят о четкой тенденции устной речи к преимущественному употреблению синтагм с восходящим завершением, которое является местом локализации основной акустической информативности синтагмы. Эту тенденцию можно определить как прогрессивный динамизм развертывания устной речи.

Паузы. Сопоставительный анализ длительности пауз показывает, что при чтении наблюдается большая вариативность длительности паузы, чем в устной речи. При чтении, в частности, можно выделить два вида пауз: разделительные паузы (от 900 до 1900 мсек), которые стабильно коррелируют с низким частотным уровнем конца предшествующей дыхательной группы и фактически отделяют высказывания друг от друга; соединительные паузы (от 150 до 900 мсек), которые коррелируют со средним или высоким частотным уровнем конца предшествующей дыхательной группы и отделяют синтагмы, составляющие одно высказывание. В приводимом ниже отрывке из прочитанного письменного варианта разделительные паузы обозначены значком (\parallel), соединительные — (\perp), частотный уровень конца предшествующей дыхательной группы указан в герцах: Maupassant (360) \perp a eu sur toute la littérature (210) \perp de la fin du XIX-ème

²⁰ Delattre P. La nuance de sens par l'intonation.— The French Review, 1967, vol. XLI, N 3, p. 1—18.

siècle une très grande influence. (160) || On s'en aperçoit maintenant, (230) ⊥ même si pendant longtemps (260) ⊥ il est passé un peu inaperçu (250) ⊥ au milieu des grands romanciers (260) ⊥ que sont Flaubert, Balzac, Stendhal ou Zola. (160) || Maupassant est à l'origine de la théorie du réalisme en littérature qu'on trouve exposée dans la préface de son roman (300) ⊥ «Pierre et Jean». (160) || Il a été aussi... (дик. 1).

В устной речи наблюдается только один вид пауз — соединительные. Говорящий избегает употребления длинных разделительных пауз, заполняя их в случае необходимости элементами колебания и повторами слов. Например: Alors sur Maupassant (340) ⊥ eh mm (180) ⊥ on peut dire évidemment beaucoup d(e) choses (320) ⊥ euh d'abord (270) ⊥ euh cet écrivain (220) ⊥ du XIX-ème siècle (300) ⊥ a eu (270) ⊥ certain(e)ment sur toute la littérature (220) ⊥ de cette fin du XIX-ème siècle une grande influence (320) ⊥ mais (280) ⊥ il est vrai aussi qu'il est peut-êt(r)e (240) ⊥ pendant longtemps il est res... il est passé un peu inaperçu au milieu des grands romanciers (250) ⊥ euh mm bon comme Balzac ou Stendhal ou Flaubert (330) ⊥ euh pa(r)ce que lui n'a jamais écrit ces... (дик. 1).

Таким образом, при чтении наблюдается четкая функциональная иерархизация пауз на разделительные и соединительные; их употребление коррелирует, в известной степени, с пунктуацией. Это позволяет сделать вывод о том, что основной коммуникативной единицей читаемого текста, так же как и соответственного письменного варианта, является высказывание. Напротив, в устной речи, избегающей употребления разделительных пауз, границы между высказываниями, ослабленные, как было показано выше, и на синтаксическом уровне, оказываются совершенно размытыми, в то время как границы синтагм маркированы как на синтаксическом (обрыв формальных связей), так и на просодическом (паузы, перепады мелодии и т. п.) уровнях. Все это подтверждает положение о том, что основной операционной единицей устной коммуникации является синтагма, а не высказывание.

Подведем некоторые итоги. Проведенный анализ показывает, что устная форма коммуникации имеет свой собственный лингвистический механизм кодирования, специфика которого проявляется на всех языковых уровнях. Так, для французской монологической речи, в отличие от письменной, характерно: на лексическом уровне — уменьшение количества лексических единиц словника за счет увеличения частотности ключевых слов; увеличение частотности глаголов, наречий, местоимений, наряду с уменьшением частотности существительных, качественных прилагательных, сою-

зов и предлогов; контактное употребление синонимов; на грамматическом уровне — предпочтительное употребление ряда грамматических форм и конструкций; свернутость и глагольность синтаксических построений; значительная частотность перебивов — контакторов и автокомментаторов; диалогизация речи; активные деструктурирующие тенденции на стыке синтагм и высказываний, приводящие к тому, что основной единицей устной речи является синтагма, а не высказывание; на просодическом уровне — активное участие интонации в порождении устного речевого высказывания; большая вариативность просодических характеристик, которая компенсирует относительную бедность лексики и синтаксиса устной речи; специфичная, по сравнению с чтением, интонационная структура звукового континуума: возможность интонационного предвосхищения смысла последующих сегментов, резкое увеличение как количества синтагм с восходящим завершением, так и акустической информативности их терминального слога, употребление восходяще-нисходящего тонального завершения, позволяющего экспрессивно выразить подтекст, отсутствие разделительных пауз, заполнение пауз элементами колебания, повторами слов и т. п. как необходимое условие нормального протекания устной монологической речи.

Рассмотренное выше позволяет сделать ряд методических выводов:

1. В процессе обучения устной речи следует по возможности строже дифференцировать лингвистическую базу устной и письменной речи.

2. Практика преподавания показывает, что оптимизация процесса усвоения навыков иноязычной устной речи учащимися возможна при комплексном характере обучения, то есть с учетом обязательной увязки лексико-грамматических явлений с просодией.

3. В качестве материала аудирования как одного из основных методов обучения устной речи следует по возможности использовать записи спонтанной речи носителей языка (спонтанные диалоги и монологи, дискуссии, фонограммы фильмов), а не чтение литературных или дидактически подготовленных текстов.

4. В связи с большой информативностью просодического канала передачи анализ фонетических особенностей устных спонтанных текстов следует рассматривать как необходимый этап усвоения лингвистического механизма устной иноязычной речи.

5. На начальных этапах обучения устной речи желательно проводить сопоставительный анализ читаемых и спонтан-

ных текстов с тем, чтобы учащиеся усвоили их фонетические различия на перцептивном уровне.

6. На продвинутой стадии обучения устной речи в качестве материала для фонетического анализа целесообразно привлекать записи, отражающие различные фоностилистические варианты, которые существуют в рамках изучаемого иностранного языка. Как показывает практика преподавания, осознание фоностилистических маркеров устной речи является необходимым условием адекватного усвоения языкового механизма говорения.

В заключение следует подчеркнуть, что феномен устности представляет собой сложный и многоаспектный объект, изучение которого требует разработки комплексного метода, сочетающего подходы смежных наук: лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, теории коммуникации. Что касается методики обучения устной иноязычной речи, то для ее формирования необходимы не только методическая интерпретация положений базисных наук, но и соответствующие исследования в области дидактики, педагогики и методики.

Л. А. Гаврилов

РЕФЕРИРОВАНИЕ КАК СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

У профессий референта, корректора, диктора, переводчика, редактора и целого ряда других есть одна общая особенность. Дело в том, что речевые процессы, лежащие в основе трудовой деятельности представителей этих профессий, представляют собой производственную деятельность обычно в сфере духовного производства.

В свете современных научных представлений о речевой деятельности¹ эти речевые процессы в своей совокупности представляют собой такие знаковые деятельности, в которых в качестве средств осуществления выступают знаки естественных языков, а в качестве способов осуществления — виды речи (говорение, чтение, слушание, письмо).

Одной из таких знаковых или речевых деятельностей и является реферирование. В самом общем виде мотивы деятельности референта, так же как и цели его деятельности, носят собственно речевой характер — производство речевых высказываний по определенному социальному заказу. Важно отметить, что этот социальный аспект реферирования носит

¹ См., например: Ширяев А. Ф. Специализированная речевая деятельность. Психолингвистическое исследование на материале синхронного перевода. Докт. дис. М., 1979, с. 119.

987508

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека

не производный, а первичный характер: «...даже и тогда, — писал К. Маркс, — когда я занимаюсь *научной и т. д. деятельностью*, — деятельностью, которую я могу выполнить сам, без непосредственного общения с другими, — я все же действую *общественным образом*, ибо действую как человек»².

Высокие социальные требования к продукту реферативной деятельности обуславливают закрепление за ее выполнением определенного круга лиц, специально подготавливаемых обществом и обладающих соответствующими знаниями, навыками и умениями, — референтов и переводчиков-референтов.

Обычно сам референт не испытывает внутренней потребности в составлении того или иного реферата. Как правило, реферативная деятельность инициируется другими людьми и представляет собой общественно необходимую и общественно полезную деятельность. Именно этот социальный характер реферирования и позволяет вычленить в нем главные особенности, определить его роль в материальном и духовном производстве, обмене деятельностями и охарактеризовать его основные этапы или фазы. В частности, на современном этапе развития нашего общества значение этой деятельности определяется прежде всего тем, что она играет важную роль в обеспечении решающего, наиболее острого участка — внедрения научных открытий и изобретений³. Особое место в решении этой сложной задачи принадлежит переводческому реферированию, которое отличается от обычного главным образом тем, что переводческий реферат выполняется на ином языке, чем язык первичного документа. На некоторых сторонах переводческого реферирования мы и остановимся ниже.

Как всякий вид речевой деятельности, реферирование, в том числе и переводческое, имеет в своей основе три фазы: 1) ориентировки и планирования, 2) осуществления программы, 3) сопоставления полученного результата с намеренной целью.

Фаза ориентировки и планирования начинается с уяснения социального заказа на реферат. Залогом успешного реферирования является четкое уяснение поставленных задач, ясное представление о том, какая именно информация является наиболее ценной, на что именно референту необходимо обратить внимание и т. д. Соотносясь как часть и целое, конкретно поставленная задача на реферирование и социальный заказ предполагают друг друга.

Очень многое из того, что содержит социальный заказ, имеется в конкретных задачах референту лишь имплицитно.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 1-е, т. 3, с. 624.

³ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 43.

Именно поэтому уяснение конкретных задач на реферирование должно основываться как на эксплицитном, так и на имплицитном учете социального заказа.

Все это и составляет содержание предварительной ориентировки референта. Обычно это содержание меняется в зависимости от характера социального заказа и условий его выполнения. В наиболее полном виде предварительная ориентировка включает в себя ориентировку в целевой установке, в широкой ситуации общения, ее пространственно-временных параметрах, соотносённости с определенными сферами человеческой деятельности, ее социальной значимости, ориентировку в потребностях, мотивах и целях потребителя реферата.

Центральное место в ходе предварительной ориентировки занимает процесс внутреннего формирования задачи на составление реферата: перенос социального заказа во внутренний план реферативной деятельности, субъективное отражение социального заказа в сознании референта и его увязка с результатами проходящей параллельно предварительной ориентировки, в особенности с представлениями референта о потребностях, мотивах, целях и задачах потребителей реферата.

Таким образом, предварительная ориентировка нацелена на выявление и составление ориентиров, необходимых для выработки внутреннего образа будущего реферата, основных требований к нему, а также выработки плана написания реферата.

Выработка плана реферирования осуществляется в соответствии с осознаваемыми целями и задачами, на основе результатов ориентировки и включает параметры деятельности по подготовке реферата, определение промежуточных результатов, которые ведут к конечному результату.

Предварительная ориентировка и планирование работы над рефератом не образуют обособленных этапов процесса составления реферата. Обычно они связаны друг с другом и протекают параллельно, тесно переплетаясь между собой и образуя первую фазу реферирования — фазу ориентировки и планирования. Эта фаза деятельности не отделена глухой стеной от последующих двух фаз, в ходе которых вполне возможны возвраты к ориентировочной активности и выработке плана в целях более адекватного выполнения социального заказа.

Для правильного решения задач первой фазы большое значение имеет правильное прочтение исходного текста. Это обстоятельство имеет решающее значение для дальнейшей работы по составлению реферата.

Следует иметь в виду, что вся деятельность по переработке принятой информации происходит во внутренней речи.

И это не случайно: без внутренней речи не может быть и хорошо развитой внешней. Именно во внутренней речи идет процесс оптимальной переработки информации и фиксируется то содержание первичного документа, которое представляет интерес для потребителя реферата.

Вначале во внутренней речи формируется схема передаваемой информации, на основе которой в дальнейшем оформляется текст. Внутренняя программа управляет всем процессом порождения текста реферата, как семантикой отбора слов и словосочетаний, так и всеми паралингвистическими компонентами предложения. Отобранные для изложения или сочинения слова должны быть адекватны предмету высказывания, соответствовать ему в полной мере.

При понимании текста и его передаче происходит перефразировка или эквивалентная замена одних слов текста другими. Известно также, что в работе с текстами на иностранном языке во внутренней программе часто присутствует родной язык, что вызвано недостатком необходимых знаний слов и выражений.

В этой связи чрезвычайно важно для переводчика-референта иметь «набор» слов и предложений для того, чтобы, приступая к переработке первичного документа во вторичный, осуществлять переход от мысли к речи без осложнений.

Известно, что реферирование — это прежде всего процесс аналитико-синтетической обработки монологической речи. Вместе с тем монологическая речь, как письменная, так и устная, характеризуется значительной развернутостью, организованностью и законченностью и поэтому должна планироваться. Во внутренней речи всегда присутствует план будущего сообщения. Референт еще до того, как начал излагать свои мысли на бумаге, знает, о чем и как он будет писать. Процесс превращения внутренней речи во внешнюю у референта начинается с плана. Иначе монологическая речь теряет свое основное качество — организованность. План дает определенную систему ориентиров для развертывания этого содержания. Каждый пункт плана должен дать четкое представление о том или ином «смысловом блоке». Предварительно составленный план оказывается важной формой вероятностного прогнозирования формальных и содержательных сторон вторичного документа.

Таким образом, формирование плана является активным компонентом процесса реферирования. Все вышеизложенное является характеристикой первой фазы — фазы ориентировки и планирования, которая в свою очередь состоит из следующих стадий: 1) восприятия эксплицитно выраженного содержания текста путем «схватывания» новых данных, сведений, «идей» по теме, 2) проникновения во внутренний

смысл текста путем формирования схем передаваемой информации, 3) критического отношения к воспринятой информации.

Суть второй фазы (фазы осуществления программы) состоит в составлении вторичного текста в соответствии с решениями, принятыми в ходе ориентировки и планирования. Задача референта заключается в выполнении спланированной системы действий по реферированию. Исходный текст может быть представлен в создаваемом реферате по-разному, в зависимости от степени эксплицирования отправителем текста своих потребностей, мотивов, целей, а также с учетом мотивов, целей и потребностей потребителей реферата.

В ходе этой фазы исходный текст и преобразуется в текст реферата. Конечно, процесс составления реферата не образует обособленного этапа в деятельности референта. В ходе реализации выработанного общего плана референт может производить некоторое количество ориентировочных проб, перебирать различные конкретные варианты выполнения, сличать полученные результаты с образом результата и осуществлять последующую корректировку некоторых сторон плана. Эти ориентировочные пробы, корректировки плана и сличение результатов идентичны по своей природе операциям ориентировки, выработки плана и сопоставления результата с намеченной целью. Их присутствие среди операций второй фазы свидетельствует о взаимопроникновении фаз деятельностного процесса реферирования.

Вторая фаза включает в себя три стадии: выработку внутренней программы, выбор языковых средств и вербальную реализацию программы. При этом важно отметить, что стадии, соответствующие выработке внутренней программы, вербальной реализации во второй фазе, соотносятся со стадиями проникновения во внутренний смысл текста и восприятия его внешнего содержания в первой фазе.

Все вышеизложенное является сущностью реферирования как речевой деятельности. Но представление реферирования как речевой деятельности было бы неполным, если бы мы не учитывали третью фазу — фазу сопоставления полученного результата с намеченной целью, которая, как уже отмечалось, соответствует редактированию нового текста, т. е. реферата, и имеет самостоятельное значение.

Устранение композиционных недочетов и исправление языковых и стилистических погрешностей, т. е. работа над формой реферата, составляют, пожалуй, большую часть работы референта на этом этапе. Необходимо иметь в виду, что сам процесс исправления композиции, а главным образом языка и стиля неизбежно вызывает потребность вновь и вновь критически воспринять то, что получилось после

внесенного исправления и, если необходимо, обратиться к первичному документу.

Редактирование (от лат. *redactus* «приведенный в порядок») — процесс, направленный на совершенствование содержания и формы текста. Под редактированием реферата подразумевается приведение его в соответствие с предъявляемыми к нему требованиями. Главным при редактировании реферата является установление правильности логического комплексирования изложенных сведений и использования языковых средств.

Следует отметить, что фаза сопоставления результата реферативной деятельности с намеченной целью — составлением реферата не обособляется полностью в отдельный этап, а в определенной, хотя и неодинаковой, степени прослеживается по всему деятельности процессу. Наибольшая часть операций сопоставления и контроля концентрируется в конце процесса. В ходе первых двух фаз операции сопоставления и контроля реализуются в соответствии с конкретными условиями ситуации реферирования. На завершающем этапе операции сопоставления результата с намеченной целью направлены на выведение общей оценки произведенной деятельности. Таким образом, суть третьей фазы заключается в оценке референтом правильности выполненных действий по реферированию.

В процессе реферирования анализ первичного документа представляет собой его рассмотрение, изучение, основанное на расчленении целого на составные части, определение входящих в целое элементов, разборе отдельных сторон и свойств.

Референтский анализ представляет собой рассмотрение первичного документа и его всестороннее изучение в целях написания вторичного документа. Поскольку объектом референтского анализа чаще всего является текст, анализ такого рода опирается на общие критерии оценки соответствующих текстов и конкретные требования, определяемые соответствующими информационными службами, соответствующей командной инстанцией — для военного переводчика-референта. Вместе с тем анализ первичного документа всегда связан с процессом его восприятия и понимания. На некоторых особенностях этого процесса мы остановимся ниже.

Согласно современным представлениям, понимание исходного текста характеризуется различной степенью глубины, отчетливости, полноты и обоснованности. Оно представляет собой процесс, который может развиваться только во времени, проходя через ряд ступеней или этапов. Говоря об «элементах диалектики», В. И. Ленин отмечал «бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, про-

цессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности»⁴. Отсюда наличие уровней понимания первичного текста, которые в конечном итоге определяются, прежде всего, глубиной проникновения в содержание текста, а также разнообразием и существенностью обнаруживаемых при этом сторон изучаемых предметов, явлений и т. п. Из этого следует также и то, что понимание есть процесс многоступенчатый. С точки зрения современной психологии⁵, одной из начальных ступеней понимания следует считать предвосхищение понимания. Это скорее некоторые намеки на понимание, чем само понимание. На одной из следующих ступеней, хотя понимание субъективно и переживается как достигнутое, читатель еще не может его выразить во внешней речи и передать смысл воспринятого. Более высокая ступень понимания соответствует такому этапу, когда мы оказываемся в состоянии изложить другому воспринятое, но в формулировке автора. Достаточное освоение текста еще не наступило. Еще более высокая ступень понимания достигается тогда, когда нас уже не сковывает словесная формулировка и мы можем отступить от подлинника, передать содержание иначе.

Ни смутное понимание, ни понимание, только переживаемое как достигнутое, ни даже понимание, позволяющее читателю передать содержание текста словами автора, референта, естественно, удовлетворить не могут. Референт не был бы в состоянии полноценно работать над текстом вторичного документа, не освоив содержания первичного документа, не сделав его «своим», т. е. переведя развернутое речевое высказывание в такую свернутую субъективную схему, которую он сравнительно легко может развернуть по-своему, своими словами, или, точнее, словами конечного продукта аналитико-синтетической деятельности, т. е. реферата.

Понимание смысла текста будет означать в этом случае выяснение его мотива, т. е. того, ради чего высказывается данная мысль, а также выяснение отношения автора к выраженному в тексте содержанию⁶. Отметим, что достижение такой высокой ступени понимания особенно важно в случае, если первичный документ написан на иностранном языке. Дело в том, что в противном случае референту будет трудно формулировать свой текст и он будет постоянно сбиваться на буквализм. Чтобы этого не происходило, референт должен не просто читать исходный текст, а постоянно проверять

⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 203.

⁵ Смирнов А. А. Психология запоминания. М., 1948.

⁶ «... В психологическом анализе любого высказывания мы доходим до конца только тогда, когда раскрываем этот последний и самый утаенный внутренний план речевого мышления: его мотивацию» (Вygотский Л. С. Мышление и речь. М.—Л., 1934, с. 306).

степень, уровень своего понимания текста путем поиска наиболее подходящих для вторичного документа формулировок.

Для референта такой поиск имеет большой смысл. Он не только помогает ему правильно формулировать на родном языке мысли, высказанные в иноязычном первоисточнике, но и приучает его к серьезной работе, работа, которая исключает скольжение по поверхности, предполагает глубокое проникновение в смысл реферируемого текста и обеспечивает высокий уровень подготавливаемого реферата.

Современная психология видит в понимании процесс переработки текста во внутренний смысл. Результат этого процесса часто получает у референта форму некоей субъективной схемы объективного развернутого исходного текста. Схема — план исходного текста представляет собой предметное отражение жизненных фактов, объективных законов, явлений, событий и т. п., о которых идет речь в исходном тексте.

Отражение исходного текста в схеме-плане, однако, не всегда является достаточным: нас интересует смысл исходного текста в целом. И хотя текст состоит из некоей цепи фраз, мы не ограничиваемся пониманием смысла каждой отдельной фразы. Переходя от одной фразы к другой, мы «вливаем» в последующую фразу смысл предыдущей. В результате понимание исходного текста состоит не только в том, чтобы переходить от смысла одной фразы к смыслу другой, но и в том, чтобы сливать эти смыслы и получать главный смысл, основную идею текста.

Такой характер понимания текста естественно предполагает, что очень важную роль в процессе понимания играет память, на которую ложится задача удерживать в сознании всю ту информацию, которая оказывается полезной для уяснения смысла текста в целом.

Следует, однако, иметь в виду, что память играет важную роль не только в понимании исходного, первичного текста, но и в составлении вторичного текста. Именно потому, что референту необходимо многое запомнить, иной раз и текстуально, нагрузка на память подчас оказывается слишком значительной. В этих условиях большую роль играют различного рода записи наиболее важных «смысловых вех» и другой информации. Но роль записей не сводится лишь к разгрузке памяти. Читая исходный текст, референт реагирует на него, и эта реакция находит свое выражение в заметках. Эти заметки сродни тому, что Л. П. Якубинский⁷ называл реплицированием, которое отражается во внутренней речи, сопровождает восприятие

⁷ См.: Якубинский Л. П. О диалогической речи. Русская речь. Пг., 1923, с. 136.

монологической речи и закрепляется в различных заметках на бумаге. По существу эти заметки представляют собой письменную фиксацию оценок, размышлений и наблюдений референта над исходным текстом.

Все это говорит о том, что отношение референта к исходному тексту должно существенно отличаться от отношения к этому тексту обычного, рядового читателя. Ведь референту надо не только изучить, проанализировать исходный текст, но и написать по нему реферат, а затем и отредактировать его. Именно поэтому референт относится к исходному тексту и с большей ответственностью. Подобная ответственность референта — это не просто внимательное отношение к декодированию иноязычного первоисточника с целью подготовиться к кодированию собственного текста реферата на родном языке. В принципе внимательное отношение необходимо как обязательное минимальное условие при создании любого письменного текста. Референт заботится о том, чтобы составленный им вторичный документ произвел должное впечатление, правильно отразил основное содержание исходного текста. Ему важно, чтобы его текст, т. е. реферат, был правильно понят и чтобы его точка зрения на анализируемые им первоисточники, изложенная в реферате, была достаточно убедительной и весомой.

Необходимо также иметь в виду, что референт работает над первичным текстом в специфических условиях профессиональной деятельности. Если читатель романа может отложить его за отсутствием интереса без всякого ущерба для себя, то референт «такой роскоши» себе позволить не может: он не только не имеет права отложить подготовку реферата «до лучших времен», но, более того, должен написать его в определенные сроки. Без соответствующих навыков добиться этого не так просто. Главное, что отличает чтение референта от чтения «рядового» читателя, заключается в следующем:

во-первых, он работает над исходным текстом ограниченное время и в специфических условиях, связанных с профессиональной деятельностью;

во-вторых, работая над исходным текстом, он готовится к составлению реферата.

Для того чтобы читать быстрее, референт должен обладать навыками скорочтения и уметь понимать текст на основании прогностических решений. Принятие подобных решений представляет собой реализацию способности индивидуума предсказывать явление на основе наблюдения ряда предшествующих явлений⁸. Так, в процессе анализа исход-

⁸ См.: Медведев В. И., Парачев А. М. Терминология инженерной психологии. Л., 1971, с. 85.

ного текста важным моментом является построение гипотез или догадок.

Когда референт принимает какую-либо гипотезу, это значит, что он начинает думать в каком-то одном направлении. Направленность мысли постепенно становится более конкретной и четкой. Референт воспринимает и анализирует почти одновременно, отчего и создается впечатление непосредственного схватывания содержания или мгновенного понимания. Отсюда и процесс понимания кажется одноактным. На самом же деле все дискурсивные процессы здесь выступают в достаточно сокращенной форме, а восприятие и мышление сливаются в единый процесс во времени.

Как правило, степень предсказуемости некоторых участков текста зависит от того, насколько факты, события, явления, о которых в нем сообщается, связаны с теми фактами, которые уже известны референту. Существует три источника понимания на основе прогностических решений. Во-первых, догадка на основании существующих между словами ассоциативных связей. Во-вторых, общая эрудированность, знание вопроса, который освещается в исходном тексте. Это ведет к тому, что и при относительно слабом знании иностранного языка специалист в области математики, медицины, астрономии или химии добивается глубокого понимания соответствующих текстов благодаря отличному знанию характерных для данной отрасли конструкций, процессов, законов, устройств и т. д. В-третьих, высокое развитие умозаключающего мышления субъекта, которое помогает видеть в предъявляемой информации не только рядоположение отдельных элементов объективной действительности, но и связи, отношения между этими элементами, даже если они эксплицитно и не выражены. «В умозаключении, — писал С. Л. Рубинштейн, — или выводе на основании имеющегося знания, выраженного в посылах, приходят к новому знанию в заключении: знание добывается опосредованно через знание, без новых заимствований в каждом отдельном случае из непосредственного опыта»⁹.

Однако вероятностное прогнозирование в процессе чтения позволяет не только предвосхищать план и содержание последующего изложения. С помощью вероятностного прогнозирования референт активизирует мыслительную деятельность в процессе чтения первичного документа, соотносит его содержание с собственными знаниями и строит модель собственного речевого произведения — реферата.

Принимая прогностические решения, референт прежде всего мысленно предвосхищает содержание и план последующего изложения текста. Он не только понимает то, что

⁹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940, с. 302.

читает, но и предвосхищает то, что еще не успел прочитать. Такая настроенность на «авторскую волну» необыкновенно выгодна для референта, так как вызывает высокую интеллектуальную активность, не позволяет терять нить изложения, ход мысли автора, помогает замечать все расхождения между тем, что прогнозируется, и тем, что действительно высказывается. Строя гипотезу, референт вольно или невольно активизирует собственные знания по вопросу, исследуемому в первичном тексте, прогнозируя тем самым и собственные речевые действия, связанные с написанием реферата. Благодаря вероятностному прогнозированию референт быстрее входит в круг проблем, которые ему предстоит осветить в реферате.

Вместе с тем следует отметить, что, как показывают экспериментальные данные, способность к вероятностному прогнозированию снижается, если текст написан не на родном, а на иностранном языке. Во-первых, способность принимать прогностические решения оказывается в этом случае гораздо ниже. Во-вторых, сам процесс понимания на основании прогностических решений — более протяженный во времени¹⁰.

Кроме того, понимание на основе прогностических решений далеко не всегда оказывается эффективным. Часто сам отправитель стремится помешать читателю предсказать какую-либо важную особенность текста. Делая важнейшие элементы текста непредсказуемыми, отправитель, по мнению М. Риффатера, таким образом контролирует декодирование самим закодированием. «Предсказуемость, — отмечает в этой связи М. Риффатер, — может привести к поверхностному чтению; непредсказуемость требует внимания: интенсивность восприятия должна соответствовать интенсивности сообщения»¹¹.

Иначе говоря, при поверхностном чтении легко можно опустить очень важные в информативном отношении отрезки текста, а это, в свою очередь, может отрицательно сказаться на реферате: последний окажется недостаточно информативным.

И напротив, если в процессе чтения первоисточника референт ставит вопросы, ответы на которые последуют в дальнейшем изложении, то такие предваряющие изложение вопросы побуждают его искать в тексте ответ, сопоставлять его с вопросом и с собственными знаниями о предмете, т. е. активизируют мыслительную деятельность.

Конечно, проблемный вопрос есть проблемный вопрос. Его не решить с ходу. Однако решать надо. Во-первых, от

¹⁰ См.: Гаврилов Л. А. Лингвистические и психологические аспекты аудирования французской диалогической речи. М., 1973, с. 141—142.
¹¹ Риффатер М. Критерии стилистического анализа. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М., 1980, с. 73.

правильного решения часто зависит понимание всего текста или очень существенной его стороны; во-вторых, именно верное понимание первичного документа является залогом успешной работы над текстом вторичного документа. Во всяком случае, решая подобные вопросы, ища ключ к их пониманию, референт тем самым формулирует проблему, которая так или иначе оказывается на страницах уже вторичного документа. Вообще способность задавать такого рода вопросы очень многое дает референту. Она, в частности, помогает ему предвосхищать возможные вопросы потребителей вторичного текста и предусмотреть во вторичном тексте соответствующие разъяснения.

Подводя итог сказанному, отметим, что в целом реферирование представляет собой сложную и тесную взаимосвязь понимания и осмысления первичного текста и построения на его основе нового текста — реферата, который является продуктом сложной компрессии и переработки первичного текста. Эта связь (воспринятого и вновь созданного текста) находит свое отражение в трехфазовой структуре реферирования как деятельности по извлечению и краткому обобщенному изложению реферируемого материала. Реферирование, как и перевод, осуществляется на достаточно высокой стадии понимания исходного текста. В процессе анализа исходного текста и составления текста реферата большую роль играет, так же как и в переводческой деятельности, вероятностное прогнозирование, использование механизма которого способно существенно оптимизировать процесс реферирования в целом.

Н. К. Гарбовский

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ РЕЧИ

Для теории перевода и переводческой практики немаловажное значение имеют исследования, освещающие вопросы семантики синтаксиса. В основе описания семантики синтаксиса, как отмечает Е. В. Падучева, лежит «изучение синонимии, причем в качестве наиболее важного для семантики вида синонимических преобразований выделяется толкование, т. е. преобразование, переводящее менее эксплицитное языковое выражение в более эксплицитное»¹. Суть же перевода заключается в том, чтобы путем проведения

¹ Падучева Е. В. О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка). М., 1974, с. 10.

соответствующих трансформаций наиболее адекватно передать средствами одного языка то, что уже сказано или написано на другом языке. Синонимические преобразования, проводимые в ходе семантического анализа, и служат базой для переводческих трансформаций.

В настоящей статье освещаются вопросы семантики синтаксиса французских официально-деловых текстов. Официально-деловые тексты представляют собой обширный и до настоящего времени мало исследованный речевой материал. Многообразие произведений официально-делового стиля вызывает необходимость их более подробного внутреннего подразделения на речевые разновидности. На наш взгляд, внутри официально-делового стиля наиболее отчетливо различаются такие разновидности, как законодательная, к которой относятся тексты кодексов, законов, уставов; административная, охватывающая тексты приказов, циркуляров, распоряжений, директив и т. п.; дипломатическая, включающая ноты, заявления, меморандумы; договорная — тексты договоров и соглашений; деловое письмо.

Среди отмеченных разновидностей официально-деловой речи наименее исследованной нам представляется область законодательной речи. Тем не менее, переводчикам, юристам, историкам и многим другим специалистам нередко приходится сталкиваться с законодательными текстами. К законодательной речи относятся, в частности, воинские уставы, послужившие материалом для данного исследования. Уставы — это «официальные нормативно-правовые документы, регламентирующие поведение и деятельность военнослужащих»². Функциональное предназначение уставов как регламентирующих документов предопределяет целый ряд стилевых черт, объединяющих их с другими разновидностями законодательной речи. Такими стилевыми чертами уставов являются: соответствие языковых форм выражения логическим формам мышления, проявляющееся в полной грамматической выраженности и в использовании синтаксических форм, рассчитанных на логическое восприятие; отсутствие авторской индивидуальности — стиль изложения во всех уставах независимо от рода войск и периода издания не изменяется; безличность и беспристрастность изложения, проявляющаяся в невыраженности отношения автора к высказываемому положению; обобщающий характер и модальность долженствования.

В большинстве предложений, актуализированных в уставах, выражаются сложные суждения, внутри которых устанавливаются различные логические связи между составляющими их простыми суждениями. В этой статье мы попытаем-

² Советская военная энциклопедия, т. 8. М., 1980, с. 226.

ся показать, как используются синонимичные синтаксические конструкции для выражения наиболее типичных для законодательной речи видов логической связи в текстах уставов.

Современные логические концепции различают два уровня суждения как формы мысли: субъективно-предикатную структуру и структуру как пропозициональную функцию. «Каждая из этих структур мысли, — пишет В. З. Панфилов, — обусловлена одной из объективно присущих ей сторон, а именно: если суждение как пропозициональная функция фиксирует ту или иную объективную ситуацию, образуемую какими-либо объектами в их отношениях, то субъектно-предикатная структура обусловлена направленностью, ходом познания данной ситуации»³. Структура суждения как пропозициональная функция представляет собой *n*-местный предикат со своими аргументами. В зависимости от количества аргументов она может быть двучленной или многочленной. Субъектно-предикатная структура суждения включает в свой состав логический субъект и логический предикат (понятие о предмете и понятие о признаке данного предмета).

В основе логико-семантического анализа предложения как языковой формы выражения суждения может находиться либо представление о субъектно-предикатной структуре суждения, либо представление о структуре суждения как пропозициональной функции. Субъектно-предикатная структура обусловлена ходом познавательной деятельности человека. Логические отношения между суждениями также устанавливаются мышлением в процессе познания действительности и являются продуктом мыслительной деятельности. Поэтому при анализе форм выражения логических связей, существующих между простыми суждениями в составе сложного, мы сочли целесообразным исходить из субъектно-предикатной структуры суждения.

В ходе познания действительности мышлением устанавливаются различные отношения между наблюдаемыми явлениями. Это находит свое отражение в многообразии связей, существующих между суждениями. Для законодательной речи наиболее характерны такие виды логической связи между суждениями, как импликация и конъюнкция.

Импликация представляет собой вид логической связи, устанавливаемый мышлением между каким-либо событием (процессом)⁴ и условиями, в которых это событие происходит.

³ Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977, с. 116.

⁴ Вслед за М. Мейе и А. Сеше мы употребляем термин «процесс» в тех случаях, когда необходимо обозначить в наиболее общем плане категорию, выражаемую глаголами, без ее дифференциации на действие и состояние (Sèchehaye A. Essai sur la structure logique de la phrase. P., 1296, p. 49).

Отношение импликации устанавливается, в частности, между компонентами логической формулы правовой нормы, согласно которой «лицо, находящееся в определенных условиях (гипотеза), должно действовать сообразно юридическим законам, действующим в этих случаях (диспозиция) во избежание определенных последствий для лица (санкция)»⁵.

Логическая формула правовой нормы наилучшим образом соответствует семантике большинства предложений, актуализированных в боевых уставах, где сообщается о том, как необходимо действовать военнослужащим в тех или иных условиях боевой обстановки. Логическая формула правовой нормы, выводимая из уставов, может быть представлена следующим образом: лицо, находящееся в определенных условиях (гипотеза), должно действовать сообразно положениям устава, действующим в этих случаях (диспозиция), во избежание поражения (санкция).

Отношение импликации доминирует над другими видами логической связи в предложениях, актуализированных в боевых уставах. Гипотетическая структура речи, по словам А. А. Ушакова, «лучше всего отражает существо законодательной мысли»⁶.

В наиболее эксплицитной форме импликация выражается в сложноподчиненных предложениях с союзом *si*.

Придаточное предложение условия, вводимое союзом *si*, может выражать два оттенка условного значения. Рассмотрим следующие примеры: 1) *Pour le retour, si l'agent de transmission se déplace en terrain connu, il doit utiliser un itinéraire différent, afin d'éviter de tomber dans une embuscade.* 2) *Si la distance à parcourir exède 200 ou 300 mètres, la liaison doit être autant que possible confiée à deux hommes qui se déplacent, l'un protégeant l'autre, somme des éclaireurs*⁷.

В первом предложении отношение импликации устанавливается между суждением, выраженным именным предложением словосочетанием *pour le retour* (гипотеза формулы правовой нормы), и суждением, обозначенным предложением *il doit utiliser un itinéraire différent* (диспозиция). Придаточное предложение условия *s'il se déplace en terrain...* выражает дополнительное условие, которое не обуславливает, как гипотеза, данную диспозицию, а лишь делает ее возможной. Такое придаточное предложение условия может быть заменено конструкцией, обозначающей в общем плане категорию возможности, например: *Pour le retour l'agent de transmis-*

⁵ Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики, ч. 1. Пермь, 1967, с. 161.

⁶ Там же, с. 181.

⁷ Здесь и далее приводятся примеры из книги: *Règlement sur le combat de l'infanterie*. P., 1966.

sion doit *autant que possible (si possible)* utiliser un itinéraire différent.

Исключение условного придаточного предложения из состава сложного не нарушит гипотетической структуры высказывания: Pour le retour, l'agent de transmission doit utiliser un itinéraire différent.

Во втором примере, напротив, условное предложение si la distance à parcourir exède 200 ou 300 m обозначает гипотезу, которая обуславливает данную диспозицию la liaison doit être confiée à deux hommes. А возможность принятия этой диспозиции выражена модальным оборотом autant que possible. Исключение условного придаточного предложения из состава сложного повлечет за собой нарушение гипотетической структуры высказывания: ...la liaison doit être confiée à deux hommes.

Если какая-либо ситуация обуславливает определенное действие, то она может рассматриваться как его причина. Поэтому такие условные предложения носят оттенок причинности. В «Грамматике русского языка» придаточные предложения условия, имеющие оттенок причинности, называются «чистыми» придаточными условными, а отношения, устанавливаемые в таких сложноподчиненных предложениях, — условно-следственными⁸. Исследователь французского синтаксиса П. Губерина отмечал, что оттенок причинности обнаруживается не только в обстоятельствах условия, но и в большинстве других обстоятельств⁹.

Условные придаточные предложения с оттенком причинности располагаются, как правило, в препозиции по отношению к главному предложению. Такое расположение придаточного предложения подчеркивает первичность обозначаемого им действия по отношению к действию, выраженному в главном предложении, то есть логическую последовательность от гипотезы к диспозиции.

Условные придаточные предложения с оттенком причинности всегда тем или иным образом соотносятся со сказуемым главного предложения, в отличие от условных предложений с оттенком возможности, которые могут соотноситься с иным членом главного предложения. В качестве примера рассмотрим следующие предложения: 1) Si le groupe s'installe sur une position défensive, le chef de groupe reçoit du chef de section et communique à sa troupe les ordres relatifs aux points suivants. 2) Dans de nombreuses circonstances, l'infanterie doit procéder à cette opération difficile, lente si elle est conduite à pied, risquée si, pour aller vite, elle est effectuée en véhicules.

⁸ Грамматика русского языка, т. 2, ч. 2. М., 1954, с. 324.

⁹ Guberina P. Valeur logique et valeur stylistique des propositions complexes. Zagreb, 1954, p. 33.

В первом примере процесс, выраженный придаточным предложением, обуславливает процесс, обозначенный глаголом главного предложения, и относится ко всему главному предложению. Во втором примере придаточное предложение сообщает о том, при каких условиях возможен тот или иной признак объекта, и относится к определению объекта глагола главного предложения.

В большинстве предложений, выражающих формулу правовой нормы, субъекты действия гипотезы и действия диспозиции не совпадают. Однако в некоторых случаях оба процесса могут относиться к одному субъекту. Например: *Si un détachement de découverte est rejoint par une avant-garde, il passe automatiquement sous les ordres du commandant de l'avant-garde.*

В предложениях с повторяющимся субъектом отмечается как прямой, так и инвертированный порядок следования знаменательного слова и замещающего его местоимения. Например: 1) *Si le groupe est surpris, il cherche à se dissimuler aux vues de l'adversaire, observe et se tient prêt à riposter si les engins passent à bonne portée.* 2) *S'il est surpris, le groupe réagit par le feu, cherche à se soustraire aux coups en utilisant le terrain et fait face avec toutes ses armes.*

Прямая последовательность встречается чаще. При инвертированной последовательности возникает возможность двоякого толкования содержания предложения ввиду того, что личное местоимение может повторять не субъект, а какое-либо иное слово предыдущего предложения. Инверсия знаменательного слова и личного местоимения носит стилистический характер. Она обусловлена стремлением избежать повторения одних и тех же синтаксических конструкций в том контексте, где исключается двусмысленность. Если действия, обозначенные в условном и главном предложениях, производятся одним субъектом, то в одном из предложений субъект может повторяться не прямым, а косвенным путем, например в форме притяжательного местоимения или же в виде части целого.

Например: 1) *Si la patrouille repère l'ennemi sans être vue, son attitude est fonction de sa mission et de l'importance de l'ennemi.* 2) *Si les guetteurs sont doublés, l'un d'eux peut être abrité, pour échapper, en cas de feux nucléaires, aux effets d'aveuglement.*

Значение условия как обстановки, обуславливающей развитие какого-либо процесса, часто выражается придаточными предложениями, вводимыми союзами *quand* и *lorsque* и называемыми придаточными времени. Действительно, этот вид придаточных предложений обозначает процессы, происходящие одновременно с процессами, выраженными в главном предложении. Но эти параллельные процессы происхо-

дят не независимо друг от друга. Напротив, один процесс как бы помещается в рамки другого, а в некоторых случаях обуславливается им. Сравним несколько предложений: 1) Lorsque l'occupation se prolonge, les travaux d'organisation se poursuivent, en observant l'ordre fixé par le Commandement. 2) Si la situation défensive se prolonge, le chef de section établit par écrit les consignes pour le combat. 3) Suivant la situation, l'équipe se déplace:

— soit en rampant, si elle peut ainsi se soustraire aux vues et aux feux de l'ennemi;

— soit par bonds rapides, quand elle est soumise aux tirs de l'ennemi.

Как было показано выше, можно различить два семантических типа предложений, выражающих логическую формулу правовой нормы, т. е. предложения, обозначающие гипотезу и диспозицию как процессы, относящиеся к одному субъекту, и предложения, обозначающие гипотезу и диспозицию как процессы, относящиеся к разным субъектам. Дифференциация этих двух семантических типов имеет важное значение для перевода.

В русском языке, как и во французском, сложное предложение с придаточным условия может обозначать гипотезу и диспозицию в виде процессов, зависящих как от одного, так и от различных субъектов. Однако в оригинальных русских текстах уставов употребление сложноподчиненных предложений для обозначения формулы правовой нормы, где гипотеза и диспозиция представлены как процессы, зависящие от одного и того же субъекта, не встречается. Поэтому перевод французских сложноподчиненных предложений с придаточными условия без изменения синтаксической структуры в данной разновидности речи возможен только в том случае, если процессы, о которых сообщается в главном и придаточном предложениях, имеют различные субъекты. Если же оба процесса имеют один и тот же субъект (довольно распространенный случай для французских предложений), то при переводе необходимо проводить трансформацию синтаксической структуры.

Здесь мы сталкиваемся с фактом межъязыковой асимметрии, заключающейся в том, что синтаксические конструкции, существующие в системах обоих языков, в какой-то функциональной разновидности речи не эквивалентны.

Наиболее характерной формой выражения формулы правовой нормы для русских текстов уставов является предложение с номинативными конструкциями, вводимыми различными предлогами. Эти синтаксические структуры могут соответствовать обоим семантическим типам. Поэтому при переводе французских сложных предложений, обозначающих гипотезу и диспозицию как процессы, относящиеся к одному

и тому же субъекту, эта синтаксическая форма выступает как основной функциональный эквивалент.

В русских текстах уставов формула правовой нормы нередко выражается предложениями с деепричастными оборотами. Деепричастный оборот в русском языке обозначает, как правило, процесс, относящийся к тому же субъекту, что и процесс, выраженный глаголом в личной форме. Поэтому при переводе французские сложноподчиненные предложения, содержащие гипотезу и диспозицию, представленные как процессы, относящиеся к одному и тому же субъекту, могут легко трансформироваться в предложения с деепричастным оборотом, где деепричастный оборот выражает гипотезу, а глагол в личной форме — диспозицию.

Сложные предложения с придаточными времени могут переводиться на русский язык с помощью тех же синтаксических конструкций, что и сложные предложения с придаточными условия.

В оригинальных русских текстах боевых уставов сложноподчиненные предложения с придаточными времени встречаются довольно редко, причем только для обозначения тех процессов, которые не совпадают по времени с процессами, выраженными в главных предложениях.

Номинативные конструкции представляют собой наиболее распространенное средство выражения процессов, соотносимых во времени с процессами, обозначенными глаголами в личной форме и являющимися условиями развития этих процессов. Число этих конструкций превышает число деепричастных оборотов. В отличие от них, номинативные конструкции могут, во-первых, выражать процессы, субъект которых не совпадает с субъектом глагола в личной форме, во-вторых, выражать процессы, совершаемые после процессов, обозначенных глаголами в личной форме, и, в-третьих, выражать различные оттенки временных отношений между процессами.

Оттенок условности отмечается и в некоторых придаточных относительных предложениях, вводимых союзом *qui* и определяющих субъект главного предложения. Например: *Tout fantassin qui s'arrête doit «se poster» afin d'être dans les meilleures conditions de tir, face à l'ennemi s'il se présente.*

Относительное придаточное обозначает признак субъекта, представляя его как условие совершения другого действия. Иначе говоря, если субъект приобретает какое-то качество (гипотеза), он должен совершить определенное действие (диспозиция). Значение условия, выраженное относительным придаточным предложением, накладывается на значение признака и дополняет его. В отличие от придаточных предложений, вводимых союзами *si*, *lorsque*, *quand*, которые указывают на гипотетическую структуру высказывания,

в придаточном относительном значении условия выводится лишь из содержания предложения.

Довольно часто гипотеза передается с помощью непредикативных синтаксических конструкций, таких, как причастные или абсолютные причастные, инфинитивные и номинативные конструкции.

Причастные конструкции, а иногда и отдельные причастия могут выражать гипотезу в тех случаях, когда они относятся к подлежащему предложения. Наиболее часто в этом значении встречаются причастные конструкции (или отдельные причастия) с формой *Participe passé*. Обычно они располагаются в препозиции к подлежащему, соответственно занимают в предложении первое место и обособляются. Например: *Pris sous un tir d'artillerie, le chef de groupe fait dégager son groupe de la zone baffue, par bonds rapides effectués homme par homme.*

В некоторых случаях бывает довольно сложно определить, обозначает ли причастие условие или причину, т. е. является ли конструкция гипотетической или объяснительной. Значение, выражаемое причастной конструкцией, отчетливо проявляется только в контексте. Рассмотрим несколько предложений, представляющих собой начала подпунктов статьи, посвященной боевым возможностям роты в наступлении:

Arc. 5113. — Possibilités de la compagnie

Attitude offensive

3. Equipée de véhicules de transports tout chemin (compagnie motorisée), elle peut suivre le rythme général de la manoeuvre interarmes...

4. Equipée de véhicules de combat blindés tout terrain (compagnie mécanisée), la compagnie bénéficie de possibilités offensives plus grandes...

5. Renforcée temporairement par un peloton d'hélicoptères de manoeuvre la compagnie peut être placée dans des délais très brefs et par surprise à l'endroit et au moment voulus.

Если каждое из приведенных предложений рассматривать изолированно, то их гипотетическая структура не проявляется столь же очевидно, как при анализе всего отрезка текста. В данном случае вне контекста причастной конструкции можно было бы в равной степени приписать и значение причины и значение условия: *Equipée de véhicules de transports tout chemin, elle peut suivre le rythme général de la manoeuvre interarmes...*

Ср.: 1) Si l'infanterie est équipée de véhicules de transports tout chemin, elle peut suivre le rythme général de la manoeuvre interarmes. 2) Parce que l'infanterie est équipée de véhicules de transports tout chemin, elle peut suivre le rythme général de la manoeuvre interarmes.

Гипотеза может передаваться не причастным оборотом, а отдельным причастием (форма *Participe passé*), также расположенным в препозиции к подлежащему. Например: *Surpris, le groupe réagit par le feu.*

Как и в предыдущем примере, значение условия, выражаемое причастием, подсказывается контекстом:

Pour le groupe, la prise de contact est un des moments essentiels du combat. Elle est souvent marquée par la surprise, (здесь и далее курсив мой. — Н. Г.), soit que l'ennemi embusqué se dévoile ou que ses blindés débouchent brusquement, soit au contraire, que le groupe décèle le premier l'ennemi et le surprenne par une attaque ou une embuscade.

Le sang-froid du chef de groupe, la valeur et la cohésion du groupe sont alors déterminants.

Surpris, le groupe réagit par le feu, cherche à se soustraire aux coups en utilisant le terrain ou à l'aide de fumigènes, et fait face avec toutes ses armes. Le chef de groupe rend compte aussitôt à son chef de section.

S'il décèle le premier l'adversaire, le chef de groupe cherche à mettre en oeuvre efficacement tous les moyens antichars dont il dispose (LRAC, fusils, lance-grenades, mines).

Причастные конструкции *Participe présent* в данной разновидности речи довольно редко употребляются для обозначения условия. Примером употребления формы *Participe présent* для выражения значения условия может служить следующее предложение:

Une formation blindée opérant au profit des autres armes peut être amenée:

— soit à agir dans le cadre d'un groupement de toutes armes;

— soit à mener une action, simultanée ou non, au bénéfice de ce groupement:

Нередко гипотеза выражается абсолютной причастной конструкцией. Например: *La percée ennemie pouvant avoir des conséquences décisives sur l'issue de la bataille, à partir du moment où elle peut être envisagée, et surtout à partir du moment où elle est réalisée, tout doit être mis en oeuvre pour s'y opposer et détruire les forces qui l'ont réussie.*

Как и в предложениях с причастной конструкцией, в некоторых случаях оказывается довольно сложно определить, выражает ли абсолютная причастная конструкция условие или причину. Значение конструкции также уточняется с помощью контекста. В предложении: *L'itinéraire n'étant pas obstrué, le chef d'embuscade a la faculté de laisser passer le véhicule de tête, si le suivant représente un objectif prioritaire (char)* значение условия, выраженное абсолютной причастной конструкцией, недостаточно отчетливо выводится из его содержания. При изолированном рассмотрении предложения

можно предположить, что абсолютная причастная конструкция обозначает причину. Значение условия уточняется в контексте:

Deux situations sont à envisager:

a) L'itinéraire est obstrué...

b) L'itinéraire est libre...

L'itinéraire n'étant pas obstrué, le chef de l'embuscade a la faculté de laisser passer le véhicule de tête, si le suivant représente un objectif prioritaire (char).

Из этого примера видно, что употребление синтаксических синонимов, в данном случае придаточного предложения и абсолютной причастной конструкции, обусловлено стремлением избежать повторения одного и того же средства выражения для повторного обозначения того же значения в одном предложении.

Наряду с придаточными предложениями и причастными конструкциями широкое распространение в боевых уставах для обозначения гипотезы логической формулы правовой нормы получили номинативные конструкции, образованные в большинстве случаев от отглагольных существительных. Например: En cas d'arrêt de la progression par les feux adverses ... la progression peut être prise en force sur ordre du commandant de compagnie avec les appuis de feux nécessaires.

Ср.: Si la section est arrêtée par les feux ennemis, le chef de section riposte et rend compte à son commandant de compagnie.

Номинативные конструкции, выражающие гипотезу, часто выполняют в предложении функцию обстоятельств времени и места и, как правило, расположены в антепозиции. Например: 1) En attitude défensive, la section isolée, même si elle est renforcée, est plus apte à mener un combat mobile d'usure qu'à occuper ou tenir une portion de terrain. 2) Dans le combat mobile d'usure en particulier, ce dernier est un réflexe systématique: le rendement du combat est fonction de l'agressivité du défenseur.

Эти обстоятельства выражают не столько одновременность, сколько отношение импликации, так как содержат суждения об условиях, в которых необходимо предпринимать те или иные действия. Характерно, что и грамматически обстоятельства времени, выраженные номинативными конструкциями, также близки обстоятельствам условия и обстоятельствам места, так как часто вводятся одними и теми же предлогами. Например: 1) Dans l'attaque, le groupe cherche les cheminements non battus par le feu et utilise toutes les ressources offertes par le terrain pour se soustraire aux vues et aux coups de l'adversaire. 2) Dans certaines zones de terrains assez dégagées, mais où les villages forment un quinconce serré, le groupement peut mener un combat mobile.

3) Dans ces conditions, son rôle consiste à :

— préciser au groupe d'appui la mission que lui a donnée le commandant de compagnie et veiller à son exécution.

Все эти обстоятельства объединены одним основным значением, а именно значением ситуации, в которой необходимо действовать тем или иным образом, то есть выражают гипотезу логической формулы правовой нормы, независимо от того, как рассматривается эта ситуация, в пространственном или временном плане.

Номинативные конструкции, как и другие синтаксические средства выражения гипотезы, как правило, располагаются в антепозиции и обособляются.

Исследование текстов боевых уставов показало, что в данной разновидности речи гипотеза обозначается с помощью различных синтаксических средств, основными среди которых по частотности употребления являются придаточные предложения, вводимые союзами *si*, *lorsque*, *quand*, и номинативные конструкции с предлогами *à*, *en*, *dans*, *pendant*. Если же условие лишь делает возможным другой процесс и не предопределяет его развития, то в речи используются в основном придаточные предложения с союзом *si*.

Варьирование синтаксических средств в большинстве случаев вызвано стилистической необходимостью, т. е. стремлением избежать повторения одних и тех же конструкций в одном предложении или в ряде близко расположенных предложений. Стилистический характер использования различных синтаксических конструкций для выражения гипотезы наглядно демонстрируется фрагментом боевого устава пехоты; где одна и та же гипотеза, повторяющаяся в пяти из восьми следующих друг за другом предложений, каждый раз выражена отличной от предыдущей синтаксической формой:

En cas de surprise, à défaut de couvert proche, il s'immobilise sur place...

Surpris, le groupe réagit par le feu, cherche à se soustraire aux coups en utilisant le terrain...

Si le groupe est surpris, il cherche à se dissimuler aux vues de l'adversaire, observe et se tient prêt à riposter...

S'il est surpris, le groupe réagit par le feu, cherche à se soustraire aux coups...

Следующий вид логической связи, рассматриваемый в статье, — конъюнкция. Конъюнкция определяется как «логическая операция, образующая сложное высказывание из двух высказываний, объединенных с помощью логического союза и»¹⁰. Конъюнкцией могут быть связаны суждения как об од-

¹⁰ Философский словарь. М., 1980, с. 167.

ном, так и о нескольких субъектах. В первом случае в ряду последовательных суждений отражаются различные, не зависимые друг от друга признаки одного и того же субъекта, а во втором — признаки различных субъектов.

Анализ семантики предложений, актуализированных в уставах, показывает, что для данной разновидности речи наиболее характерно выражение конъюнктивной связи, существующей между суждениями, отражающими признаки одного и того же субъекта. В этом отражается особенность законодательного мышления, заключающаяся в том, что суждения группируются блоками, центрами которых являются понятия о каких-либо единых субъектах. Блок отражает признаки данного субъекта и его отношения как с зависимыми от него явлениями, так и с явлениями, обуславливающими его признаки. Блоки представляют собой замкнутые структуры, не связанные друг с другом какими-либо отношениями.

Отношение конъюнкции, устанавливаемое между суждениями, отражающими признаки одного и того же субъекта, имеет различные формы выражения во французской речи, такие, как сложносочиненное предложение, сложное бессоюзное предложение, предложение с однородными сказуемыми или однородными лексически значимыми частями составных сказуемых. Конъюнктивная связь обнаруживается также в некоторых последовательностях предложений, грамматически не связанных друг с другом.

Наиболее эксплицитной формой выражения данного вида логической связи является предложение с однородными сказуемыми, связанными сочинительным союзом *et*. Такие предложения выражают только два суждения. Например: *Il voit son ennemi et vit intensément son combat.*

Но эта форма менее других распространена в боевых уставах. Основным синтаксическим средством выражения конъюнкции в данной разновидности речи служит сложное бессоюзное предложение. Эта синтаксическая конструкция достаточно полно отражает характер данного вида логических отношений и довольно часто встречается в законодательных текстах. Например:

A cet effet:

- *il tombe en garde;*
- *il observe, afin de découvrir les objectifs justiciables de ses feux;*
- *il met en action ses moyens de feu et tente de neutraliser les armes de l'ennemi;*
- *il cherche les cheminements possibles pour déborder l'élément adverse;*
- *il renseigne son commandant de compagnie.*

Наиболее употребимый синоним сложного бессоюзного предложения — это предложение с однородными сказуемыми, не соединенными какими-либо союзами. Например:

Il (commandant de compagnie. — Н. Г.):

- informe ses subordonnés de la situation ennemie;
- reprend en mains les sections plus ou moins dissociées durant la progression (ou l'hélicotransport ou le parachutage);
- adapte le dispositif de la compagnie au terrain;
- prépare l'intervention des différents appuis;
- précise ou modifie certains ordres initiaux.

В этом предложении, как и в предыдущем, выражено несколько суждений об одном и том же субъекте мысли. Но если в первом предложении каждое суждение получает полное речевое выражение, то во втором, напротив, сохранены только логические предикаты, а логический субъект — имплицитен. Невыраженность в речи логического субъекта может объясняться принципом речевой экономии. Интересно, что для боевых уставов более характерны сложные бессоюзные предложения, чем предложения с однородными сказуемыми. Это подтверждает положение, высказанное Р. Г. Пиотровским, о том, что в официально-деловой речи выбираются такие синтаксические варианты, которые «яснее всего передают логическую организацию мысли»¹¹.

Такая форма выражения суждений, связанных между собой отношением конъюнкции, в которой на субъект мысли указывается только один раз, имеет ряд разновидностей. Две из них широко используются в уставах.

Первая разновидность, назовем ее модальной, представляет собой предложения с однородными лексически значимыми частями составных глагольных сказуемых, относящимися к модальным глаголам *devoir*, *pouvoir*. Например:

Dans le cadre des ordres qu'il reçoit de son commandant d'unité, le chef d'échelon doit:

- effectuer les reconnaissances nécessaires à son mouvement;
- maintenir la liaison avec les troupes à pied soit à vue, soit par radio, soit par estafette moto;
- assurer la sécurité de ses véhicules;
- en toutes circonstances, être capable de prendre des initiatives et en particulier de faire reconstituer les pleins.

В приведенном примере также выражено несколько суждений об одном субъекте мысли. Все эти суждения характеризуются объективной деонтической модальностью, которая, как и сам субъект, в речи обозначена только один раз и в дальнейшем не повторяется.

¹¹ Пиотровский Р. Г. Очерки по стилистике французского языка. Л., 1960, с. 166.

Второй разновидностью являются предложения с составными именными сказуемыми, имеющими однородные именные части. Например:

Le combat antichars est:

— agressif: la pièce va attaquer le char s'il est hors de la portée pratique de tir;

— mobile: la pièce change d'emplacement après chaque coup, et de zone d'emplacements après plusieurs coups;

— souple: la pièce choisit son objectif et le moment de son attaque.

Эти предложения отличаются от предложений с однородными глагольными сказуемыми тем, что выражают не суждения отношения, а суждения определения.

Отношения конъюнкции нередко обнаруживаются также в некоторых последовательностях грамматически не связанных друг с другом предложений, в которых повторяется один и тот же субъект. В качестве примера приведем фрагмент текста боевого устава, где говорится о роли, выполняемой командиром отделения в бою:

Art. 3112. — Rôle du chef de groupe

Le chef de groupe prépare et conduit l'action de ses équipes avec le souci d'accomplir intégralement, coûte que coûte, la mission reçue.

Il est un guide et un exemple. Doué d'excellentes qualités d'endurance physique et morale, il maintient l'agressivité de ses hommes. Il se décide vite, il fait preuve d'initiative.

Il est aussi le premier sur le plan technique: il connaît le fonctionnement de toutes les armes et de tous les matériels du groupe. Il sait mettre en oeuvre les moyens mis à sa disposition ou récupérés sur le terrain (armement, mines, explosifs, artifices, etc.). Il est capable de s'orienter, quelles que soient les conditions de visibilité.

Il sait exploiter les feux des armes d'appuis (mortiers, artillerie).

Предложения в составе сложного бессоюзного имеют большую грамматическую связанность, чем последовательность независимых предложений. Но грамматически независимые предложения, если в них повторяется один и тот же субъект, логически связаны друг с другом не меньше, чем отдельные предложения в составе сложных или даже однородных сказуемых внутри простых предложений. Это подтверждается следующими примерами, извлеченными из различных источников¹²: 1) A son arrivée il remet le pli à son destinataire ou à son représentant; il attend et au besoin demande l'accusé de réception ou la réponse; il ne se retire pas

¹² Первый пример извлечен из книги: *Règlement sur le combat de l'infanterie*. P., 1966, p. 54, а второй из книги: *Instruction pour les unités de fusiliers—voligeurs*. P., 1939, p. 52.

sans en avoir reçu l'ordre; il le provoque au besoin. 2) A son arrivée, il remet le pli à son destinataire ou à son suppléant. Il attend et au besoin demande l'accusé de réception ou la réponse. Il ne se retire pas sans en avoir reçu l'ordre; il le provoque au besoin.

В боевом уставе пехоты, изданном в 1966 г., в отличие от боевого устава стрелковых войск, датируемого 1939 г., предпочтение отдается более связанной синтаксической конструкции. Это позволяет предположить, что в современной французской официально-деловой речи намечается тенденция к использованию более жестких синтаксических конструкций. Однако для определения того, является ли данный феномен единичным случаем, или отражает именно тенденцию, необходимо проведение специального диахронного исследования, что не входит в задачи настоящей статьи.

В заключение подведем некоторые итоги. В результате проведенного логико-семантического анализа синтаксиса французских боевых уставов оказалось возможным сделать вывод о том, что каждый из подвергавшихся исследованию видов логической связи выражается в речи не одной, а несколькими синонимичными синтаксическими конструкциями, различающимися по степени эксплицитности. Одна из этих конструкций для данной разновидности речи является доминантной.

Для выражения логических отношений широко используются не только обстоятельственные формы (придаточные предложения со значением обстоятельств, деепричастные и номинативные конструкции), но и атрибутивные (относительные придаточные предложения, обе формы причастных конструкций).

Наиболее эксплицитно логические связи выражаются в сложных предложениях, так как их структура более полно соответствует структуре сложного суждения, внутри которого и устанавливаются те или иные виды логических отношений. Но далеко не всегда наиболее эксплицитная форма является доминантной. Наименьшей эксплицитностью обладают предложения с причастными и номинативными конструкциями, семантика которых может быть выведена только из контекста.

Анализ функционирования синонимичных синтаксических конструкций показал, что в уставах синонимические замены обусловлены стремлением к варьированию средств выражения. Достаточно широкое и регулярное употребление синтаксических синонимов для выражения тех или иных видов логической связи позволяет поколебать довольно распространенное представление о неизменности и «шаблонности» форм выражения в официально-деловой речи.

Выбор той или иной формы для передачи логических от-

ношений диктуется грамматическими и стилистическими условиями. Кроме того, при выборе того или иного средства выражения из ряда синонимичных форм необходимо учитывать, насколько эта форма употребима в данной разновидности речи.

Асимметрия в употреблении в речи синонимичных синтаксических конструкций раскрывает некоторые типологические черты французского и русского языков. В частности, преимущественное употребление во французских текстах придаточных предложений объясняется, прежде всего, стремлением к полной грамматической выраженности, которое проявляется в обозначении, где это возможно, процессов с помощью личных форм глаголов, а субъектов процессов — с помощью грамматических субъектов.

Преимущественное употребление в русских текстах номинативных конструкций обусловлено тем, что русский глагол имеет менее разветвленную парадигму времен и поэтому не может в личных формах передать все те временные оттенки значений, которые способен выразить французский глагол.

А. П. Зимаков

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ ПРОСУБСТАНТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Практическое овладение навыками перевода с иностранных языков бывает подчас немыслимо без усвоения обучаемыми правил и норм употребления тех или иных грамматических конструкций или выражений. Здравый смысл, знание грамматики и лексики, без сомнения, помогают учащимся в анализе переводимого материала, однако, часто бывают и помехой, когда речь идет о переводе сложных и в известном отношении неделимых лексико-грамматических комплексов, какими являются, например, просубстантивные конструкции в японском языке.

Авторы учебников и учебных пособий, а также преподаватели иностранных языков после усвоения обучаемыми необходимого грамматического и лексического минимума все чаще начинают прибегать к практике своеобразной речевой интерпретации тех или иных языковых фактов, перечисляя списком выявленные значения их употребления в речи. В таких интерпретациях акцент может ставиться как на грамматический, так и на семантический аспект. Примером грамматически акцентированных интерпретаций может служить перечисление грамматических значений, присущих конкретным грамматическим формам, а семантически акценти-

рованных интерпретаций — список лексических значений того или иного слова. Возможны, конечно, и случаи комплексных грамматико-семантических интерпретаций.

Интерпретация просубстантивной конструкции может вестись в направлении поиска ее семантических эквивалентов, т. е. осуществляться семантически акцентированно. Освещению некоторых результатов поиска семантических эквивалентов просубстантивной конструкции в японском языке посвящена настоящая статья.

Прежде всего, однако, хотелось бы остановиться на некоторых исходных теоретических положениях.

Под просубстантивацией в настоящей работе понимается один из видов транспозитивных преобразований (субстантивная транспозиция). Термин «просубстантивная форма» использовали О. В. Плетнер и Е. Д. Поливанов для обозначения такой формы, которая «употребляется вместо имени существительного и с синтаксическим значением имени существительного»¹. Дифференциация понятий просубстантивации и субстантивации восходит в своей основе к разграничению явлений транспозиции² как процесса синтаксического употребления слова и конверсии различных видов как процесса словообразования. Например, *кау но* «тот, кто покупает; то, что покупают», *татакау но* «тот, кто борется; то, за что борются» — факты просубстантивации, но *каимоно* «покупка», *татакаи* «борьба» — факты собственно субстантивации.

Согласно теории транспозиции³, всякое изменение категориальных свойств языковых единиц в речи должно быть объяснено функционально. Механизм транспозиции приводится в действие в тех случаях, когда возникает речевая потребность использовать лексические единицы в функционально не свойственных им синтаксических позициях, например, глаголы и прилагательные в функциях именных членов предложения, какими являются подлежащее, дополнение. Например: *Одоттэ иру но ва вакамоно дакэ дэс.* «Танцует лишь молодежь»; *Акай но-о моттэ курэ.* «Принеси красное».

Одоттэ иру но и *акай но* в приведенных примерах являются не чем иным, как синтаксическими субстантивами или, как мы их называем, просубстантивами. Требования синтаксической нормы заставляют говорящего конструировать эти транспозитивные по характеру образования и просубстантивные по значению комплексы.

¹ Плетнер О. В., Поливанов Е. Д. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930, с. XXI.

² См.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1965, с. 130.

³ См. там же.

Таким образом, функциональный переход от одной языковой единицы к другой (а именно такой нам представляется сущность явления транспозиции) может быть формально представлен как группировка, объединение в некоторые комплексы исходных элементов языка в процессе его функционирования в речи. В ходе такого группирования языковые единицы вступают в определенные отношения друг с другом. Несмотря на то что характер этих отношений во многом определяется функционально-семантическими свойствами вступающих в них единиц, как раз в них и проявляется общая картина «внутреннего устройства языка»⁴. Именно этот тип отношений (отношений языковых знаков друг к другу) составляет содержание «тектонического», по выражению И. Ф. Вардуля, аспекта описания языковой системы.

Методика тектонических исследований требует представления языковых структур как неких высших комплексов, т. е. единиц вышележащего уровня (В-единиц), построенных, согласно определенным правилам, из более простых элементов, т. е. единиц нижележащего уровня (Н-единиц).

Однако, каким бы формальным ни казался процесс построения В-единиц из Н-единиц или как бы нам ни хотелось его формализовать, следует учитывать и ряд семантических факторов, оказывающих определенное регулирующее влияние на тектоническое построение. Изучая характер семантико-тектонических отношений внутри просубстантивной конструкции в японском языке (тектонику смысловых зависимостей, образуемых сочетающимися знаковыми единицами), мы пришли к выводу о семантической детерминированности просубстантивного *но* со стороны просубстантивируемого компонента и о семантической центральности просубстантивируемого, его доминировании в семантике просубстантивного комплекса⁵.

Семантическая сущность просубстантивации заключается в том, что семантика просубстантивируемого компонента (будь то признак или действие) мыслится, субстанционально и остается главенствующей в семантике просубстантивного целого. Положение же просубстантиватора *но* в семантическом отношении периферийно, что обусловлено отсутствием у *но* знаменательной семантики. *Но* лишь соотносит нас с предметной подсферой обозначаемого или множеством предметных объектов, о которых уже известно по контексту, а из них уже вычленяется объект или группа объектов, тре-

⁴ Вардуль И. Ф. О семантике и ее месте в лингвистическом описании.— В кн.: Вопросы семантики (тезисы докладов). М., 1971, с. 40.

⁵ См.: Зимаков А. П. К вопросу о тектоническом аспекте описания просубстантивной конструкции в японском языке.— В кн.: Функционирование системы языка в речи. М., 1979, с. 23—30.

буквем семантикой атрибутивного компонента просубстантивной конструкции.

Семантическая периферийность просубстантиватора *но* просубстантивной конструкции, однако, не снимает всей важности и актуальности проблемы изучения семантической структуры предметной подсферы значений, привносимых просубстантиватором в просубстантивный комплекс. Анализ семантики просубстантивной конструкции в целом представляется не менее важной задачей, чем изучение семантических отношений компонентов, ее образующих.

Семантический анализ любой конструкции предполагает рассмотрение отношения ее как знака к обозначаемому предмету или явлению действительности⁶. В этом отношении просубстантивные конструкции также имеют свои особенности. При сравнении значения исходного слова и смысла транспозицированного комплекса обращает на себя внимание, как уже отмечалось, тот факт, что если слово до транспозиции обозначало, к примеру, один из признаков предмета, то полученное в результате транспозитивной просубстантивации выражение в смысловом отношении соотносит нас с самим предметом или фактом действительности в самом широком смысле. Например, *атарасий хон* «новая книга», но *атарасий но (ва)* «нечто новое». Задача семантического исследования в этом случае сводится к установлению конкретных предметных значений, приобретаемых просубстантивируемым компонентом в результате транспозиционного преобразования.

Для того чтобы установить это, с одной стороны, следует, определить границы и семантические разряды предметного значения, выражаемого именем, каковым фактически является просубстантиватор *но*, т. е. другими словами, следует знать деление лексем, принадлежащих к классу имен, на некие разрядовые семантические группировки, и, с другой стороны, необходимо иметь аппарат, позволяющий сопоставить конструкции с просубстантивным *но* по значению с известными группами лексем в рамках категории имен.

Первая проблема связана с характером деления сферы обозначаемого имени. В сферу обозначаемого имени входят: собственно предметы реального мира или предметно поданные проявления бытия и явления абстрактного мира человека; предметно поданные действия; предметно поданные состояния; предметно поданные признаки⁷. Признаки как та-

⁶ Morris Ch. Writings on the general theory of signs. Mouton, the Hague—Paris, 1971, p. 21.

⁷ Сходную схему деления субстанциональной сферы мы находим у И. Ф. Вардуля в его книге «Очерки потенциального синтаксиса японского языка». М., 1964, с. 8.

ковые подразделяются на признаки субстанции и акциденции.

В японском языке наряду с общезначимым, т. е. семантически безгранично широким именным словом *но*, существуют и другие слова с более узким, но все же достаточно широким смысловым содержанием. В то время как семантика *но*, если можно говорить о семантике в этом случае, настолько широка, что охватывает фактически всю сферу обозначаемого имени, то семантика этих слов в той или иной степени покрывает лишь часть сферы обозначаемого имени. Так, семантика слова *моно* выражает лишь часть предметного значения семантической группировки именных лексем, служит для обозначения собственно предметов реального мира или предметно поданных проявлений бытия и явлений абстрактного мира человека; семантика еще одного слова *моно* покрывает другую часть значений этой семантической группировки, объединяющей лексемы со значением «одушевленного лица», «персоны»; значения же предметно поданных действий, состояний и признаков покрываются семантикой слова *кото*. Значения слов *моно* связаны в основном с представлением конкретного предмета, опредмеченного явления или лица, а значение *кото* — с представлением реальных или абстрактных действий, состояний, признаков, также поданных предметно.

Вторая проблема есть, по сути дела, проблема метода сопоставления семантики просубстантивной конструкции с семантическими типами предметных значений. Для того чтобы установить тождественность значения исследуемой конструкции значению одного из типов, избегая при этом ошибок субъективного подхода к анализу значений, воспользуемся методом математической формулы выражения равенства $A=B$, где под A понимается смысл просубстантивной конструкции, а B есть один из эталонов семантики именного слова. Отыскав в языке соответствующий эквивалент рассматриваемой формулы, мы будем располагать аппаратом разграничения значений просубстантивных конструкций и сможем выявить их некоторые семантические типы.

Для решения этой задачи примем допущение, что формула $A=B$, вернее, ее смысл, адекватно выражается в речи конструкцией « A есть B », которая с точки зрения языка представляет собой одну из моделей реализации предикативной (подлежащно-сказуемой) связи, где сказуемое выражено связкой с присвязочным членом. (Нас, естественно, интересуют языковые факты, где присвязочными членами выступают имена, выражающие предметные значения в обобщенном виде.)

Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что просубстантивные конструкции способны сочетаться предикативно со словами *моно* «предмет», «лицо» и *кото*

«факт», которые, следовательно, могут считаться их семантическими эквивалентами.

Примеры употребления слова *кото* в качестве семантического эквивалента просубстантивной конструкции:

Карэ-га фуруй котобаэдзутаэ-о сорандзихадзимэта но ва сандзю:ёнэн маэ-но *кото дэ ару* (Токухон). «Он начал заучивать старинные легенды тридцать четыре года назад»; Тада *тю:и-синнакэрэба наранай но ва*, дзюндзё тадасику сусуму то ю: *кото дэсу* (Токухон). «Следует лишь следить за тем, чтобы рассуждать последовательно»; *Ватаси-га канодзё-ни дзэйтику-но адзи-о обоэ-сасэта но ва* ий *кото дэ-сита* (Танидзаки). «Хорошо уже было то, что я приучил ее к роскоши»; *Нани-ёри коматта но ва* из-но нака-га химасини рандзацу-ни, фукэцу-ни наттэ ику *кото дэсита* (Танидзаки). «Самым обескураживающим было то, что в комнате с каждым днем появлялось все больше грязи и беспорядка».

Примеры употребления слова *моно* «предмет» в качестве семантического эквивалента просубстантивной конструкции:

Итинэн какаттэ *дэкиагатта но-га* нингэн-но атама-но ё: *на моно дэ...* (Токухон). «Через год удалось сделать нечто, похожее на голову человека»; Дзё:хин мо гэхин мо *кубэцу-га дэкинай но ва* ки-но доку-на *моно да* (Нацумэ). «Пригорбно то, что не умел отличать красивое от вульгарного»; *Соно сэйсэй-сита кимоти-га цудзуйта но ва*, итидзикан гурай-на *моно датта дэсё*: (Танидзаки). «Такое светлое настроение продолжалось, пожалуй, около часа».

Примеры употребления слова *моно* «лицо» в качестве семантического эквивалента просубстантивной конструкции:

Кими-га цурэтэ аруйтэ иру *субарасий бидзин то ю: но ва* нани *моно ка* нэ? (Танидзаки). «Что это за прелестная девушка, с которой ты все время ходишь?»; *Нода-но ё:-на но да...* то:тэй ёрицукэта *моно дзя най* (Танидзаки). «От таких людей, как Нода, лучше держаться в стороне».

В приведенных примерах просубстантивные конструкции с формантом *но* предикативно (посредством связки) соотносятся со словами *моно* в двух их разновидностях и *кото*, которые своей семантикой уточняют общее значение просубстантивной конструкции. Это подтверждается также еще и тем фактом, что во всех рассмотренных предложениях практически допускается замена просубстантивных *но* на соответствующий семантический эквивалент. В речевой практике это совершается весьма часто, например:

Кимоти то ю: *моно ва...* вакариникуй *моно дэсу* (Танидзаки). «Настроение — такая вещь, которую трудно понять»; *Соно нисю:кан то ю: моно-га, ... ватакуси-ни ва сабисику кандзираэтэ моно дэсу* (Танидзаки). «Эти две недели я чувствовал себя одиноким»; *Тайсэцу-на кото ва, вага кунино ко:дэн-га кого-но* мама-ни *нокотта кото дэ ару* (Токухон).

«Важно отметить, что древние предания нашей страны сохранились в форме старинных изречений».

Таким образом, используя метод подстановки (субституции), можно опытным путем установить семантику большинства просубстантивных конструкций в плане семантической соотнесенности последних со сферой обозначаемого имени

В ходе исследования выявлены следующие соответствия между тектонической структурой просубстантивных конструкций различных структурных типов и их семантикой. Структурные типы просубстантивных конструкций представлены в виде деривационных формул, специально разработанных нами для нужд настоящего исследования⁸.

Просубстантивная конструкция в значении *моно* («предмет»)

а. $(Aa+n)$ и

Атарасий но-о косираэтэ ё! (Танидзаки). «Нарядись в новое (платье)!»; *Сакицудзуку киирой хана ва, о:кий но-га* синано камбай, *тиисай но-га миямакимпо:гэ дэ атта* (Токухон). «Продолжали цвести желтые цветы: большие — троллиусы, маленькие — лютики»; *Итибан о:кий но ва, тёккэй-га* нихяку мэтору мо ару то иварэтэ имасу (Токухон). «Говорят, что самый большой (кратер) имеет 200 метров в диаметре».

б. $((П+ф)а+n)$ и

Дансу-ни ику ни ва, *мотто омонкири хадэ-на но дэ накэ-рия*, *конна кимоно дзя хикитати ва* синай ва (Танидзаки). «Чтобы одежда не выглядела слишком яркой для танцев, более подходящего платья, чем это, не найти»; *Дзю:дай-на но ва...* сю:дзюцу канкэй дэ ару (Миками). «Наиболее важным является подлежащно-сказуемые отношения»; *Тай-сэцу-на но ва* коно токоро дэсу (Танидзаки). «Наиболее ценно это».

в. $((Гг+п)а+n)$ и

Осовару но ва итибан ий но ё (Танидзаки). «Учиться — самое лучшее»; *Сайсё ва отоко-га дамасарэру но-о ёрокобу* но дэсу (Танидзаки). «Вначале мужчинам нравится, когда их обманывают»; *Нака-дэ мо итибан хито-но мэ-о хику но-га...* нингэн-но миира дэсита (Токухон). «Среди экспонатов внимание людей привлекали, прежде всего, мумии».

г. $((Р+п)а+n)$ и

Мон-га ару но-о нагамэта (Токухон). «Увидел, что имеются ворота»; *Мо: хитоцу ватаси-га обоэтэ иру но ва* канодзё-

⁸ См.: Зимаков А. П. Модели представления и описания некоторых просубстантивных конструкций в японском языке. — В кн.: Перевод как лингвистическая проблема. М., 1982.

но коэ дэсу (Танидзаки). «Еще одно, что я помню, это ее голос»; *До:хё: -но судзи-га сидай-ни хэттэ ику но-га* тикара таномарэру (Токухон). «Чтобы идти вперед, преодолевая километр за километром, нужно быть сильным».

Просубстантивная конструкция в значении *моно* «лицо»

а. (Аа+н)и

Миватасита токоро, отоко-дэ итибан *умай но ва* Хама-сан, онна-дэ ва Кирако-сан (Танидзаки). «Как было видно, из мужчин лучше всех (танцевал) Хама-сан, из женщин — Кирако-сан»; Итибан *эрай но ва нэдзуми да* (Токухон). «Самые могучие это мыши».

Последний пример взят из детской сказки, в которой мыши (действующие лица) наделяются, как это часто бывает в сказках, свойством действовать разумно и другими качествами человеческой личности. Поэтому *моно* «лицо» и признается наиболее возможным субститутутом для просубстантивного *но* в данном примере.

б. ((П+ф)а+н)и

Сидзука-на но ва коно куми-но сэйто дакэ дзя най. «Спокойными оказались не только ученики этой группы»; Итибан *рико:-на но ва* итинэнсэй дэ ва Кавада-кун да. «Среди первокурсников самый умный — Кавада-кун».

в. ((Гг+п)а+н)и

Яттэ куру но ва тикуюнки-о какэтэ дансу-о яримасу (Танидзаки). «Пришедшие танцуют под патефон»; *Кандзи-ни натта но ва* ано Хамада то ю: гакусэй дэсита (Танидзаки). «Управляющим делами стал тот студент по имени Хамада»; *Пиано-ни ёрикакаттэ иру но ва* имо:то дэ аро: (Токухон). «Девушкой, прислонившейся к фортепиано, была, по-видимому, его младшая сестра»; *Ебитомэта но ва* Сто ю: отоко дэсита (Танидзаки). «Окликнувшим меня оказался мужчина по имени S».

г. ((Р+п)а+н)и

Као-га хи-ни якэта но ва суйфу дзя най ка. «Этот человек с загорелым лицом, должно быть, моряк»; *Мэ-но курой но ва* отоко-но ко, *ками-но нагай но ва* онна-но ко дэсу. «Этот черноглазый ребенок — мальчик, а этот с длинными волосами — девочка».

д. ((Н+ф)а+н)и

О-хадзимэтэ-на но дэ годзаймасу но (Танидзаки). «Вы здесь впервые?»

Ограниченность примеров, доходящая чуть ли не до еди-

ничности, случаев использования наречий в функции имен-ных членов предложения объясняется тем, что наречие является наименее приспособленным для транспонирования в класс субстантивов разрядом слов.

Просубстантивная конструкция в значении *кото*

а. ((Гг+п)а+н)и

Омоидасу но ва ... канодзё-га хана-но намаэ-о такусан ситтэ ита кото дэсита (Танидзаки). «Вспоминается то, что она знала множество названий цветов»; Ано рэндзю:ни то-кидоки *ау но* мо варуку ва най э (Танидзаки). «Неплохо иногда встречаться с этой компанией»; *Дорёку-синай но-га* варуй н да ё (Танидзаки). «Плохо сидеть в бездействии»; Корэкара *аруку но ва* тайхэн дэсу (Танидзаки). «Отныне ходить пешком страшно».

б. (Аа+н)и

Мадзукатта но ва ... Сё:ко-га, ватаси-ни «анта... до: сиё:» то кутибаситта кото дэ ару (Кадзияма). «Мне стало неловко, когда Сёко, обращаясь ко мне, пробормотала: «Что же теперь нам делать?»; *Омосирокатта но ва* тити-но ханасита кото да. «Интересным оказалось то, что рассказал отец»; *Сабисий но ва* хиторипотти-дэ асобу кото дэсу. «Скучно бывает веселиться в одиночку».

в. ((П+ф)а+н)и

Ватаси-ни итибан *фуюкай-на но ва* коно итидзи дэсита (Танидзаки). «Самым неприятным для меня было одно это обстоятельство»; Мотто *хэта-на но-га* икура мо иру дзя аримасэн ка (Танидзаки). «Можно ли было ожидать худшего?»; *Тайсэцу-на но ва* коно токоро дэсу (Танидзаки). «Важно следующее»; *Нэссин-на но ва* кутибуэ-о фуки, дзиданда-о фундэ, анко:ру-о ситэ иру но дэсу (Танидзаки). «Неистово раздаются свист, топанье ног, хлопки аплодисментов».

г. ((Р+п)а+н)и

Канодзё-га о:кику акуби-о суру но-о миру ни цукэтэ мо... (Танидзаки). «Хоть и заметил, что она сильно зевает...»; Та-каса итимэ:тору-ни мо тарирану «*таканэдзакура*»-га има о-сакари то сайтэ иру но-о мита (Токухон). «Увидели, что карликовая сакура, высотой не более одного метра, стоит уже вся в цвету»; *Отоко ва кандзи-о каку но-га* фуцу: дэ атта (Токухон). «Для мужчин привычным было писать иероглифами».

Не во всех случаях, однако, оказывается возможным точно установить, какому из указанных семантических-эквива-

лентов соответствует просубстантивная конструкция. Так, в двух последующих примерах просубстантивное *но* с одинаковым успехом может подвергаться замене на различные семантические эквиваленты, создавая каждый раз новый семантический подтекст. Для принятия окончательного решения о смысле просубстантивного комплекса необходим дополнительный анализ данных контекста или специальных указаний автора высказывания.

Ватаси ва *саннин-га* ю: *но-о* даматтэ кийтэ имасита (Танидзаки).

Перевод этой отдельной фразы может быть двояким:

а. Я, молча, слушал то, о чем говорили трое (т. е. слушал разговор троих).

б. Я, молча, слушал, как разговаривали трое.

Таким же образом, двояко может интерпретироваться в семантическом плане и другое предложение: *Атаси-но одору но-о митэ ита?* (Танидзаки).

а. Ты видел то (т. е. танец), что я танцую?

б. Ты видел, как я танцую?

С другой стороны, три рассмотренных семантических эквивалента просубстантивного *но*, хотя и являются наиболее существенными семантическими интерпретациями данной конструкции, не представляются, однако, единственными. Так, семантическими эквивалентами для *но* и всей просубстантивной конструкции в целом часто выступают слова *токи*, *дзикан*, *дзibun* и другие, имеющие значение «время», «то, когда что-либо происходит». Например:

Камакура-э *орита но ва*, мада дзю:дзи-ни ва ма-но ару *дзibun* дэсита (Танидзаки). «Когда вышел в Камакура из вагона, не пробило еще и десяти»; *Варуцу-га оватта но ва* карэкорэ дзю:итидзихан дэситаро: (Танидзаки). «Когда вальс окончился, было, вероятно, половина двенадцатого»; *То:то: кассэн коя-ни тадорицуйта но-га* годзэн дзю:итидзи, минна ва дзуйбун цукарэтэ ита (Токухон). «Наконец, когда мы добрались до спортивного домика, было уже 11 часов утра, и все очень устали».

В японской лингвистике интересующая нас проблема известна под названием «теория об изменении категориальной принадлежности слов»⁹. В японском языкознании она вылилась в дискуссию о роли специфической группы служебных слов, характерной особенностью которых является отсутствие у них конкретного предметного содержания. Несмотря на наличие большого числа исследований и публикаций, специальных работ, посвященных семантическому анализу структур, образованных полнозначными словами в

⁹ Кизэда Масунти. Госэй идорон.— Кокуго то кокубунгаку, 1936, октябрь.

сочетании с «формальными» словами или именами («кэйси ки мэйси...»¹⁰), недостаточно.

Развитие японского языкознания в послевоенный период однако, характеризуется возросшим интересом к семантическим проблемам. Семантический анализ постепенно нашёл свое место и в «теории об изменении категориальной принадлежности слов». Пожалуй, наиболее глубокое исследование рассматриваемой проблемы в современной японистике принадлежит японскому лингвисту Сакума Канаэ. Тщательно изучив основную литературу по вопросу о так называемых «формальных словах», Сакума обосновывает концепцию «кютякуго» (букв. «адсорбирующие слова»).

Его семантическая классификация «кютякуго»¹¹, а вместе с ними и оформляемых ими элементов, строится на основании абстрактных, чрезвычайно широких семантических признаков, заложенных в «кютякуго» и подлежащих уточнению по линии значений транспонируемых знаменательных слов. Так, например, субстантивные «кютякуго» подвергаются семантическому подразделению согласно выражению ими следующих значений¹²:

- лица (*хито*, *ката*, *яцу* и т. д.);
- предмета (*но*, *моно*, *хо*: и т. д.);
- факта (*кото*, *ханаси*, *тэн*, *мунэ* и т. д.);
- положения дел (*баай*, *симацу*, *ё:су* и т. д.);
- места (*токоро*, *атари*, *хэн* и т. д.);
- времени (*токи*, *ути*, *айда* и т. д.);
- степени (*ходо* и т. д.);
- причины (*юэ*, *цумори*, *хадзу* и т. д.).

Очевидно, что приведенный список значений, которые могут приобретать просубстантивные конструкции в речи, еще раз показывает, что структуры с просубстантивным *но* обладают широким полем семантических значений, которое мы в нашем исследовании свели к трем наиболее всеобъемлющим понятиям: лица (*моно*), предмета (*моно*) и факта, обстоятельства (*кото*).

¹⁰ Кокугогаку дзитэн. Токио, 1955, с. 289.

¹¹ Сакума Канаэ. Гэндай нихонгохо-но кэнкю. Токио, 1955, с. 325.

¹² Там же, с. 328—332.

К ВОПРОСУ О ФОНЕТИЧЕСКОЙ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ФРАНЦУЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

(На материале военно-технических терминов)

Обогащению словарного состава языка в значительной степени способствует своеобразный обмен понятиями, предметами и образами, который идет, как правило, в результате взаимного проникновения одного языка в другой.

Турецкий язык в ходе своего исторического развития постоянно испытывал влияние различных разносистемных языков. Если на ранних этапах его становления это были флективный арабский и аналитический персидский, то в более поздний период, в частности после крушения Османской империи, наряду с очищением турецкого языка от иноязычных заимствований, отмечается усиливающееся проникновение в лексику заимствований из западных языков и, в частности, из французского. Необходимо отметить, что проникновение французских заимствований началось значительно раньше, но наиболее активным оно стало во второй половине XIX в.

По выражению Р. А. Будагова, «большее или меньшее влияние одного языка на лексику другого или других языков определяется историческими причинами»¹. Наличие значительного количества заимствований из французского языка в турецкой военно-технической терминологии как раз и объясняется теми историческими условиями, в которых развивались контакты Османского государства с европейскими странами и, в частности, с Францией.

Первыми европейцами, проникшими в Турцию, были французы: в последней четверти XVII в. они устраивали театрализованные представления в Стамбуле, исполняли пьесы Расина и Мольера². Чуть позже французские специалисты содействовали организации книгопечатания в Турции, душой которого стал Ибрагим Мутеферрика (1674—1745)³. В XVIII столетии при Селиме III французы глубже проникают во многие сферы политической, экономической, а также и военной жизни Османской империи.

Первым европейским государем, заключившим военный союз с Турцией в 1542 г., был король Франции Франсиск I,

¹ Будагов Р. А. Очерки по языкознанию. М., 1953, с. 88.

² См.: Маштакова Е. И. Новые явления в турецкой культуре 18 века.— В кн.: Проблемы истории Турции. М., 1978, с. 40.

³ Там же, с. 42.

а первые миссии и посольство Османской империи также были открыты во Франции в 1793 и 1834 гг.⁴

Автор «Основ мудрости в устройстве народов» Ибрагим Мутеферрика считал, что в области военной науки туркам надо многое перенимать у европейцев. Уже в конце XVIII в. турецкий автор Сеид Мустафа обратился к европейскому читателю на французском языке с «Диатрибой о современном военном искусстве, инженерных войсках и о науках в Константинополе»⁵.

После Крымской войны (1828—1829) дипломатическим языком Министерства иностранных дел Османской империи стал французский. Французы работали в Турции преподавателями, инструкторами в армии, их приглашали в учебные заведения нового типа, такие, как например, военно-инженерное училище в Стамбуле, открывшееся в 1795 г. Немного раньше офицеры французской армии оказывали содействие в создании картографической службы в Бақыркее.

Таким образом, в указанный период между Турцией и Францией существовали довольно тесные связи во многих областях, в том числе и в военной. Эти контакты, существовавшие на протяжении 200-летнего периода, не могли, естественно, не наложить своего отпечатка на лексический состав языка и, в частности, в той его области, которая охватывает военно-техническую терминологию.

Вместе с французской культурой, техникой, научно-технической литературой и документацией пришли новые понятия, явления, предметы. Если на ранних этапах сотрудничества приток заимствованной терминологии в области техники был слабым, то с развитием научно-технического прогресса проникновение военных и научно-технических терминов становится более интенсивным.

После 30—40-х годов XX в., периода бурной неологизации турецкого языка, когда активно заменялись арабские и персидские заимствования, продолжается приток новой терминологии из западных языков, в том числе и из французского. Это явление можно объяснить, во-первых, экономической и технической отсталостью Турции, особенно заметной на фоне того уровня, который был достигнут к тому времени в более развитых странах. Во-вторых, турецкий язык, по-видимому, не мог еще собственными словообразовательными средствами найти соответствующие эквиваленты для выражения того потока понятий и явлений, которые были вызваны к жизни научно-технической революцией и расширяющимися контактами Турции со странами Запада.

⁴ См.: Дулина Н. А. Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.). М., 1980, с. 55.

⁵ См.: Маштакова Е. И. Указ. соч., с. 49.

В качестве примера увеличения потока новой терминологии можно привести тот факт, что по подсчетам лингвистов около 90% всех новых слов относится к научной и технической терминологии.

Таким образом, во второй четверти XX в. иностранные заимствования, и, в частности, французские, приобретают все большее значение наряду с такими традиционными источниками пополнения военно-технической терминологии, как аффиксальное словообразование, словосложение, конверсия частей речи, расширение семантики слова и т. д.

Представляется возможным перечислить вкратце те области науки, техники и военного дела, в которых французские заимствования нашли наибольшее применение. К ним относятся: геометрия, география, топография, фортификационное дело, картография, электротехника, радиолокация. Большинство этих дисциплин преподавались французскими специалистами в морском и сухопутном инженерных училищах, открытых в 1773 и 1795 гг. в Стамбуле⁶.

Военно-техническая терминология как один из лексических пластов турецкого языка быстро регистрирует все изменения, происходящие в науке, технике и военном деле. Это обстоятельство дает возможность специалистам максимально точно назвать вновь появляющиеся понятия, явления и предметы. Однако выбор нужного термина иногда затрудняется в силу того, что наряду с исконным словом в языке существует равноправно и термин, пришедший из языка источника, который укоренился и имеет лишь незначительно отличающуюся семантическую окраску. В качестве примера можно привести термин «тактико-технические характеристики», который может быть переведен на турецкий язык либо исконными терминами «nitelikler», «özellikler», либо терминами, заимствованными из французского языка: «performans» и «karakteristik».

Изменение словарного состава турецкого языка можно характеризовать следующими данными, приведенными профессором Доганом Оксаном в 1981 г. По его подсчетам государственная лексика в 1939 г. состояла на 60% из иностранных заимствований, в 1965 г. их число сократилось до 43%, на сегодняшний день они составляют лишь 20—30%⁷.

Однако подобное уменьшение процентного состава заимствований характерно главным образом для общеупотребительной лексики. В языке же научно-технической литературы

⁶ См.: Желтяков А. Д. История просвещения в Турции. М., 1965, с. 16.

⁷ Aksan D. Sözoökbilim açısından dil devriminden çıkarılabilecek sonuçlar üzerine. Toplu çalışım. Atatürk'ün yolunda türk dil devrimi. Ankara, 1981, p. 76.

количество заимствованных терминов значительно большее, и основная их часть приходится на заимствования из западных языков и, в частности, из французского. Вытеснение иноязычных заимствований в области технической терминологии идет медленнее и происходит на фоне продолжающегося и неослабевающего притока новой, заимствованной терминологии из западноевропейских языков.

При изучении вопроса о заимствованиях представляется необходимым, во-первых, установить язык-источник заимствования. При этом трудности связаны с тем, что необходимо, с одной стороны, разграничивать этимологический состав слова и его возникновение как слова в языке-источнике заимствования, а с другой — учитывать тот факт, что это слово может быть непосредственно взято из языка-посредника, т. е. может попасть в язык опосредованным путем. В связи с этим возникает вопрос об определении таких понятий, как этимологический источник и исторический.

Во-вторых, необходимо рассмотреть пути и формы проникновения иностранных заимствований в язык-заимствователь. В этом плане различают устное заимствование, происходящее в результате непосредственных контактов иноязычных народов, и письменное заимствование как результат экономических, культурных, военных и других связей между различными странами.

Этот второй, письменный путь заимствования характерен для Турции, начиная со второй половины XVIII в. по настоящее время. По форме заимствование может быть письменным и на слух. В последнем случае для заимствований характерна большая изменчивость значения, фонетическая адаптация и приспособляемость к грамматическим законам и правилам языка-заимствователя.

Вопрос о фонетической и морфологической ассимиляции заимствованного слова следует рассмотреть более подробно.

Попав в язык-заимствователь, слово первоначально в роли неологизма начинает проходить фонетическую и морфологическую обработку, в результате которой оно может либо изменить свое фонетическое звучание и морфологическую структуру, либо остаться неизменным и существовать в языке в той фонетической и морфологической форме, которая была характерна для него в языке-источнике.

Какие же трансформации с точки зрения фонетики и фонологии претерпевают французские заимствования в турецком языке? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сравнить в синхронном плане структуры этих двух языков. Их принадлежность к разным языковым группам — романской и тюркской — делает различия между ними более отчетливыми. В турецком литературном языке восемь кратких гласных фонем, три долгих гласных фонемы и двадцать

четыре согласных фонемы⁸. Во французском же языке по международной системе классификации насчитывается шестнадцать гласных фонем, одна полугласная и восемнадцать согласных фонем⁹. Следует отметить также не только количественную, но и качественную разницу между вокалической и консонантной системами сравниваемых языков. Существенное различие заключается в отсутствии в турецком языке носовых гласных <ẽ:>, <ã:>, <õ:>, <œ>, а также в наличии во французском языке большого количества фонологических оппозиций гласных, придающих другое значение словам, например: *patte* : *pate*, *fosse* : (il) *fausse*.

Давая оценку степени фонетической ассимиляции, необходимо ответить на вопрос о том, утрачивает ли иноязычное, в данном случае заимствованное из французского языка, слово звуки, не свойственные турецкому языку? Подчиняются ли составляющие его звуки законам языка-заимствователя, т. е. законам сингармонизма турецкого языка? И наконец, всегда ли до конца идет «отуречивание» французского заимствования? Для ответа на поставленные вопросы рассмотрим несколько примеров. В заимствованных словах *atenüasyon* «затухание», *iyon* «ион», *fonksyon* «зависимость», *eleman* «элемент», *projeksyon* «выброс» нет назализации звуков в конце слова, что подтверждает положение о потере в турецком языке не свойственных ему звуков.

Действующий в турецком языке закон гармонии гласных и согласных не только определяет порядок следования аффиксов принадлежности, числа, послеслогов и т. д., но и вносит соответствующие изменения в произнесение звуков в начале, середине и конце слова. Так, французское слово *gendement* «к. п. д.» приобретает в турецком языке форму *gandıman* в полном соответствии с законом гармонии гласных, т. е. с заменой во втором слоге *e* на *ı*. В слове же *laboratoire* мы видим стечение двух слоговых гласных, не характерное для турецких слов. При этом между гласными появляется дополнительный щелевой согласный *v*. Встречается также смягчение предшествующей согласной с помощью среднеязычного *y* в таких словах, как *modülasyon* «модуляция», *sinual* «сигнал» и пр.

Однако при этом нельзя не отметить, что французские заимствования, оканчивающиеся на *l*, при аффиксации нарушают закон гармонии гласных в том смысле, что произносятся мягко, несмотря на велярную огласовку: *rol* «роль», *rolü* (а не *rolu*) «его роль»¹⁰.

⁸ См.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 21, 25.

⁹ Grevisse M. *Le bon usage. Grammaire française*. P., 1969, p. 29—30.

¹⁰ См.: Кононов А. Н. Указ. соч., с. 37.

Тем не менее, в подавляющем большинстве случаев заимствованное слово полностью принимает ту фонетическую форму, которая характерна для языка-заимствователя, т. е. для турецкого языка.

Параллельно с фонетической адаптацией начинается включение заимствованного слова в морфологическую структуру языка-заимствователя. Основную массу заимствований из французского языка составляют имена существительные. Доля прилагательных и глаголов незначительна, что позволяет нам ограничиться анализом средств выражения основных грамматических категорий только у имен существительных. Формы склонения в турецком языке образуются с помощью падежных аффиксов, во французском же — «средством выражения падежа являются «препозитивные морфемы» — предлоги *à* и *de*»¹¹. Они сливаются с артиклями *le, la, un, une, les*, «образуя амальгамы (*au* = *à* + *le*, *du* = *de* + *le*) или *à la, aux, à l', des, d'un, d'une*»¹².

В отличие от французского в турецком языке категория грамматического рода как явление продуктивное отсутствует¹³. Морфологический способ выражения категории числа реализуется с помощью аффиксов *lar, ler*¹⁴. Во французском же языке формальными показателями множественного числа на письме являются графические знаки *s* или *x*, основными же показателями числа существительных являются определители, такие как артикли и местоименные прилагательные¹⁵.

Влияние морфологической системы турецкого языка на заимствования осуществляется по следующим направлениям. Прежде всего, полностью устраняются все формальные показатели рода, такие как артикль и графический знак «е» в конце слов женского рода. Ср.: *la tolérance* «допуск» во французском и *tolerans* в турецком; *la résistance* «сопротивление» и *rezistans*, *le message* «донесение» и *mesaj* и т. д.

Агглютинативный характер турецкого языка позволил всем заимствованным терминам склоняться по падежам, как турецкие существительные. Они полностью подчинились системе турецкого склонения, получая соответствующие падежные аффиксы: *muhabere trafiği* «осуществление связи», *uçağın performansları* «тактико-технические характеристики самолета», *uay süspansiyonunda* «на пружинной подвеске», *kalıf*

¹¹ Potier B. Linguistique générale. Théorie et description. P., 1974 p. 49.

¹² Martinet A. Eléments de linguistique générale. P., 1960, p. 112

¹³ См.: Кононов А. Н. Указ. соч., с. 64.

¹⁴ Там же, с. 67.

¹⁵ См.: Костецкая Е. О., Кардашевский В. И. Грамматика французского языка. М., 1959, с. 52.

етанларın sayesinde «благодаря квалифицированным кадрам» и т. д.

Таким образом, при морфологической адаптации французские заимствования претерпевают значительные трансформации, что является следствием различий в морфологических системах рассматриваемых языков. Входя в турецкую морфологическую систему, французское заимствованное слово превращается в немотивированную морфологическую основу, теряющую свою родовую принадлежность и получающую падежные аффиксы; аффиксы числа и т. п. турецкого языка, а в некоторых случаях становится производящей основой, как, например, термин *füze* «ракета»: *füzeci* «ракетчик», *füzecilik* «ракетостроение», *füzesavar* «противоракетный».

Отмечавшееся выше значительное количество французских заимствований, с помощью которых вводятся названия новых предметов, понятия или новые семантические оттенки, существование этих терминов наряду с исконными (ср., например, *emiyon* при исконном *yayın* «передача», *kuple edilme* *halde* при исконном термине *birlikte* «совместно», *jet* при исконном *tepkili* «реактивный») ставит перед переводчиком проблему выбора и правильного грамматического оформления соответствующего термина при переводе с русского языка на турецкий, а также правильного, с учетом дополнительных семантических оттенков французского заимствования, перевода турецких военно-технических терминов на русский язык.

Здесь уместным будет уточнить, что поскольку речь идет о заимствовании терминов, т. е. слов, имеющих как бы «одностилевое» функционирование, то свершенным факт заимствования можно считать уже тогда, когда этот термин регулярно употребляется в специальной области, в определенном терминологическом поле. Однако далеко не все термины, попадающие в узкое терминологическое поле военно-технической лексики, входят в сферу постоянного употребления. Значительное их количество так и не превращается в активно функционирующие лексические единицы. Наряду с этим в последние годы приходится сталкиваться с возросшим количеством военно-технических терминов в специальной и технической литературе, заимствованных из французского языка. Это обстоятельство требует, на наш взгляд, внесения некоторых дополнительных аспектов в методику преподавания курса военного перевода, поскольку у обучаемых возникают трудности двойного плана. Во-первых, необходимо овладеть терминологией, которая по своей внутренней структуре выделяется на фоне агглютинативной системы турецкого языка. Здесь мы видим и не характерные для турецкого языка сочетания звуков внутри слова, и заимствования,

подчас целые словосочетания, выступающие в транслитерированном виде: *deuxième bureau* «разведывательный отдел», *turbopropulseur* «турбовинтовой двигатель», *unite* «единица, часть» и пр.

С другой стороны, существует необходимость переосмысления значения некоторых терминов, которые были ранее усвоены в средней школе и имеют одинаковое звучание с турецкими терминами. Например, слово *tiuaуеп*, заимствованное из арабского языка и переводимое как «определенный», «постоянный», и слово, похожее на него, существующее во французском языке *моуеп(ne)*, имеющее значение «средний», «общий».

Во-вторых, при переводе текста военно-технического характера на иностранный язык обучаемый сталкивается с такого плана проблемой выбора термина — предпочесть заимствованное или исконное слово? Если выбор сделан в пользу заимствованного слова, необходимо установить его принадлежность к определенной части речи, так как от этого зависит правильность оформления изафетной связи в таких составных прилагательных, как *fark frekans* «разностная частота», *frekans bandı* «полоса частот», но *psikolojik harb* «психологическая война», *sinüsoidal frekans* «синусоидальная частота». Для правильного определения и грамматического оформления изафетной связи обучаемые должны знать основные характерные окончания французских прилагательных, такие как *-el*, *-ien*, *-et*, *-que*, *-al*, *-ë*. Таблица окончаний может быть дана для изучения в ходе самоподготовки. Кроме этого, необходимо дать орфографическую форму этих окончаний на конкретных примерах заимствованной терминологии. Для закрепления навыка в определении морфологической принадлежности заимствованного термина необходимо дать упражнение, в котором чередовались бы сочетания, имеющие в своем составе либо существительное, либо прилагательное с неоформленными изафетными связями.

Таким образом, французские лексические заимствования, имеющие довольно глубокие исторические корни в турецком языке и получившие наибольшее распространение в области технической и, в частности, военно-технической терминологии, представляют определенный интерес в плане углубления изучения их фонетической, морфологической и семантической ассимиляции, а также в плане того влияния, которое эти заимствования оказывают на турецкий язык в целом и конкретно — на формирование его словарного состава.

Представляется интересным также вопрос о причинах того, почему то или иное слово не становится устойчивым заимствованием, а, появившись в языке, быстро уступает место исконному либо пришедшему из другого языка слову. Кроме того, неполное освоение турецким языком некоторой

ности заимствованной лексики ставит в области преподавания ряд задач, связанных с привитием обучаемым навыка правильного выбора и употребления заимствованной терминологии.

А. А. Мигачев, А. Ф. Ширяев

ПРАКТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА В УСЛОВИЯХ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

Процесс обучения синхронному переводу может быть условно разделен на три временных цикла: теоретический, подготовительный и тренировочный. Теоретический цикл преследует цель сформировать у обучаемых научные представления о синхронном переводе и процессе овладения им для придания большей целенаправленности, осознанности и мотивированности в предстоящей учебной работе. Подготовительный цикл направлен на развитие качеств, необходимых для овладения навыками и умениями синхронного перевода. Тренировочный цикл служит для формирования профессиональных навыков и умений синхронного перевода¹.

Однако практика работы синхронных переводчиков показывает, что даже самый высокий уровень подготовки в вузе недостаточен для успешной работы на международной конференции. По меткому выражению Г. В. Чернова, «синхронист бывает наилучшим образом подготовлен к синхронному переводу на данной конференции практически... в день ее закрытия»². К сожалению, для любого переводчика, в том числе для синхрониста с большим опытом работы, «подготовка» к синхронному переводу только в ходе работы данной конференции достигается путем проб и ошибок, за счет большого нервного, умственного и физического напряжения. Все это в той или иной степени сказывается на качестве «продукции», выпускаемой переводчиком. Не случайно поэтому опытные переводчики стремятся быть максимально подготовленными к переводу еще до начала работы конференции. Стоит ли доказывать, как необходима такая предварительная подготовка для начинающих переводчиков?

Анализ работы начинающих синхронных переводчиков и изучение содержания подготовки к работе на конференции

¹ Подробнее см.: Ширяев А. Ф. Синхронный перевод. М., 1979, с. 134.

² Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. М., 1978, с. 194.

опытных синхронистов побудили одного из авторов данной статьи выдвинуть идею о введении четвертого цикла в курсе синхронного перевода — цикла практики³. Предлагаемый учебный цикл призван дать студентам некоторый практический опыт подготовки к работе и работы на материале конкретной международной конференции.

В настоящей статье излагаются результаты дальнейшей разработки методики организации и проведения цикла практики синхронного перевода в условиях учебного заведения.

* *

*

Обучение подготовке к работе на конференции проводится методом деловой игры. С этой целью обучаемым объявляется о предстоящей игре на материалах какой-либо реально проходившей конференции, организуется изучение имеющейся первичной информации о конференции, разрабатывается план подготовки к работе, организуется и проводится подготовка в сжатые сроки.

Порядок работы преподавателя на первом занятии данного цикла может быть следующим.

Сначала преподаватель сообщает обучаемым сведения об организации, проводящей данную конференцию, ее целях и структуре, составе, о правилах процедуры, руководящих органах, дает характеристику членов организации, играющих в ней ведущую роль. Затем сообщаются повестка дня предстоящей конференции, обсуждаемые проблемы. При этом обычно указывается, какое количество комиссий и подкомиссий будет функционировать на конференции, какие вопросы будут на них рассматриваться и какие резолюции планируется принять на заседаниях этих комиссий. Особое внимание обращается на те вопросы, по которым принимаются резолюции. Они подлежат наиболее глубокому изучению. До сведения обучаемых доводятся также данные об участниках конференции — характеристики делегаций и их позиции по основным вопросам, характеристики группировок, позиции делегаций, проявивших наибольшую активность по данной проблеме на этой конференции. В заключение преподаватель должен непременно подчеркнуть, что в будущем переводчикам предстоит самостоятельно добывать эти данные в период, предшествующий конференции. Он может получить их либо на инструктивном совещании перед началом конференции, либо у организаторов конференции, либо путем самостоятельного изучения материалов, относящихся к предстоящей конференции (программа конференции, состав участни-

³ См.: Ширяев А. Ф. Указ. соч., с. 136.

ав, текст установочного доклада, проекты резолюций и поправки к ним, тезисы выступлений делегатов, если таковые имеются).

После объяснения этого материала преподаватель совместно с обучаемыми разрабатывает план, в котором намечены основные направления подготовки к конференции. План подготовки, как правило, включает:

1. Изучение проблематики конференции. Обучаемые должны изучить полученную документацию, специальную литературу по тематике конференции, стенограммы; отчеты и выводы прошедшей конференции или других конференций и форумов по данной проблематике, а также ознакомиться с состоянием проблемы на данный момент по материалам, публикуемым в советской и зарубежной прессе. Таким образом, обучаемые приобретают необходимые знания по данному вопросу. Это позволяет им в общих чертах ориентироваться в сути обсуждаемых проблем и, следовательно, в определенной степени уяснить позиции сторон, возможных группировок и отдельных делегаций, а также понять аргументацию выступающих ораторов.

2. Изучение терминологии и составление словарей. При изучении документации обучаемые должны изучить всю терминологию по данной проблематике. Как показывает практика, при изучении терминологии во время подготовки к конференции обучаемому (а тем более переводчику с опытом работы) придется заучить или усвоить в принципе посильное число незнакомых слов и словосочетаний, которое необходимо ему для перевода по специальной тематике⁴. При этом для каждого переводчика это число будет разным.

Обучаемые должны выписать все незнакомые слова, термины и словосочетания по проблематике конференции и на основании этого списка составить словарь. По основным вопросам, включенным в повестку дня комиссий и подкомиссий, целесообразно составлять отдельные словари, так как последующим они будут необходимы для тренировки в закреплении словарных эквивалентов по конкретному вопросу.

Отдельный словарь составляется по процедурным вопросам, т. е. для процедурной лексики и фразеологии. Процедура лексика и фразеология относятся к разряду стереотипных выражений, которые обязательны для употребления в данной речевой ситуации. Сложность их перевода заклю-

⁴ Сошлемся в этой связи на результаты опроса знаний студентами V курса переводческого факультета частотного словаря из 3158 слов, составленного при исследовании ораторских выступлений по общеполитическим вопросам во французском парламенте. 28 учащихся испытывали затруднения в переводе или вообще не смогли перевести 178 лексических единиц (термины, специальные или общеупотребительные слова).

чается в том, что знание их иноязычного эквивалента также необходимо, как и соотнесение с реальной действительностью. Поэтому в ходе подготовки следует не только составить как можно более полный перечень таких выражений, но и заучить их наизусть на русском и иностранном языках.

3. Составление списка сокращений. В последнее время сокращения все чаще проникают из письменной речи в устную. Различные варианты произношения иностранных сокращений (буквенное, слоговое или буквенно-слоговое) затрудняют их аудирование, идентификацию в потоке речи и, следовательно, их расшифровку. Невозможность расшифровать сокращение может создать значительные трудности для понимания фразы, так как смысл сокращения редко может быть определен из контекста, даже весьма широкого.

В свете сказанного становится очевидным, что перевод сокращений требует особого внимания, так как почти любая неточность приводит к искажениям. Обучаемый должен заучить все сокращения, которые могут упоминаться и цитироваться на конференции. В первую очередь, он должен знать наиболее частотные сокращения: сокращение организации, проводящей конференцию, стран (если такие сокращения существуют) и организаций, принимающих участие в работе конференции, а также сокращения названий международных организаций, которые тем или иным образом связаны с данной организацией. Для лучшего запоминания обучаемый составляет список сокращений на иностранном языке и их эквивалентов на русском языке. В этот список необходимо включать также сокращения-дублиеты, т. е. французские и английские сокращения, обозначающие одни и те же международные организации и параллельно встречающиеся во французском и английском языках.

4. Заготовка параллельных текстов. В ходе подготовки обучаемые должны заготовить параллельные тексты на русском и иностранном языках тех документов, которые могут целиком или частично зачитываться и обсуждаться на конференции и из которых могут приводиться цитаты. К таким документам можно отнести: установочный доклад, проекты резолюций, устав организации, процедурные правила, Конституцию СССР, материалы съездов КПСС, тексты выступлений видных политических и государственных деятелей по актуальным вопросам международной жизни и, в частности, по обсуждаемой проблеме, тексты международных соглашений и договоров, относящихся к проблематике конференции.

5. Письменный перевод проектов резолюций и составление рабочего документа переводчика. Обучаемые должны полностью перевести проекты резолюций и поправок на русский язык и составить рабочий документ переводчика по изложенному ниже принципу.

Приведенный план подготовки к работе на конференции студенты обычно выполняют самостоятельно.

На следующем занятии преподаватель может предложить изучить особенности работы на заседаниях комиссий (в порядке прогнозирования). Для повышения мотивации обучаемых преподаватель сообщает, что самым важным моментом в работе любой международной конференции является принятие резолюции. Как правило, на утверждение конференции выносятся резолюции, принятые на заседаниях соответствующих комиссий по тем или иным вопросам повестки дня конференции. Принятие резолюции в комиссиях осуществляется путем последовательного обсуждения пунктов преамбулы, постановляющей части и поправок к ним. Число стран, внесших поправки, может достигать двадцати и более, причем каждая страна нередко вносит поправки к 10—15 пунктам проекта резолюции.

До начала работы комиссии (как правило, не позднее, чем за сутки) проект резолюции и поправки переводятся письменно на русский язык (если в составе делегации нет письменных переводчиков, выполнение перевода возлагается на синхронистов, освобождаемых на этот период от синхронного перевода), размножаются и вручаются членам делегации, участвующим в работе данной комиссии, и синхронному переводчику.

Таким образом, у переводчика, обеспечивающего синхронный перевод на заседании комиссии, в которой принимается резолюция, имеются тексты проекта резолюции и поправок на иностранном и русском языках. Члены советской делегации участвуют в дискуссии, пользуясь текстами этих документов на русском языке. Поэтому при обсуждении соответствующих пунктов и поправок к резолюции переводчик при переводе на русский язык обязан употреблять только те формулировки, которые содержатся в тексте, имеющемся в распоряжении членов делегации. В противном случае у них может сложиться мнение, что речь идет о новом измененном варианте пункта или поправки. Чтобы употреблять в переводе формулировки письменного текста, переводчику необходимо постоянно иметь перед глазами наряду с текстами проекта и поправок на иностранном языке тексты этих документов на русском языке.

Эта задача не совсем проста, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что при большом количестве поправок переводчику довольно трудно быстро ориентироваться в них и отыскать в стопке поправок нужную ему в данный момент поправку какой-либо страны, поскольку они нумеруются секретариатом не по пунктам проекта резолюции, а в той последовательности и очередности, в какой поступают в секретариат от делегаций. Если при этом еще

учесть, что к одному пункту может быть внесено до 5—7 поправок и что эти поправки обсуждаются и ставятся на голосование в определенной последовательности (имеют приоритет перед другими и ставятся на голосование первыми те поправки, которые наиболее отличаются от рассматриваемого текста), то становится очевидным, насколько трудно переводчику разбираться в этой массе поправок в условиях ограниченного времени.

Рассказывая об этих трудностях, преподаватель тем самым подводит обучаемых к осознанию необходимости тщательной предварительной подготовки к этому виду переводческой деятельности.

После объяснения специфики работы синхронного переводчика при обсуждении проекта резолюции преподаватель переходит непосредственно к методическим указаниям по рациональной организации работы синхрониста в подобных условиях, используя конкретный материал.

Предположим, что речь идет о переводе на заседании комиссии по разоружению, на которой должна быть принята резолюция по вопросу «Осуществление заключительного документа X специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению». На обсуждение комиссии выносятся проект резолюции и поправки 12 стран, причем каждая поправка включает от одного до десяти пунктов.

Преподаватель указывает, что для лучшего ориентирования в таком обилии поправок переводчик должен за день до заседания проанализировать все имеющиеся поправки и подобрать к каждому пункту преамбулы и постановляющей части проекта резолюции относящиеся к нему поправки, т. е. рассортировать их по пунктам. После завершения этой работы подготавливается рабочий документ переводчика. Процедура его составления выглядит следующим образом.

Берется обычный лист бумаги и делится на две половины. На левую половину наклеивается или подкалывается текст проекта резолюции, а на правую, напротив пункта, к которому имеются поправки, текст поправок. Между пунктом преамбулы и постановляющей части, имеющим одну или несколько поправок, и следующим за ним пунктом следует оставлять интервал для размещения справа текста поправки или поправок к данному пункту. Например, между пунктами 4 и 5 преамбулы (см. ниже схему рабочего документа) оставлено столько места, сколько необходимо для размещения в правой части листа поправки Испании № 7 к пункту 4.

Для пояснения сказанного целесообразно показать, как должен выглядеть рабочий документ переводчика. В качестве примера можно привести примерную схему рабочего документа, составленного для работы в комиссии по разоружению.

**Осуществление заключительного акта
X специальной сессии ООН
по разоружению**

(Проект резолюции, вынесенный на обсуждение
комиссии по разоружению)

Текст проекта

Поправки

Конференция

1. <i>Памятуя</i> о том, что специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, созванная по инициативе неприсоединившихся государств, обратила внимание на особую важность проблем, стоящих перед международным сообществом в области разоружения...	Нет
2. <i>Подчеркивая</i> ...	Нет
3. <i>Указывая на</i> ...	Нет
4. <i>Подтверждая</i> вновь, что все ядерные державы, и, в частности те, которые располагают самыми большими ядерными арсеналами, несут особую...	<i>Испания.</i> Попр. 7, № 1. В п. 4 преамбулы после слов «арсеналами» добавить «или имеют технические возможности для их создания в ближайшем будущем».
5. <i>Сознавая</i> тот факт, что эффективная стратегия разоружения ...	<i>Румыния.</i> Попр. 6, № 1. Внести после п. 5 преамбулы новый пункт: «Учитывая, что ...» и изменить нумерацию следующих пунктов.
6. <i>Убеденная</i> в том, что конкретные шаги...	<i>Югославия.</i> Попр. 4, № 1. Снять пункт 6 преамбулы и изменить нумерацию следующих пунктов.
1. <i>Призывает</i> правительства и парламенты...	<i>Югославия.</i> Попр. 4, № 2. В п. 1 заменить «...» на «...».
2. <i>Приветствует</i> решение ...	<i>Югославия.</i> Попр. 4, № 3. В п. 2 изменить текст после слов «...».

6. *Настоятельно призывает* парламенты *Югославия*. Попр. 4, и правительства предпринять меры, № 4. Изменить п. 6: направленные на ограничение и сокращение вооружений в наиболее опасной форме — гонки оружия массового уничтожения, и с этой целью ...

«6. *Призывает* к тому, чтобы наивысший приоритет был отдан безотлагательному рассмотрению ...».

Болгария. Попр. 5, № 1. Заменить п. 6 следующим: «6. *Призывает* США ратифицировать договор ОСВ-2 и ...».

Куба. Попр. 7, № 3. Заменить п. 6 следующим: «6. *Приветствует...*».

Так, пункт за пунктом составляется весь рабочий документ переводчика.

В этом образце рабочего документа текст проекта резолюции и поправок дается набросками. В реальной учебной ситуации обучаемым, естественно, ставится задача сделать подборку материала для работы на основе полного текста проекта резолюции и поправок, причем такая подборка должна быть сделана и на русском, и на иностранном языках.

Преподаватель обращает внимание на то, что такая группировка пунктов проекта резолюции и поправок значительно облегчает работу переводчиков. Причем, преимущество работы переводчика с препарированным таким образом рабочим документом нужно показать на практике. Для этого преподаватель разбивает группу на две части, одна из которых осуществляет синхронный перевод, пользуясь рабочим документом, составленным по описанному выше принципу, а другая работает с разрозненными проектом резолюции и поправками. Сравнение магнитофонных записей двух вариантов перевода наглядно покажет обучаемым, что качество перевода зависит также и от того, насколько рационально организована работа переводчика.

Следующий момент, на который может обратить внимание преподаватель, — это специфика перевода шепотом.

При обсуждении проекта резолюции и поправок переводчик должен быть в постоянной готовности к многократному переводу кратких сообщений с русского языка на иностранный, так как советские представители могут несколько раз выступать по данному вопросу в качестве либо авторов по-

правок, либо ораторов, имеющих противоположное мнение при обсуждении поправок или поправок к поправкам других авторов. При этом иногда может создаваться несколько невозможная обстановка как для членов делегации, так и для самого переводчика. Дело в том, что в ряде случаев оборудование кабин синхронного перевода не позволяет вести перевод из одной кабины одновременно с иностранного и русского языков. Поэтому во время дискуссии, когда выступает советский представитель, переводчик вынужден переходить в другую кабину (например, в кабину, из которой можно осуществлять перевод на французский язык). Иногда кабины удалены одна от другой на 5—6 метров и на переход требуется некоторое время. Пока переводчик переходит из одной кабины в другую, заседание продолжается: в этот момент может говорить председатель либо начинать выступление очередной оратор. В результате этого переводчиком теряется часть информации. Потери информации обычно относятся к первым фразам выступлений. Если учесть, что выступления в прениях бывают, как правило, очень краткими и содержат большое количество ключевой информации, ее потеря переводчиком может привести к недопониманию сообщения и, в конечном итоге, вызвать недоумение у слушающих перевод. Не случайно на подобных заседаниях комиссий из зала иногда адресуются просьбы к председателю повторить свои слова или то, что было сказано предыдущим оратором.

Преподаватель указывает, что при таком устройстве технической установки синхронного перевода практикуется перевод шепотом, т. е. такой вид синхронного перевода; когда переводчик находится в зале вместе с членами делегации. Он слушает выступление на иностранном языке через динамик или наушники и шепотом переводит его на русский язык членам делегации, а при выступлении советского делегата ведет перевод на иностранный язык в микрофон, установленный на столе.

После выполнения группой всего объема подготовительной работы в соответствии с разработанным планом подготовки проводится следующее занятие, которое можно назвать тренировочно-подготовительным. Его цель состоит в том, чтобы обучаемые в ходе учебного синхронного перевода закрепили полученные знания по рациональной и эффективной организации своей работы.

На данном занятии вся группа работает одновременно. Исходный текст поступает в кабины либо через микрофон преподавателя, либо с магнитофона пульта преподавателя. Характерной особенностью этого занятия является то, что преподаватель в процессе перевода останавливает магнитофон в тех местах выступления оратора, которые считает

наиболее сложными для перевода. Большей частью это относится к тем отрезкам речи, в которых приводятся цитаты из каких-либо документов. После остановки магнитофона преподаватель обращается к группе с вопросом о том, как они должны действовать в сложившейся ситуации. Допустим, что оратор цитирует какой-либо пункт из устава организации. Правильным ответом обучаемого будет следующий: «В таком случае я, не прекращая перевода, но несколько замедляя темп речи с целью выигрыша времени, отыскиваю этот пункт в русском варианте устава и зачитываю его. Затем продолжаю выполнять синхронный перевод выступления».

Если обучаемые затрудняются ответить на вопрос, преподаватель сам дает разъяснения. Он говорит, что при цитировании оратором каких-либо документов, параллельные тексты которых имеются у переводчика, последний должен, четко и внятно переводя название цитируемого документа в замедленном темпе, отыскать выдержку или цитату из документа и зачитать ее на языке перевода.

Как показывает практика, наиболее часто ораторы приводят цитаты, зачитывают выдержки и делают ссылки при обсуждении процедурных вопросов. В связи с этим приемы работы переводчика в организационном плане целесообразно отрабатывать с использованием фонозаписей выступлений ораторов по процедурным вопросам. Здесь основными параллельными текстами будут текст устава организации и процедурные правила.

Преподаватель указывает, что при работе с этими параллельными текстами можно добиваться еще большей экономии времени на поиски того или иного пункта, если обучаемый заранее находит раздел документа, в рамках которого идет обсуждение, и делает в этом месте закладку. Когда оратор называет какой-либо пункт, переводчик переворачивает всего лишь несколько страниц и отыскивает его. К примеру, на повестке дня стоит вопрос об избрании председателя организации. Переводчик, указывая преподавателю, заранее находит в Правилах процедуры организации раздел «Председательствование» и делает в этом месте закладку. И когда оратор, допустим, цитирует пункт 9 правил, который гласит «На пост председателя избирается кандидат...», переводчик должен открыть правила процедуры на заложенной странице, быстро пробежать глазами данный раздел, найти правило 9 и зачитать его.

После того как все обучаемые усвоили методику работы с параллельными текстами, преподаватель переходит к тренировке обучаемых в переводе на заседании комиссии, на повестке дня которой стоит вопрос о принятии резолюции по обсуждаемому вопросу. Предварительно преподаватель

проверяет правильность составления обучаемыми рабочего документа. Он берет рабочий документ одного из них и пункт за пунктом зачитывает его всей группе. Обучаемые внимательно слушают преподавателя и в случае необходимости дают свои варианты, вносят изменения и дополнения. Анализ рабочего документа переводчика проводится как с точки зрения правильности его композиционного построения, так и с точки зрения адекватности текста русского перевода тексту оригинала. При обнаружении у себя ошибок обучаемые сами вносят исправления в свои рабочие документы. После того, как все обучаемые внесли в свои рабочие документы необходимые изменения и исправления, преподаватель включает фонозапись с выступлениями ораторов на заседании комиссии по данному вопросу и дает задание переводить эти выступления, пользуясь рабочими документами. Как и в предыдущем случае, преподаватель может прерывать процесс перевода в тех местах, где обучаемые встречаются затруднения или делают ошибки. После соответствующих пояснений и уяснений существа вопроса всеми обучаемыми перевод возобновляется.

Здесь же отрабатывается и перевод шепотом. С этой целью обучаемые поочередно занимают места за рабочим столом кабины синхронного перевода (он в данном случае заменяет стол делегации) и осуществляют перевод либо фонозаписи выступлений, либо речи преподавателя, выступающего одновременно в роли советского и иностранного делегата. При отработке перевода шепотом преподаватель также делает методически обоснованные остановки процесса перевода с постановкой проблемных вопросов и объяснениями.

* *

*

Обучение работе на конференции тоже проводится методом деловой игры (практически речь идет о продолжении деловой игры, начатой на предшествующих занятиях).

Для имитации условий конференции продолжительность занятия увеличивается с 2 до 4—6 часов, приглашаются преподаватели и обучаемые из других групп, которые заменяют президиум и некоторых делегатов. Класс синхронного перевода или зал с аппаратурой для синхронного перевода (если таковой имеется) соответствующим образом оформляется.

Обучаемые подразделяются на группы по два-три человека и работают попеременно по 20 минут (работают параллельно несколько кабин по одной и той же языковой комбинации—эта условность необходима для активного участия всех обучаемых).

Речь в кабины подается с микрофона председателя и магнитофона центрального пульта. Переводы из каждой кабины фиксируются на магнитной ленте.

Синхронный перевод выполняется во всех вариантах. Установочный доклад дается в синхронном чтении заранее переведенного текста (со вставками, касающимися отступлений от темы). Несколько выступлений переводятся с листа с предварительной подготовкой: тексты одних выступлений выдаются переводчикам накануне, тексты других — за несколько минут. Два-три выступления переводятся с листа без предварительной подготовки — их тексты подаются в кабины непосредственно перед началом речи или с опозданием на 1—2 минуты. Половина выступлений переводится на слух.

В ходе конференции можно практиковать также синхронный перевод шепотом в зале для нескольких делегатов. С этой целью исходный текст подается через динамик или в наушники переводчиков. Качество перевода контролируется преподавателем, играющим роль делегата.

К следующему занятию обучаемые получают задание проанализировать собственные переводы и переводы своих товарищей. Преподаватель на занятии дополняет и уточняет проведенный анализ, указывает на причины ошибок и дает рекомендации по их устранению.

При наличии хорошо подготовленных обучаемых на переводческом факультете можно проводить учебные конференции с использованием нескольких иностранных языков. В этом случае одна из кабин назначается ведущей. При выступлении оратора, например, на французском языке, французская кабина становится ведущей, и обучаемый этой кабины переводит речь оратора на русский язык. Обучаемые других кабин принимают в наушники перевод на русском языке и осуществляют перевод на свои рабочие языки. При выступлении оратора на русском языке его речь переводится сразу на все рабочие языки.

Педагогический опыт показывает, что цикл практики синхронного перевода в условиях учебного заведения несомненно приносит пользу в подготовке обучаемых для практической работы в качестве синхронных переводчиков. За небольшой период обучаемые не только совершенствуют свои профессиональные знания, но и получают соответствующую подготовку в плане организации своей работы как до начала конференции, так и в ходе ее. Кроме того, проведенные занятия вырабатывают у обучаемых навыки психологической устойчивости, которые необходимы переводчику-синхронисту в его сложной деятельности.

ОДНОСОСТАВНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В основе разграничения односоставных предложений японского языка лежит конституирующий член предложения, определяющий его структуру и семантику. На основе этого односоставные предложения могут быть подразделены на глагольные, адъективные и субстантивные, в которых соответственно выражаются объективные процессы, свойства предметов, утверждение наличия предметов, явлений¹. Но возможно другое деление односоставных предложений японского языка, в зависимости от семантического ядра смыслового содержания предложений — деление на акцидентные и субстантивные предложения. В этом случае первому классу предложений будут причислены те структурные типы, которые выше разделены по двум рубрикам: глагольные и адъективные. Если подробно остановиться на семантико-синтаксических особенностях японских глаголов прилагательных, то можно найти достаточно оснований² для объединения этих двух разновидностей односоставных предложений в один структурно-семантический тип. Однако в данной статье будет рассмотрен подтип односоставных предложений, образованный на базе глаголов, которые в японском языке называются «до:си».

В глагольных односоставных предложениях утверждается существование, наличие независимого предикативного придела, выраженного главным членом. Сказуемое является структурно-семантическим ядром этих предложений, остальные члены предложения находятся в непосредственной связи глаголом и обуславливаются его «позиционно-предикативными свойствами», которые предопределяются валентностью глагола. Исследуя принципы построения глагольных односоставных предложений, будем учитывать валентностный потенциал глагола, заполняющего позицию главного члена, и условия реализации той или иной валентности. Это целесообразно сделать по следующим причинам:

1) в японском языке в отличие, например, от русского языка нет особых лексико-грамматических категорий слов типа безличных глаголов или слов категорий состояния), способных самостоятельно, без поддержки каких-либо грамматических средств конструировать односоставные предложения;

¹ См.: Головин И. В. Введение в синтаксис японского языка. М., 1979, с. 225—226.

² См.: Алпатов В. М. Что такое прилагательное в японском языке. — В кн.: Японское языкознание. М., 1979.

2) у глаголов японского языка нет категории лица и нет, следовательно, и специальных морфологических средств для формирования у глаголов категории безличности.

И вместе с тем, и в японском языке, как и в русском, и в ряде других европейских языков существуют предложения, аналогичные односоставным предложениям русского языка, с присущей им специфической семантикой независимого предикативного признака. В японском языке предложения различной структурной организации, как двусоставные, так и односоставные, формируются на базе одних и тех же (в широком смысле) глаголов. Что же в таком случае лежит в основе модели односоставных глагольных предложений японского языка? Ясно, что не глагол сам по себе, а глагол и тесно связанные с ним определенные разряды второстепенных членов, т. е. его облигаторные распространители. При этом функциональная нагрузка глагола в двусоставных и односоставных конструкциях различная, она заключается в том, что по-разному «подается» признак, содержащийся в лексической семантике глагола, в его смысловой структуре. Сравним предложения: *Он тянет меня в сторону* и *Меня тянет куда-то в горы* или в японском языке: *Сакунэн тонари но мура дэ мо мидзу о хийта*. «В прошлом году и в соседнем поселке провели воду»; *Хаха ва кодомо но тэ о хийтэ иру*. «Мать ведет ребенка за руку». Благодаря этим примерам можно заметить, что в разном лексическом окружении по-разному проявляется лексическое значение глагола, т. е. какие-то частные элементы его значения становятся очевидны лишь в особом синтаксическом контексте.

Таким образом, для выявления структурно-семантических типов глагольных односоставных предложений следует определить состав членов предложения, являющихся носителями какой-то существенной, постоянной информации, необходимой для формирования семантики всего предложения. Для убедительного обоснования противопоставления односоставности и двусоставности предложения в строе японского языка необходимо привлекать семантические категории, с тем, чтобы выявить закономерности соотношения определенных синтаксических позиций, синтаксических связей с их содержательной стороной. Так если, например, в личной форме глаголов русского языка отнесенность к источнику действия, к действующему лицу выражена грамматически, то в японских глаголах эта отнесенность присутствует чисто семантически, и это подтверждает мысль о том, что исследование способов построения предложений японского языка не должно проводиться только в грамматическом аспекте, в сфере синтаксиса. Структуру односоставных предложений японского языка следует рассматривать не только в плане ее формальной организации, состава синтаксических компонен-

тов, но с обязательным установлением семантической нагрузки этих компонентов.

В данном исследовании представляется очень полезной идея разграничения валентностей глагола на семантические и синтаксические. Семантическая валентность определяется лексикографическим толкованием глагольной лексемы. В число семантических валентностей глагола включается набор его семантических актантов³ (именных лексем), присутствие которых необходимо для того, чтобы глагол мог обозначить какую-то ситуацию. Так, в число семантических валентностей любого глагола японского языка (за очень редким исключением) входит актант со значением субъекта действия или состояния. А в число семантических валентностей переходных глаголов входит также и актант со значением прямого объекта. Однако в окружении глагола могут быть лексемы и с другими значениями, например, со значением времени, пространства, причины, условия, образа действия и т. д. Эти лексемы содержат в себе дополнительную информацию, и не столько о самом глагольном признаке, сколько об условиях его реализации и существования. Подобные словоформы являются следствием реализации синтаксических валентностей глагола и не входят в число актантов, определяющих сущность семантического содержания глагольного действия. Синтаксическая, или грамматическая, валентность не имеет отношения к вещественному значению глагола, к его смысловой структуре⁴.

Наша задача — выяснить валентностный потенциал глагола — конституирующего ядра односоставного предложения, а также установить, какие валентности играют более активную роль в формировании структуры односоставных предложений. Как отмечалось выше, валентностный потенциал любого глагола содержит семантическую валентность субъекта, под которой подразумевается отнесенность к источнику действия.

Будем считать, что семантическая структура односоставных предложений японского языка представлена предикатом и системой актантов, причем, из этой структуры закономерно исключается актант с субъектным значением. Однако это не только не лишает односоставные предложения семантической полноты, а наоборот, сообщает всему односоставному предложению определенный смысловой акцент — внимание

³ В понятие «актайта» в данном случае включаем только те семантические валентности, заполнение которых необходимо для обозначения элементарной внеязыковой ситуации, для семантического представления модели предложения.

⁴ Басс И. И. Классификация валентностей глагола. — Вопросы японской филологии. М., 1977, с. 15.

сосредоточивается исключительно на самом действии, процессе, состоянии, безотносительно к его источнику.

Таким образом, при описании глагольных односоставных предложений японского языка предстоит установить, при каких условиях семантическая валентность субъекта, присущая глаголу, оказывается необязательной, факультативной, и какие в этом случае привлекаются средства (лексические, морфологические или синтаксические) для восполнения семантической потребности глагола в субъекте.

В чем же проявляется конституирующая функция глагола в односоставном предложении? Как правило, глагол выражает процесс, для реализации которого требуется один или несколько актантов. Вследствие этого глагол наделен способностью сочетаться с различными субстантивными словами, необходимыми для характеристики глагольного признака. По валентным характеристикам глаголы могут быть авалентными, моновалентными и поливалентными. И это качество глагола, т. е. его валентностный потенциал, оказывает непосредственное влияние на грамматическую структуру глагольного предложения. В настоящее время в ряде лингвистических работ эта особенность глагола понимается как способность выражать некоторое отношение между предметами, и его валентные свойства находят отражение в том, что глагол в своей конституирующей функции рассматривается как многоместный или одноместный предикат⁵. При другом представлении структуры предложения, как субъектно-предикатного построения, учитывается лексико-грамматическая природа предиката и его ориентированность на субъект. В односоставных конструкциях целесообразно выявить взаимоотношения предиката с системой актантов.

Итак, на основании валентных свойств глаголом проецируются определенные места в синтаксической конструкции, иначе, члены предложения. Однако статус этих членов предложения, степень участия их в конструировании предложения различны. В японском языке, в отличие от русского, нет глаголов, исключаящих какой бы то ни было актант, поэтому направление исследования односоставных предложений японского языка должно сводиться к тому, чтобы выявить в их построении структурно обусловленные второстепенные члены предложения, т. е. состав актантов, затрагиваемых глагольным действием и необходимых для характеристики этого действия.

Целью статьи является установление структурных схем глагольных односоставных предложений японского языка на

⁵ См.: Ломтев Т. П. Структура предложения в современном русском языке. М., 1979, с. 26—35; Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 188.

основе исследования свойств глагола как носителя определенной лексической и грамматической семантики. В односоставных предложениях встречаются глаголы разного валентностного потенциала. Глаголы, ограничивающиеся для семантической характеристики называемого ими признака связью только с одним актантом, относятся к одновалентным (моновалентным) глаголам, например: *итаму* «болеть», *сину* «умирать», *саку* «цвести», *козру* «толстеть». Глаголы, указывающие, что действие направлено на прямой объект, относятся к двухвалентным глаголам: *наосу* «чинить», *цукав* «использовать», *омоидасу* «вспоминать», *яку* «жарить». Однако есть глаголы, содержащие большее число семантических валентностей и предполагающие в своем семантическом окружении, например, актант со значением адресата действия: *ватасу* «вручить», *цутаэру* «сообщить, передать», *сё:кай-суру* «представить, отрекомендовать» и т. п.

Не все валентности реализуются в структуре предложения, но есть такие, которые реализуются с обязательной необходимостью, чтобы предложение могло функционировать как коммуникативно-информативная единица языка и речи. Исключение составляют односоставные предложения, в основе которых лежат авалентные глаголы; в таких конструкциях отсутствуют какие бы то ни было семантические актанты. Это довольно малочисленный тип односоставных глагольных предложений, и о нем будет сказано несколько ниже. Все же остальные типы односоставных предложений можно рассматривать как реализацию определенной схемы семантико-синтаксических валентностей глагола.

Известно, что глаголы японского языка делятся на переходные и непереходные. Проследим принципы построения односоставных предложений на базе как переходных, так и непереходных глаголов, учитывая различие в синтаксическом поведении разных грамматических групп глаголов и обусловленные этим различия в семантике структурных подтипов глагольных односоставных предложений.

Итак, рассмотрим вначале в качестве структурно-семантической основы глагольных односоставных предложений переходные глаголы. Переходные глаголы выражают признак, соотношенный с двумя актантами — со значением субъекта и прямого объекта. Но грамматическая специфика односоставных предложений заключается в выражении независимого предикативного признака, признака, не соотношенного со своим носителем, каковым, как известно, является субъект. Какие же средства вырабатываются языком для передачи данных языковых значений?

В японском языке для этой цели привлекаются исключительно синтаксические категории, организация самой синтаксической структуры предложения приобретает особое зна-

чение. Поэтому основное внимание в данном исследовании уделяется выявлению причин, особенностей синтаксической структуры предложения, позволяющих передавать всю полноту информации о действии (совершенном, совершаемом или могущим быть совершенным) без указания на источник действия, т. е. субъект. Систематизацию глагольных односоставных предложений следует проводить не только с учетом морфологических и семантических особенностей глагола — главного члена, но с учетом особенностей всей синтаксической структуры, состава семантических актантов главного члена, являющихся структурно обусловленными. Те второстепенные члены предложения, которые рассматриваются как обязательные и включаются в структуру предложения, являются носителями семантики, необходимой для формирования всего предложения. «Быть элементом структуры предложения — значит быть носителем какой-то семантики»⁶.

В односоставных предложениях не всегда заполняются семантические валентности глагола в функции главного члена, и вместе с тем, в некоторых типах предложений постоянно реализуются синтаксические валентности глагола. Приведем примеры:

Тидзими ни ва орико но на то токоро о кайта *ками-фуда о цукэтэ соно дэкимаэ о итибан* *нибан то иу фу: ни синасадамэмасита* (КЯ). «К ткани прикрепляли бумажные ярлыки, на которых писали имя и место проживания ткачи, и определяли ткань по качеству, первый или второй сорт»; *Карэра но айда дэ ва Кацуко* но кото о Мориока, *Минэко* но кото о Сайкё; то, *сюссинти* о атэта *футё: дэ ёнда* (СТ). «В их компании Кацуко на условном языке звалась Мориока, а Минэко называли Сайкё, в зависимости от места рождения»; *Сиротири ва ори* ороситэ кара сараси, *иро но ару тидзими ва ито* ни цукутта но о касэ ни *какэтэ сарасу* (КЯ). «Белый креп отбеливают в ткани, а цветной — в пряже, натягивая ее на рамы».

Действия и события, о которых сообщается в этих предложениях, воспринимаются как кем-то совершаемые или совершенные. Лексические значения слов — членов предложения и то, что они сгруппированы на основе, отражающей объективные связи явлений⁷, уже несет в себе какую-то информацию. Однако для точной передачи информации необходимо не только правильно обозначить элементы описываемой ситуации, но и «правильно поименовать связывающие их отношения»⁸. Здесь в действие вступают грамматические законы языка, формируя предложения как на семантическом,

⁶ Ломтев Т. П. Указ, соч., с. 51.

⁷ См.: Колшанский Г. В. Логика и структура языка. М., 1965, с. 164.

⁸ Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 290.

так и на грамматическом (синтаксическом) уровнях. В каждом конкретном языке это происходит по-разному, поэтому нередко то, что в одном языке выражается с помощью односоставной конструкции, в другом — передается двусоставной конструкцией. Например, предложение русского языка *Меня охватило странное беспокойство* считается односоставным безличным предложением, а в японском языке адекватное по содержанию предложение сохраняет в своей синтаксической структуре позицию подлежащего и относится к двусоставным: *Ватакуси ва фусигина фуан ни осоварэтэ (маттаку симатта)* (КЯ). В русском языке очень выразительна флексия глагола, многие семантико-грамматические значения передаются при опоре на морфологию. В японском — морфологическая система глагола иная, поэтому-то при построении некоторых типов односоставных предложений большой удельный вес приобретают синтаксические категории. Обратимся к примерам:

Оёсо но кэнто: га цуйта токи, каннай но *дзэнсэтай* *ни* риндзи ни о:кина со:дзи о сасэру токоро да (МС). «Когда возникли общие догадки, в подведомственном хозяйстве как раз срочно устроили крупную чистку». *Со:са хомбу дэ ва*, ридзё: о тю:син ни сита *то:ти иттай о со:сасита* га, ируй о майбоцусита кэйсэки ва накатта (МС). «В сыском отделении устроили осмотр всего района в месте происшествия, но не было и следов зарытой одежды»; *Дзю:ёкка но ёру ва* утиути но *симэнава о мораиацумэтэ* китэ, *то: но маэ дэ* акаакато *такиби о суру* (КЯ). «14 февраля вечером перед храмом зажигают костер, собрав со всей деревни симэ».

В структуре всех вышеприведенных предложений обязательно присутствует актанта со значением прямого объекта. Нетрудно заметить еще одну характерную особенность этих предложений — глагол, лишенный возможности реализовать семантическую валентность субъекта, требует постоянного присутствия компонента со значением обстоятельства места, а иногда и обстоятельства времени. Наличие в структуре глагольных односоставных предложений японского языка локальных форм и включение их в структурный минимум предложения позволяет придать глагольному действию особое качество, акцентировать внимание на каких-то особых элементах его значения, представить предикативный признак более отстраненно. Здесь происходит как бы «семантический сдвиг в глагольном значении»⁹, связанный с определенными изменениями валентностей глагола, который в данном случае проявляется в том, что синтаксическая валентность обстоя-

⁹ Сильницкий Г. Г. Глагольная валентность и залог. — В кн.: Типология пассивных конструкций. М., 1974, с. 54.

тельства места становится семантической. А любое изменение в качестве и составе семантических валентностей меняет заданную ситуацию, приводит к новому значению слова¹⁰, а значит, оказывает влияние и на его синтаксическое поведение.

Таким образом, в данном типе односоставных предложений глагол реализует семантическую валентность субъекта не прямо, а опосредованно, в особых условиях синтаксического окружения, благодаря косвенной характеристике субъекта по месту пребывания или происхождения.

Но что же все-таки приводит к редукции синтаксической валентности субъекта? Прежде всего, цель высказывания, коммуникативная установка. В данных предложениях акцент делается на самом действии, на условиях и характере его протекания. Источник действия называется только косвенно; эту функцию и выполняют локальные формы — обстоятельства места, на которые как бы перекладывается часть семантической нагрузки субъекта действия, и вследствие этого они становятся семантическими актантами при главном члене односоставного предложения. Во-вторых, здесь происходит перераспределение валентностей — грамматическая валентность обстоятельства места становится семантической, что и позволяет устранить субъектную валентность глагола, представить ее имплицитно. Следовательно, есть основания считать такие глагольные предложения неопределенно-субъектными односоставными предложениями. На семантическом уровне какая-то косвенная информация о субъекте действия имеется, но на синтаксическом уровне в данных условиях он не представлен.

Можно сделать вывод, что структурно-семантической основой этих односоставных предложений является переходный глагол с двумя актантами — прямым объектом и обстоятельством места. Связь переходного глагола в односоставных предложениях с двумя актантами обусловлена правилами синтаксической организации предложения, и это является очень важным моментом, отличающим односоставные конструкции от двусоставных, в которых переходный глагол может «насыщать свою потребность в семантическом восполнении с помощью одного распространителя»¹¹. Для структур односоставных предложений это невозможно, так как разрушит саму структуру. Например, вполне законченным воспринимается высказывание: *Карэ ва бэнкё:суру*. «Он занимается», но не совсем понятна фраза *дзюгё: дзикан о кумикаэта*,

¹⁰ См.: Стругова Е. В. К исследованию семантики предикативных прилагательных в современном японском литературном языке. — В кн.: Вопросы японской филологии. М., 1977, № 4, с. 83.

¹¹ Троицкий С. Г. Роль глаголов в развитии коммуникативной перспективы предложения. Калинин, 1977, с. 16.

другое дело *Дайгаку дэ ва дзюгё: дзикан о кумикаэта*. «В институте изменили расписание занятий». В неопределенно-субъектных односоставных предложениях мы не можем выделить какие-то лексические и грамматические разновидности главного. В принципе, главный член предложения может быть выражен любым переходным глаголом.

Далее в качестве структурно-семантической основы глагольных односоставных предложений рассмотрим непереходные глаголы. Как правило, непереходные глаголы не выступают в роли главного члена односоставных предложений, так как включают только одну семантическую валентность — валентность со значением субъекта. В односоставных предложениях предикативно выраженный признак не предполагает отнесенности к субъекту действия или состояния. Субъектная валентность непереходных глаголов в некоторых случаях может редуцироваться, например, в неполных предложениях, когда субъект легко восстанавливается из ближайшего контекста. Односоставные же предложения должны обладать информативной полнотой и вне всякого контекста. В самом деле, если сказать: *соко ни нарандэ ита* «там стоит», *курусиндэ ита* «страдал»; *сусуму* «продвигается», *юганда* «искривленный», то будет совершенно неясно, что имеет в виду говорящий. Глаголы подобного типа непременно требуют информацию об источнике, субъекте действия. Если же все-таки непереходные глаголы и встречаются в структуре односоставных предложений, то это возможно или в случаях, когда они «перетягивают» на себя валентности переходных глаголов, или же, если они обладают особой грамматической семантикой, как, например, глагол *нару*.

Глагол *нару* образует один из структурно-семантических типов односоставных предложений японского языка. Однако он является в известной степени ущербным и не может быть поставлен в один ряд с другими непереходными глаголами. Глагол *нару* никогда не употребляется без дополнений. А. А. Холодович, учитывая эту особенность, относит его к числу абсолютно сильноуправляющих и отмечает, что подобные глаголы можно считать связками¹². Н. А. Сыромятников, описывая грамматическую систему новояпонского языка, относит *нару* к полусвязкам¹³. И. В. Головнин считает этот глагол непереходным, подчеркивая при этом, что он обязательно употребляется с аналогами дополнений и определений¹⁴. Одним словом, глагол *нару* благодаря своим особым семантико-грамматическим качествам может создавать

¹² См.: Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979, с. 78.

¹³ См.: Сыромятников Н. А. Развитие новояпонского языка. М., 1978, с. 240.

¹⁴ См.: Головнин И. В. Указ. соч., с. 227.

сложное, главное в односоставных предложениях японского языка. Непереходный глагол *нару* употребляется и в двусоставных конструкциях, указывая на появление какого-то нового свойства, качества у субъекта действия, состояния. В односоставных предложениях с помощью глагола *нару* выражается непроизвольное возникновение независимого предикативного признака.

Приведем примеры: Ёко ва байкокудо, кокудзоку — то омотта дакэ Курати кара тобиноко: то сита. Цуги ни, соко кара Курати о сукуидасо: то иу *ки ни мо натта* (АТ). «Ёко только подумала: „Изменник, предатель” и отскочила от Курати. Затем захотелось предостеречь Курати от этого»; ... сита ни ва будо: га мокумокусита о:кина *ябу ни наттэ имасита* (МК). «... а внизу возникла большая роща виноградников»; Ю:гурэ кара хидой *амэ ни натта* (КЯ). «С вечера пошел сильный дождь»; Рокудзи да га, кандзэн ни ёру ни наттэ итэ ... (МС). «Шесть часов, наступила настоящая ночь ...»; Соко дэ тиисана арасои ни натта гурай да (МС). «Там вспыхнула небольшая ссора».

В приведенных примерах глагол *нару* управляет дательным падежом, а в роли дополнений встречаются как существительные с предметным значением, денотатом которых является предмет, явление реальной действительности (*ябу, амэ, ёру*), так и существительные с абстрактным значением (*ки, арасои*).

Во многих предложениях в качестве стилистического эквивалента встречаются конструкции с *то нару*: Мата Ко:сю: гайдо: о ниси ни икэба, *футю:*, *Татигава то нари*, хигаси ни икэба Синсюку *хо:мэн то нару* (МС). «Если идти на запад от проспекта Косю, то будет административный центр, река Татигава, а если идти на восток, то покажутся окрестности Синсюку»; Оба но ути кара мотидасита канэ ва вадзука дзю:эн То:кё: э цукимасу то, сякухати о фуйтэ хито но кадо ни татанакэрэба-нарану *дзидай то наримасита* (КД). «Когда в Токио растратил деньги, взятые из дома тетки, всего десять иен, то случилось так, что вынужден был простаивать перед домами людей, играя на сякухати (досл. — наступил такой период, когда стал вынужден)».

Глагол *нару* встречается в составе главного только бессубъектных односоставных предложений, в которых передается информация о действиях, возникающих непредвиденно, стихийно, или о состояниях, возникших помимо воли говорящего. Бессубъектные односоставные предложения характеризуют ситуацию в целом, и главное, образованное с помощью глагола *нару*, передает наиболее существенный признак явления, состояния.

Среди бессубъектных односоставных предложений японского языка встречаются также и такие, в которых конста-

тируется наступление какого-то момента времени суток или времени года. В этом случае в качестве дополнения при глаголе *нару* могут быть не только существительные, но и числительные: Иёйё дай ни *гакки ни наримасита*. Аки дэсу (МК). «Наконец, наступил второй семестр. Осень»; Эки кара гэмба тикаку мадэ такусидэ итта то ситэ, аруку дзикан о ирэру то, арамаси но кэйсан дэ, *годзи ни нару* (МС). «Если даже от вокзала к месту происшествия проехать на такси и еще затратить время на ходьбу, то будет где-то около пяти часов».

В числе односоставных предложений с глаголом *нару* встречаются довольно распространенные конструкции, но это не определяется какими бы то ни было семантико-грамматическими потенциями глагола *нару*. Нередко состав второстепенных членов зависит от лексической семантики слова, с которым, как с аналогом дополнения, сочетается этот глагол.

Существует еще один тип односоставных предложений с непереходным глаголом *нару*. Это предложения с аналогами определений, сложное главное в которых образуется как на основе предикативных прилагательных в форме на *ку*, так и собственно прилагательных в форме на *ни*. Например:

Токоро га нидзикаммэ кара дандан харэтэ гого ва нацу но ё: ни *ацуку наримасита* (МК). «Однако с двух часов постепенно прояснилось, и после полудня стало жарко, как летом»; Тоцудзэн, сидзука ни натта. «Внезапно сделалось тихо».

Такие односоставные предложения тоже относятся к бесубъектным, так как характеризуют ситуацию в целом; предикативный признак, выраженный в них, имеет качественный характер.

Итак, непереходный глагол *нару* участвует в формировании односоставных предложений японского языка в силу того, что его семантика не самостоятельна и включает в себя лишь способность придавать какой-либо субстанции характер динамического признака. Полагаем также, что было бы полезно провести более углубленное исследование в отношении семантических классов слов, способных занимать при этом глаголе позиции определений и дополнений в односоставных конструкциях. Вероятно, здесь можно обнаружить какие-то закономерности.

В японском языке встречается еще один подтип глагольных односоставных предложений, образованных на базе непереходных глаголов. В основе таких предложений лежит предикативная синтаксемная группа (синтагма), содержащая актант со значением прямого объекта при непереходном глаголе. Присутствие прямого дополнения при непереходном

глаголе расширяет его семантику, что и позволяет глаголам данного семантико-грамматического класса создавать односоставные предложения:

Конъя ва корэ дэ мо: *хё:тэн о сагаттэ оримасу* дэсё: нэ (КЯ). «Сегодня вечером температура, пожалуй, опустится до нуля»; Со:ситэ соно ана но нака кара токидоки фу:фу то *кэмури о фуку* (НС). «Потом через это отверстие время от времени вырывался дым»; Корэ то онадзи ё: ни узки ни мама *дэнкю: о пикапикаситэнта* (Акахата, 1979). «Подобно этому на дереве мерцала маленькая лампочка».

Непереходный глагол с прямым дополнением — особый вид синтаксической связи, и этим подтверждается то, что значение односоставности в японском языке прежде всего обуславливается синтаксической конструкцией, а не зависит от использования специальных грамматических категорий и форм слов. И в двусоставных и в односоставных предложениях употребляются одни и те же грамматические формы слов, но функциональное назначение их, в частности конституирующих членов предложения, разное.

Односоставные предложения, содержащие при непереходном глаголе актант со значением прямого объекта, как и предыдущий подтип предложений (с глаголом *нару*), относятся к бессубъектным предложениям. Бессубъектность в них создается не на основе каких-то особых семантических свойств предикативной синтагмы, а только благодаря синтаксической конструкции. Однако в отношении подобных предложений можно заметить некоторую закономерность. Глагол, образующий предикативное ядро (предикативная синтаксема с аналогом дополнения), относится к парным непереходным глаголам¹⁵. Это значит, что такой глагол имеет парный переходный глагол (напр., *акү — акэру, катадзүку — катадзүкэру, нарабу — нарабэру* и т. д.). Видимо, то, что эти глаголы содержат общие семы, позволяет в некоторых случаях переносить грамматическое значение одного глагола (переходность) на другой. А бывают и «формально созвучные пары»¹⁶, как в нашем примере: *фукуфуку* «дуть — играть на духовом инструменте». В принципе можно задать списком непереходные глаголы, потенциально способные входить в односоставные предложения на правах главного члена.

Существует еще один тип глагольных бессубъектных односоставных предложений — предложения с главным, выраженным глаголами определенной семантики. В японском языке есть немногочисленная семантическая группа глаголов, передающих явления природы и окружающей среды.

¹⁵ См.: Холодович А. А. Указ. соч., с. 28—29.

¹⁶ Там же.

~~авалентные~~ авалентные глаголы, близкие безличным глаголам русского языка *тина светает, тошнит, морозит: Юки но ато дэ* *тэнки ни нару маэ но бан ва, токубэцу хиэмасу* (КЯ). Особенно холодно по вечерам, перед тем как после снегопада установится погода»; *Соситэ питато сидзукамари каэтэ симасита* (КЯ). «Затем внезапно стало тихо»; *Со: суру* *ути но хэя но нака мадэ акарундэ кита га...* (КЯ). «Вскоре в комнате стало светло...».

Однако, в отличие от русского, в японском языке предложения подобного смыслового содержания далеко не всегда строятся на основе авалентных глаголов, и нередко состояния человека или природные явления выражаются с помощью предикативных сочетаний слов: *хи га курэру* «смеркается», *самукэ га суру* «знобит». Морфологическая система глагола в японском языке не столь богата, как в русском, где имеются грамматические средства для изменения глагольной валентности, например: *работает — работается, разбить — разбило*. Глаголы японского языка не располагают какими-то дополнительными аналогичными грамматическими средствами, которые могли бы быть основой для их независимого употребления. Но как бы ни ограничено были представлены в японском языке односоставные бессубъектные предложения данного типа, мы считаем нужным отметить их как факт языка.

Если сравнить синтаксическую структуру неопределенно-субъектных предложений с рассмотренными выше бессубъектными предложениями, то можно заметить, что в структуре бессубъектных предложений тоже встречаются локальные формы — обстоятельства места, но они не являются обязательными, обусловленными семантической валентностью главного члена, не входят в структурную основу предложения, а являются членами расширенной структуры предложения. Таким образом, статус второстепенных членов в различных типах односоставных глагольных предложений японского языка неодинаков.

Отметим также, что одни и те же грамматические формы слов, например, локальные формы, имеют разную структурно-семантическую значимость и в разных типовых структурах предложений. Так, в глагольных односоставных предложениях локальные формы семантически переосмысливаются, они «имеют внутреннюю связь с семантикой глагола или представляют собой какое-то уточнение этой семантики»¹⁷. Например, в неопределенно-субъектных предложениях обстоятельства места, косвенно указывая на субъект, характеризуют глагольное действие по его субъектной локализации. В этом подтипе односоставных глагольных предложений дей-

¹⁷ Ломтев Т. П. Указ. соч., с. 99.

ствие, обозначенное глаголом, приобретает значение неопределенности, безотносительности к своему источнику (субъекту) только в сочетании с двумя актантами — прямого объекта и обстоятельства места. В двусоставных конструкциях локальные формы содержат только значение места и не входят в структурный минимум предложения. Природа семантико-синтаксических связей главного члена в односоставных предложениях в значительной степени отличается от синтаксических связей сказуемого с его распространителями в двусоставных предложениях.

В пределах глагольных односоставных предложений японского языка в зависимости от грамматической формы главного члена, которым может быть как переходный, так и непереходный глагол, способа грамматического выражения предикативности (модальности) можно выделить еще один структурно-семантический тип — обобщенно-субъектные односоставные предложения. Глаголы японского языка в форме некоторых наклонений наделяются субмодальными значениями желательности, возможности, необходимости и т. п. Однако сама функция обобщения не вытекает из морфологической природы данных глагольных форм, а возникает благодаря тому, что эти глаголы употребляются в составе конструкций, в которые включаются условные, целевые и уступительные придаточные предложения. То есть грамматическая семантика и этого типа односоставных предложений формируется при опоре на синтаксическую организацию всего предложения.

Приведем ряд примеров: Иккокумин но гэйдзюцу о айсуру тамэ ни ва иккокумин но сэйкацу о сиранакэрэбанарану (АРс). «Для того, чтобы любить искусство какого-либо народа, надо знать жизнь этого народа»; Мури ни кэкконсиначэрэба икэнай вакэ дэ мо аримасэн га, ситай хито га дэкирэба суру хо: га ёросий (МС). «Конечно, не стоит выходить замуж по принуждению, но если попадет желанный человек, то лучше выйти»; Бунсё: но нака ни ару котоба ва дзисё но кото ни ару токи ёри мо уцукусиса о куваэтэ иканакэрэбанарану (АР). «К словам, находящимся в составе предложения, непременно прибавляется больше выразительности по сравнению со словарным значением».

Котоба ва в данном предложении не подлежащее, а тематическое дополнение. Это предложение свидетельствует о том, что односоставные предложения также могут подвергаться коммуникативному переустройству, в результате которого происходит изменение семантико-грамматических и коммуникативно-синтаксических соотношений¹⁸ в составе предложения.

¹⁸ См.: Головин И. В. Указ. соч., с. 175.

Моси сунго: но кёги о мо куваэдзу, варэварэ но ю:дзин тики ни тайсуру варэварэ но хонсин о торосуру то сурэба, инисиэ но кампо: номадзивари то издомо хатан о сё:дзэдзу ни ва иканакатта (АР). «Если, высказывая свои истинные намерения знакомым, не прибавить хотя бы малость лжи, то и самые закадычные отношения не избежат краха»; Гэко: итти но бимэй о уру тамэ ни ва мадзу дзико бэнго ни тё:дзинакэрэбанарану (АР). «Для того, чтобы добиться, когда слова не расходятся с делом, необходимо прежде всего совершенствоваться самому».

Речь в таких предложениях, как можно заметить, идет не о действиях, которые уже имели место, а о действиях возможных, желательных, необходимых для любого человека. Нередко такие предложения носят характер назидания, наставления, совета.

Иначе в обобщенно-субъектных предложениях выражена категория времени. Хотя действие выражено глаголом в форме настояще-будущего времени, оно отвлечено от конкретной ситуации, как бы оценивается с точки зрения неизбежности, желательности и т. д., и поэтому приобретает вне-временный характер. Это также способствует обобщенности высказывания.

В семантическом плане действие в подобных предложениях может быть отнесено к любому лицу, к обобщенному множеству лиц, поэтому-то этот тип односоставных предложений правильно считать обобщенно-субъектным.

Итак, на основе изложенного возможны следующие выводы.

В зависимости от грамматического типа глагола (переходность, непереходность), его функционального назначения и характера синтаксических связей в предложении в японском языке могут быть выделены следующие семантические типы глагольных односоставных предложений: неопределенно-субъектные, бессубъектные и обобщенно-субъектные.

Каждый структурно-семантический тип глагольных односоставных предложений представляет собой определенную схему реализации семантических и синтаксических валентностей глагола — главного члена.

Семантической особенностью глагольных односоставных предложений является выражение независимого предикативного признака, не соотнесенного со своим носителем (субъектом), для чего языком создаются конкретные условия — особая организация синтаксической структуры предложения, позволяющая редуцировать семантическую валентность глагола (валентность на субъект) без ущерба для смыслового содержания всего предложения, а также использование глаголов определенной семантики.

- АР — Акутагава Рюноске. Каппа. Тосисюн. Хана.— В кн.: Сюкусацу нихон бунгаку дзэнсю:, т. 6. Токио, 1961.
- АРс — Акутагава Рюноске. Сюдзю но котоба. Токио, 1978.
- АТ — Арисима Такэо. Ару онна.— В кн.: Сюкусацу нихон бунгаку дзэнсю:, т. 8. Токио, 1961.
- МК — Миядзава Кэндзи. Кадзэ но матасабуро.— В кн.: Сюкухаку нихон бунгаку дзэнсю:, т. 9. Токио, 1961.
- МС — Мацумото Сэйтё. Юганда фукуся. Токио, 1971.
- КЯ — Кавабата Ясунари. Нихон бунгаку дзэнсю:, т. 39. Токио, 1966.
- НС — Нацумэ Со:сэки. Гохай ва нэко дэ ару.— В кн.: Нихон но бунгаку, т. 12. Токио, 1969.
- СТ — Симадзакн То:сон. Хару. Ути.— В кн.: Сюкусацу нихон бунгаку дзэнсю:, т. 9. Токио, 1961.

И. И. Седельников

ТРАНСКРИПЦИЯ КАК СПОСОБ ПЕРЕВОДА НА УРОВНЕ ФОНЕМ

В предлагаемой статье ставится задача показать на основе анализа функционирования фонетической подсистемы языка в условиях перевода сложность лингвистического и психологического механизма, лежащего в основе действий переводчика (транскриптора) при передаче на ПЯ (язык, на который осуществляется перевод) фонетических элементов иноязычного текста. В статье также сделана попытка определить некоторые причины вариативности переводческих решений в рамках фонетического уровня языковой системы.

Известно, что с необходимостью фонетической (графической) адаптации к родному языку элементов иноязычного фонетического (графического) текста сталкиваются в настоящее время по роду своей деятельности люди самых различных профессий и специальностей. Возросло и число тех, кому приходится пользоваться для практических целей уже готовыми адаптациями подобного рода в том виде, в каком они предлагаются различными справочниками, словарями, пособиями, разговорниками, учебниками и т. п.

Сама по себе эта ситуация не нова и издавна являлась объектом наблюдения и изучения языковедов, а также практиков и теоретиков перевода. В настоящее время изменились, однако, масштабы процессов, происходящих в этой области, изменилась сама лингвистическая ситуация, место и роль иноязычного в каждом отдельном языке.

В языкознании наиболее полно и подробно эта проблема разрабатывалась в двуязычной лексикографии и формулировалась как «прямые заимствования из одного языка в другой». Лексикографа прежде всего интересует сам факт за-

имствования и различные дальнейшие преобразования, которые претерпевает «приемное» слово в новом языке. Для начала «работы» лексикографу необходимо застать уже прижившееся, «естественно» вошедшее в данный язык иноязычное слово; способ заимствования, его причина, цель, «техника» могут привлечь внимание лексикографа лишь в той мере, в какой этого требуют нужды словарного описания («подачи») того или иного заимствованного слова и, иногда, необходимость установления нормативного правописания.

Что касается переводчика, и как практика, и как теоретика, в его компетенцию входит (должно входить, во всяком случае), после того как принято решение о необходимости или уместности пофонемного (побуквенного) перевода какого-либо элемента иноязычного текста, дать ответ на вопрос, какую буквальную, в самом буквальном смысле этого слова, форму следует придать данному элементу в языке перевода. Ответить на этот вопрос порой бывает так же непросто, как просто его задать. Есть области жизнедеятельности человека, где он, обладая почти «естественной» компетенцией, вряд ли сможет без специального изучения ряда прямо или косвенно связанных с этой областью проблем объяснить свою практическую компетентность.

Нельзя, безусловно, языковую компетентность человека непосредственно сопоставлять с его природной компетентностью даже в тех процессах, которые частично поддаются психическому контролю с его стороны. Вместе с тем в нарисованной картине можно увидеть нечто большее, чем случайную аналогию, поскольку проблематика речевого звукопроизводства может быть, как известно, объектом изучения и физиолога, и психолога, и социолога языка, не говоря уж о лингвисте или теоретике перевода. Лишь совместные усилия в этой области смогут рационально объяснить существующую здесь практику и при необходимости усовершенствовать ее.

1

Прежде чем выдвинуть положительную программу рассмотрения интересующего нас вопроса, попытаемся обрисовать положение дел в форме нескольких критических замечаний. Речь идет о так называемой «практической транскрипции», которую в некоторых теоретико-переводческих работах предлагается обозначить как «переводческую транскрипцию»¹.

Система практической транскрипции сложилась, прежде всего, под влиянием и для нужд лексикографической прак-

¹ Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975, с. 98, 176.

тики и получила титул «практической» с целью, вероятно, отличать ее от «чисто» фонетических транскрипций, применяющихся, например, для диалектических исследований. Существует довольно много разнообразных транскрипционных систем, основанных на национальных алфавитах. Одна из них, в основе которой лежит латинский алфавит и его англазированная фонация, получила статус «международной».

Было бы нелогичным, пожалуй, утверждать, будто в этой системе «каждому звуку человеческой речи (независимо от языка, в котором эти звуки встречаются) соответствует определенный знак или комбинация знаков»², и одновременно с этим предписывать правила произнесения (чтения) звуков, записанных знаками международной транскрипции, наподобие следующих: [г] — звук, несколько похожий на очень твердый русский [ж], произносится без вибрации кончика языка в отличие от русского [р], или [ŋ] — заднеязычный [н], произнесенный задней частью спинки языка, или еще [h] — простой выдох. Конечно, знание и практическое применение Международной системы фонетической транскрипции оказываются весьма полезными при освоении отдельных аспектов некоторых иностранных языков или при чтении «популярных лекций, где необходимо наглядно показать возможность сравнения разноразличных элементов»³, однако иллюзорным было бы видеть за международным алфавитом некий международный язык со своими международными правилами произношения.

Едва ли можно представить себе возможность дать исчерпывающий перечень всех звуков человеческой речи даже для ныне «живых» языков, и, уж конечно, описание этих звуков, их произнесение будет прямо зависеть от артикуляторной (и аудитивной) характеристики их в системах конкретных языков. Подобный перечень к тому же не сможет претендовать на то, чтобы именоваться системой, по крайней мере, в смысле лингвистическом. Для того же, чтобы прочитать какой-нибудь текст, начертанный знаками системы международной транскрипции, пользуясь описаниями, подобными приведенным выше, нужно быть весьма искушенным в фонетике вообще и в английской и русской фонетике, в частности.

Прелестная простота и понятность подобных формулировок скрывает подчас их лингвистическую несостоятельность. Они сравнимы с известной лингвистической характеристикой супруги Дмитрия Ларина в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина. Она, как пишет Пушкин,

² Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте. — Справочник. М., 1969, с. 3, 212.

³ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 245.

... русский Н как N французский
Произносить умела в нос...

Понятно, что речь идет о манерном «гнусовом» произнесении каких-то слов, но, что касается самих «эн», как французского, так и русского, то ни тот, ни другой иначе как «в нос» не произнесешь.

В нашу задачу ни в коей мере не входит критика лингвистических воззрений А. С. Пушкина. Неточность словесного выражения может, как известно, обернуться в художественном произведении точностью и меткостью характеристики образа, персонажа. Вряд ли что-либо подобное возможно в отношении научных дефиниций. Приводимая иллюстрация призвана продемонстрировать некоторые слабости теоретического фундамента, на котором зиждется практическая транскрипция.

Среди основных требований, предъявляемых в современных условиях к транскриптору с иностранного языка, есть такое, которое в уже цитировавшемся справочнике формулируется на стр. 11 следующим образом: «...умение по возможности безошибочно выбрать среди вариантов транскрипции единственно верный». В этом осторожном определении довольно точно отражено положение дел в области транскрипции: с одной стороны, необходимость найти единственно верный вариант транскрипции, с другой — наличие более чем одного варианта. Нерешительное «по возможности» призвано, очевидно, свидетельствовать о сложности самого выбора. По сравнению с «жестким» определением транслитерации как «точной передачи знаков одной письменности знаками другой письменности» (цитируется все по тому же справочнику, с. 4) «мягкое» определение транскрипции имеет то очевидное преимущество, что оно применимо к гораздо более широкому кругу языков. Неясно, что может быть мерой точного соответствия между различными знаками разных алфавитов. Какими знаками, к примеру, в русской письменности можно было бы точно передать имя и фамилию Jacques Servanckx, стоящие в списке авторов журнала «Дефанс Насиональ» за ноябрь 1980 г.?

Нам представляется, что современная система транскрипции для языков, письменности которых не совпадают, постепенно совершает переход от транслитерации к трансфонации, если возможен такой неологизм. Она несет и долго еще будет нести на себе многочисленные «родимые пятна» транслитерации, ибо прецедент и традиция играют здесь, как и в других формах речевой деятельности, огромную роль. Изменения, происходящие в области транскрипции, связаны, очевидно, с изменением роли и места иностранных языков в обществе, говорящем на данном языке, с увеличением доли звучащей иноязычной речи в этом обществе, благодаря та-

ким общественным институтам, как школа, радио и другие средства массовой информации, с расширением сферы беспереводного общения на основе своеобразного «полуторазычия», т. е. частичного, опосредованного различными словарями, разговорниками и пособиями общения. Все эти изменения не могли не повлечь за собой известную дестабилизацию общественной компетентности в области практической транскрипции. Наблюдается, в частности, известный разноречивый относительно передачи на русский язык даже сравнительно простых и широко известных имен, фамилий, терминов, наименований с различных языков. Проиллюстрируем выдвигаемое положение несколькими современными примерами. Обратимся сначала к теории.

В достаточно известном и неоднократно переиздававшемся курсе перевода находим следующее правило транскрипции с французского языка на русский: «Открытое и закрытое «е» не различаются в русской транскрипции. Они могут передаваться буквами «е» и «э» ... в конце слова предпочтительно «е», но может быть и «э»⁴.

Обратимся теперь к практике. В № 35 «Литературной газеты» за 1981 г. в тексте одной и той же статьи имя французского писателя и политического деятеля Мальро транскрибируется «Андрэ», а писателя Жида — «Андре». В этой же статье фамилия французского политического деятеля-социалиста дана в форме «Гэд», хотя в другой литературе можно встретить иное написание этой фамилии — «Гед»⁵. В этом же номере «Литературной газеты» название американской ракеты транскрибируется как «Лэнс», а в журнале «Зарубежное военное обозрение» (1981, № 7) как «Ланс». Для транскрипции имен собственных в настоящее время характерны не только дубликаты, но и «триплеты»: Камий, Камиль, Камилл для французского имени Camille. Один из терминов французской медиевистики дается в «Истории Франции», на которую мы только что ссылались, в форме «сеньерия» («сеньер»), в других изданиях по проблемам средневековья находим вариант «сеньория» («сеньор»).

Примеры в этом роде, и гораздо более красноречивые, можно умножать в количестве, трудно поддающемся исчислению. Если учесть, что транскрибированию подвергаются в настоящее время не только иноязычные имена собственные, наименования газет, книг, других изданий, разного рода организаций, образцов вооружения, изделий, самая разноречивая терминология, то следует сделать вывод о том, что перед языковедами в новых масштабах встает задача изучения существующей практики применения фонетических и

⁴ Как В. Г., Львин Ю. И. Курс перевода. М., 1980, с. 334.

⁵ История Франции, т. 2. М., 1973.

фографических средств национальных языков с целью передачи иноязычной речи. Призывы к наведению порядка в этой области остаются часто без ответа, вероятно, не только в силу неимоверной запутанности проблематики транскрипции, но и в силу того, что нуждается в переосмыслении само понятие «порядка» в области практической транскрипции. Когда мы встречаем весьма сомнительный с точки зрения ортодоксальной системы транскрипции вариант передачи на русский язык иноязычного текста, наподобие «уэрыз зезиэрест тойлит?» или «лѐ ресторан этувер жюск'а... ёр жѐ бу при де ву ву сумэтр а л'ядминистрасион»⁶, следует задуматься над вопросом, а не является ли этот «неправильный» вариант наиболее эффективным для достижения цели общения в планируемой составителями обстановке.

2

Итак, мы должны констатировать существование не одной, а, по крайней мере, двух систем, а точнее тенденций в практической транскрипции с иностранных языков на русский. Одна из них восходит к практиковавшейся долгое время транслитерации иноязычных слов как основе транскрипции, дополняясь элементами трансфонации в тех случаях, когда отмечается «непоследовательность», «архаичность» письменности ИЯ или отсутствие «точных» соответствий между знаками ИЯ и ПЯ. Другая ориентируется на «чисто» фонетические параллели между соответствующими языками, но не может в силу сложившегося узуса отделиться от «буквализма». В качестве иллюстрации первой тенденции приведем транскрипцию наименования типа кораблей в «Зарубежном военном обозрении» (1981, № 8) «Феарлесс», выполненную по принципу классической транслитерации. Иллюстрацией второго направления могут быть транскрипции с языков, не имеющих письменности или имеющих, скажем, иероглифическую систему письма.

Если бы в области транскрипции, например, с французского языка на русский можно было бы все «начать сначала» на основе естественного восприятия французской речи русским, фонетический образ французского языка в русской письменности мог оказаться иным, нежели тот, к которому мы привыкли. Возможный вариант системы транскрипции с французского языка на русский находим в широко известной сцене из «Войны и мира» Л. Н. Толстого:

«Vive Henri Quatre,
Vive ce roi vaillant...—

⁶ Разговорник для работников милиции. М., 1977, с. 23, 25.

пропел Морель, подмигивая глазом.

Ce diable à quatre...

— Виварика! Виф серувару! сидябляка... — повторил солдат, взмахнув рукой и действительно уловив напев.

— Вишь, ловко! Го-го-го-го-го!.. — поднялся с разных сторон грубый, радостный хохот. Морель, сморщившись, смеялся тоже.

— Ну, валяй еще, еще!

Qui eut le triple talent,
De boire, de battre,
Et d'être un vert galant...

— А ведь тоже складно. Ну, ну, Залетаев!..

— Кю... — с усилием выговорил Залетаев. — Кью-ю-ю... — вытянул он, старательно оттопырив губы, — летриптала, де бу де ба и детравагала, — пропел он».

В этом отрывке нетрудно проследить некоторые транскрипционные принципы. Это, в частности, полная деназализация носовых, вопреки принятой ныне, идущей от транслитерации передачи носовых через диграф *ан* с его вариантами *ам* перед *н*, *б* и прочими отклонениями от основного правила. Это, затем, монофтонгизация дифтонгов — принцип в ряде случаев вполне рациональный. Это, наконец, посинтагмная, а не пословная запись некоторых элементов текста в соответствии с их восприятием на слух. В примерах из «Разговорника...» мы уже встречались с попытками посинтагмной записи иноязычного текста знаками русской письменности, однако эти варианты записи не проводятся как последовательно выдерживаемый принцип. Следует отметить в толстовской орфографии полное отсутствие апострофированных форм в русском тексте.

Часть звукового состава отдельных слов французского текста исчезла в русской записи, что можно отнести за счет своеобразия «песенного» произнесения этих слов, очень верно, даже несколько натуралистично воспроизведенного Л. Н. Толстым. Есть и явные искажения, объяснение которым следует искать в особенностях психологии фонетической памяти и в том, что в лингвистике и литературоведении долгое время определялось как «народная этимология». Все вышеперечисленные особенности нетрудно проследить при сопоставлении с вариантом транскрипционной записи, на основе полного нормативного прочтения французского текста:

Вив Анри Катр — *Виварика*;

Вив се руа вайан — *Виф серувару*;

Се дьябль а катр — *Сидябляка*;

Ки ю ле трипл талан — *Кью-юлетриптала*;

Де буар, де баттр — *Де бу де ба*;

Эд'этр эн вер галан — *И детравагала*.

Воспроизводя эту сцену из «Войны и мира» и давая ей наш транскрипционный комментарий, мы отнюдь не намеревались бросать запоздалый призыв к этакому «транскрипционному толстовству». Независимо от того «подслушано» ли восприятие и воспроизведение французской песенки русским, или перед нами толстовская «модель» этих феноменов, эта картинка дает нам удобную возможность не только отдать должное реализму Л. Н. Толстого, но и с известной долей наглядности продемонстрировать то, что в конечном счете лежит в основе практической транскрипции: акустическое уподобление, т. е. своеобразное звукоречевое подражание, опирающееся на фонетические навыки ПЯ. Существенным для транскрипции оказывается в любом случае установление фонетического состава транскрибируемых элементов текста ИЯ и соотнесение их с фонетической системой ПЯ, прежде всего, а зачастую и исключительно — с системой фонем ПЯ. Конечно, это предполагает предварительное, ориентированное на перевод сопоставление двух участвующих в нем фонетических подсистем ИЯ и ПЯ.

Вероятно, ни в одной другой подсистеме языка, как в его фонетической подсистеме, не выявляется в более вещной, бытующей форме своеобразие систематики каждого языка. Мы различаем языки прежде всего по тому, как они «звучат». Для лингвистики, ориентирующейся на перевод, как мы видим, важно не только и не столько понимание этого своеобразия «в самом себе и для себя». «Система (структура), выявляя возможности и потенции языка, вместе с тем обычно выявляет их неполностью. Другие возможности одной и той же единицы языка могут обнаруживаться уже с помощью другой системы (структуры)...»⁷. Применительно к интересующему нас здесь вопросу это означает необходимость определить, с помощью каких единиц и каким образом отражается в данной системе иная, отличная от нее языковая система и как она сама воспринимается другой системой. Последнее, по крайней мере в отношении фонетической подсистемы, весьма существенно. То, что кажется естественным с точки зрения носителя одного языка, не обязательно представляется таковым с точки зрения носителя другого. Так, французская лексикография не всегда приемлет те варианты транскрипции, которые предлагаются русскими лингвистами. Мы обнаружили в малом Ларуссе транскрипции Féodor, Ievgheni, Serghei, Gherassimov, Ievtouchenko вместо ожидаемых в соответствии с рекомендованными способами транскрибирования русских фонем [r], [e, ë] в различных позициях или прямо предлагаемых, например,

⁷ Будагов Р. А. Система и антисистема в науке о языке.— Вopr. языкознания, 1978, № 4, с. 8.

в «Курсе перевода» В. Г. Гака и Ю. И. Львин на страницах 339—340 вариантами Fiodor, Evguéni, Serguei, Guerassimov, Evtouchenko.

Вряд ли можно трактовать одни из этих вариантов как ошибочные, во всяком случае, при нынешнем положении дел в области транскрипции. Речь, по-видимому, должна идти о более полном учете в интересах транскрипции всего звуко-буквенного комплекса, участвующего в этой операции и, в частности, возможную асимметрию транскрипций как следствие размещения переводчика, выступающего в роли транскриптора, по ту или по сю сторону «языкового барьера». Если существующие типологические «межязыковые» сопоставления могут использоваться в качестве принципиальной основы анализа практики транскрипции в плане фонетическом, то сопоставление графических вариантов транскрипций в интересах перевода систематически не проводилось. Определенный интерес может представлять исследование систематологического и психолингвистического аспектов употребления или неупотребления тех или иных графем ПЯ для передачи фонетических элементов текста ИЯ.

Обнаруживая своеобразие каждого языка, фонетическая подсистема вместе с тем достаточно убедительно демонстрирует единство материальной и социально коммуникативной природы всех человеческих языков. Если крайнее, субъективное в своей основе мнение о неподражаемом своеобразии фонетической системы каждого языка логически ведет к выводу о нетранскрибируемости, невозможности передачи звукового состава одного языка с помощью фонетических и соответствующих им графических средств письменности другого, то конкретная практика транскрибирования убеждает в необходимости и возможности этой операции.

Для частного способа перевода мы воспроизвели более общий вопрос о возможности перевода вообще. Теория перевода не делится на теорию переводимости и теорию непереводимости. Она не терпит абстрактной постановки вопроса, как переводить. Для транскрипции, так же как и для других способов перевода, ответ на вопрос, как следует транскрибировать, почему употреблен тот или иной вариант транскрипции, тесно связан с тем, какова цель, стоящая перед переводчиком. Переводческие решения будут различными (могут быть, по крайней мере) даже для одних и тех же фонетических элементов ИЯ, когда они входят в состав географических или иных названий, где важно сохранить как можно больше материально воспроизводимых в ПЯ единиц элемента ИЯ и тем самым обеспечить стабильную ретранскрипцию, или когда эти же элементы фигурируют в разговорнике, где важно максимально приблизить их к речевым навыкам носителя ПЯ, иначе, ввиду сложности самой транс-

ции коммуникация рискует не состояться. Еще более
жесткий случай представляет собой транскрипция в худо-
жественном переводе, где прием транскрибирования может
быть лишь первичным внешним поводом для очень индиви-
дуальных звуко-символических переводческих решений, по-
добных нижеприводимым переводам одной и той же строфы
«Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла:

Верлиока

Было сунно. Кругтелся, винтятся по земле,
Склипких козей царапистый рой.
Тихо мисиков стайка грустела во мгле,
Зеленавки хрущали порой

(Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник)

Бармаглот

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

(Пер. Д. Г. Орловской)

Эти примеры призваны продемонстрировать не только
рогатность появления уникальных трудностей при пере-
де уникальных текстов, но и необходимость глубокого
логоходового лингвистического расчета при принятии того
и иного переводческого решения. Наиболее приемлемым
дет всякий раз такое решение, которое прогнозирует и
итывает и системно языковые, и социально-психологические
акторы коммуникации.

Е. В. Сидоров

СИСТЕМНОСТЬ РЕЧЕВОЙ СЕМАНТИКИ

Речевая семантика является важнейшим объектом
как лингвистической теории речевой коммуникации, так и
теории перевода. Она занимает значительную долю пробле-
матики первой постольку, поскольку общение средствами
языка возможно лишь при условии содержательного соотне-
сения этих средств с действительностью. Она интересует
теорию перевода, потому что эта теория, будучи главным
образом теорией речевого перевоплощения содержания, не
может не быть теорией принципиально семантической.

Обе теории исследуют семантику речевых произведений
и вне зависимости от того, служит ли речевое произведение

материалом или объектом, имеющим самостоятельную онтологическую и теоретическую ценность, для них важно определить свое отношение к речевой семантике. Задаче уточнения этого отношения, проводимого с комплексных позиций теории речевой деятельности и системного подхода, служит данная статья, так как в ней выдвигается постулат системности речевой семантики, а также рассматриваются его основные следствия, касающиеся лингвистической теории коммуникации и теории перевода.

Утверждение о системном характере семантики речевого произведения основывается на оценке свойства системности как универсальной, сквозной категории речевой деятельности, характеризующей акт речи одновременно в плане взаимодействия систем и как специфическую сверхсистему¹. Системный подход к речи позволяет рассматривать речевое произведение в функциональном плане, то есть с точки зрения задачи, возлагаемой на текст в сверхсистеме акта общения. Его функция в этой сверхсистеме, если ее определять в наиболее общей форме, заключается в том, что речевое произведение служит предметно-знаковой основой развертывания акта речевого общения в систему полного состава, в которой подсистема коммуникативной деятельности получателя сообщения обретает необходимый набор признаков целостности и взаимозависимости, целесообразной взаимосвязи с другими подсистемами — через текст с коммуникативной деятельностью отправителя сообщения. Текст может выполнить эту задачу при условии, что все семиотические аспекты речевого произведения, в том числе семантика, закономерным образом участвуют в реализации общесистемной текстовой функции. Функция текста в акте общения подчиняет себе и определяет функцию его семантики, выражающейся в такой организации содержания, формируемого в сознании получателя сообщения, которая бы обеспечивала достижение цели акта общения. Формируемое при участии текста психическое содержание в свою очередь организуется в виде целостной и целесообразно организующейся совокупности содержательных комплексов.

Такая целостность может составлять конечный продукт коммуникации, если задача коммуникации ограничивается информированием, она же может играть только роль средства и промежуточного продукта речевого общения, если задачей коммуникации становится изменение или закрепление внутреннего или внешнего поведения адресата (побуждение к оценкам, переживаниям, действиям). Если текст обладает коммуникативностью, семантический компонент коммуника-

¹ См.: Сидоров Е. В. К характеристике текста как подсистемы. — В кн.: Перевод как лингвистическая проблема. М., 1982.

тивной деятельности рецепции речи оказывается закономерным образом связанным с семантическими компонентами предшествующих подсистем коммуникативного акта — с семантикой текста и с той картиной действительности, которая функционировала в коммуникативной деятельности отправителя сообщения.

Межсистемное взаимодействие, связывающее эти три семантики в единое целое, в процессе последовательного развертывания подсистем обретает форму опредмечивания и распредмечивания содержания. На самом деле, картина действительности, воссоздание которой в сознании адресата необходимо для реализации задачи коммуникации, не может быть перенесена из сознания отправителя сообщения вне предметно-знакового воплощения в форме текста. Эта картина кодируется с помощью языковых знаков всех уровней языковой системы для последующего декодирования на основе устойчивости связи между используемыми в коммуникации знаками и соответствующими представлениями, а также общности этой связи у участников коммуникации. Кодирование и декодирование сообщения осуществляется при участии семантического компонента коммуникативной деятельности, задающего «перформатив» — актуализированную функциональную характеристику речевого произведения в целом, фиксирующий мотивационно-потребностные и интенционально-коммуникативные характеристики речевого произведения. Этот же компонент формирует пропозитивное содержание, то есть идеи, понятия, представления, вовлекаемые в речевой акт².

Приведенные психолингвистические представления свидетельствуют о конструктивной роли семантического компонента речевой деятельности в организации текстовой семантики. Подчеркнем в этой роли главное в системном отношении — сквозное присутствие семантики во всех подсистемах коммуникативного акта и функциональную обусловленность текстовой семантики задачей, возлагаемой на текст как средство социального взаимодействия.

Представление о ведущей роли задачи сообщения относительно содержания речи достаточно распространено. На определяющую роль задачи сообщения при отборе предмета сообщения, темы указывал Н. И. Жинкин³. Об объединении коммуникативных элементов общей концепцией или замыслом (коммуникативной интенцией) в единую замкнутую иерархическую семантико-смысловую структуру текста пи-

² О функционировании семантического компонента в речевой деятельности см.: Голод В. И., Шахнарович А. М. Семантические аспекты порождения речи. — Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и языка, 1981, т. 40, № 3, с. 239 и след.

³ См.: Жинкин Н. И. Механизмы речи. М., 1958, с. 359.

шет Т. М. Дридзе⁴, порядок и иерархию элементов содержания текста ставит в зависимость от задач и условий общения В. В. Одинцов⁵. Становится ясным, что детерминация содержания текста задачей сообщения представляет собой, по сути дела, принцип, по которому организуется семантико-смысловая целостность текста. Этот принцип имеет глубоко деятельностный характер, ибо в задаче сообщения учитываются не только мотивационно-потребностные, интенциональные параметры речи, но и конкретные условия общения, соответствующие нормы жанра и стиля и фактор адресата.

Рассмотрение семантики текста с точки зрения ее устройства как целостной слитно-дискретной системы позволяет различать в системе текстовой семантики семантический компонент текста, семантическую подсистему и семантический элемент текста.

Семантическим компонентом текста следует считать любую часть текстовой семантики, взаимодействие которой с другими компонентами обеспечивает появление у текстовой семантики интегрального системного качества — коммуникативности.

Семантическая подсистема — это часть текстовой семантики, сама состоящая из компонентов. Но по признаку наличия собственных составных частей к классу подсистем могут быть отнесены содержательные комплексы, представленные в речи группой предложений, относительно самостоятельным отдельным предложением, словосочетанием или словом — частью предложения. Более того, даже отдельная сема может обнаруживать сложное многокомпонентное и иерархическое строение. Таким образом оказывается, что в класс семантических подсистем по признаку многокомпонентности могут быть включены содержательные комплексы самого разного объема и сложности и, что особенно затрудняет и затемняет картину текстовой семантики, комплексы разноуровневой системной значимости. Данное затруднение прямо указывает на то, что признак наличия собственных компонентов не может быть специфическим признаком семантической подсистемы текста и что следует искать в текстовой семантике другой признак, по которому подсистемы и компоненты различаются в семантико-смысловой организации текста с достаточной очевидностью.

В настоящее время получили известность несколько способов представления крупных содержательных единиц текста. Н. Д. Зарубина такие единицы выделяет на основании принципа последовательности, рассматриваемого как доминирующая категория текста. При этом в тексте устанавли-

⁴ См.: Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М., 1980, с. 49.

⁵ См.: Одинцов В. В. Стилистика текста. М., 1980, с. 59—60.

ается коммуникативно-сильное предложение (предложение, не имеющее ни одного значения категории последовательности), затем определяются коммуникативная сила/слабость последующих предложений. Коммуникативно-слабые предложения с левой зависимостью составляют, вместе с ведущим коммуникативно-сильным, группу предложений. Другие коммуникативно-сильные и коммуникативно-слабые предложения, не отмеченные зависимостью от исходного сильного и вообще левого контекста, образуют одиночные предложения. Сверхфразовое единство, по Н. Д. Зарубиной, — это группа предложений с общим способом изложения (повествование, описание, рассуждение). Группы предложений; разнородных по способу изложения, характеризуются как линейно-синтаксические цепи. Линейно-синтаксические цепи и сверхфразовые единства могут быть открытыми и закрытыми; в первом случае они не имеют коммуникативно-сильного зачина, во втором — имеют такой зачин⁶.

О. И. Москальская в анализе текста выделяет два уровня: семантико-синтаксического анализа предложения и семантико-синтаксического анализа текста. Основной задачей второго уровня семантического анализа является установление типа речи (коммуникативной целеустановки в терминологии автора), лежащего в основе синтаксического целого, отношений между составляющими «как отражения движения мысли», в итоге — раскрытие смысловой структуры текста и выведение типологии сложных смысловых структур⁷.

Предлагаемые способы членения содержательной целостности текста ориентированы преимущественно синтаксически, не используют возможностей, представляемых системным подходом и теорией речевой деятельности, в частности, отвлекаются от принципа деятельности обусловленности речевой семантики. Напротив, в работе Т. М. Дридзе⁸ предлагается основанное на мотивационно-целевом подходе представление о тексте как иерархии коммуникативных программ. По Т. М. Дридзе, в семантико-смысловой целостности текста имеется макроструктура — иерархия разнорядковых смысловых блоков — предикаций. Под предикациями понимаются «выраженные в тексте или обусловленные данным текстом семантико-смысловые связи, которые существенны с точки зрения реализации основного замысла сообщения»⁹. Предикациями первого порядка считаются языковые средства, передающие основную идею сообщения, а предикациями остальных порядков — его общее содержание. При этом пре-

⁶ См.: Зарубина Н. Д. Текст: лингвистические и методические аспекты. М., 1981, с. 28 и след.

⁷ См.: Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981.

⁸ См.: Дридзе Т. М. Указ. соч.

⁹ Там же, с. 63.

дикация первого порядка отождествляется с авторским замыслом. В семантике текста имеется и микроструктура — полный набор внутритекстовых связей. Следует отметить, что признак существенности семантических связей с точки зрения реализации замысла коммуникации согласуется с принципом деятельностиной обусловленности речевой семантики. Однако характеризовать крупные семантические комплексы — предикации первого порядка как выразители основной идеи означало бы отступить от этого принципа, так как основная идея, несмотря на всю ее важность в системной организации текстовой семантики, есть лишь средство реализации функции текста в коммуникации. Речевые носители основной идеи могут образовывать предикации первого порядка, но лишь в том случае, когда задача коммуникации совпадает с информированием. Однако это лишь частный случай, в то время как оказание воздействия (в том числе путем доведения до адресата основной идеи) остается для коммуникации, а значит, и для текста, функцией принципиальной.

Основываясь на принципе доминанты задачи коммуникации — принципе, на основании которого представляется более обоснованным различать порядки предикаций, специфический признак предикаций разных порядков мы видим в ранге подчинения функции семантического компонента коммуникативной целостности высшего ранга. По этому признаку различаются семантические компоненты — комплексы, непосредственно подчиненные коммуникативной функции семантической целостности текста; такие комплексы считаем семантическими подсистемами.

В приводимом ниже французском тексте по принципу непосредственного функционального подчинения задаче текста выделено шесть семантических компонентов, имеющих статус семантической подсистемы текста (подсистема I — абзац 1, подсистема II — абзац 2, подсистема III — абзац 3, подсистема IV — абзацы 4, 5, 6, 7, подсистема V — абзацы 8, 9, 10, подсистема VI — абзацы 11, 12).

Если обратиться к коммуникативным заданиям (функциям) этих семантических компонентов текста, то нетрудно убедиться, что их реализация непосредственно подчинена задаче текста.

LE MYTHE AMERICAIN

On savait déjà que la notion de «pays de liberté» à propos des Etats-Unis n'était qu'un mythe. La liberté pour les plus puissants, celle qui permet à un nombre plus restreint de s'enrichir existe, n'en doutons pas.

Mais la légende selon laquelle les Américains vivent dans

l'opulence vient d'être sérieusement ébranlée avec la publication à Washington d'un document officiel et explosif. Ce texte révèle que près de trente millions d'habitants des Etats-Unis vivent en dessous de la «limite de pauvreté».

Pays de liberté? Le sort réservé aux Noirs, l'inquisition menée contre les travailleurs en lutte pour leurs revendications, comme cela vient de se passer avec les aiguilleurs du ciel en grève, ou encore la complicité criminelle de l'administration Reagan avec les dictatures rendent, pour le moins, peu crédible une fable qui, il est vrai, ne trompe plus grand monde.

Quant à l'image de l'Amérique prospère, argentée, bien en chair, elle s'effondre également comme en témoigne le rapport du Bureau des statistiques du gouvernement des Etats-Unis sur le revenu des Américains.

Selon ce document, le revenu brut moyen a diminué de 5,5%. Un chiffre sans précédent depuis la fin de la Seconde Guerre mondiale et qui varie selon que la peau de l'homme est blanche, basanée ou noire. Le revenu annuel d'une famille blanche s'élève à 21.900 dollars. Pour une famille d'origine latinoaméricaine, il se limite à 14.720 dollars, pour une famille noire à 12.670. Discrimination oblige.

Il y a plus. L'étude officielle indique que le nombre d'Américains vivant en dessous de la «limite de pauvreté» est passé de 11,3% en 1979, à 13% en 1980.

Ce dernier pourcentage représente 6,2 millions de familles et 29,3 millions de personnes. Et tout semble confirmer qu'en 1981 la tendance est à l'augmentation.

Le «modèle» américain a du plomb dans l'alle. Il existe pourtant en France des nostalgiques pour en vanter les mérites.

C'est ainsi que dans un article publié dans «le Quotidien de Paris», M. Olivier Giscard d'Estaing, le frère de l'admirateur de Louis XV, cite le président Reagan qui déclarait récemment: «Notre fiscalité n'a pas pour objet de redistribuer les richesses, mais d'en favoriser l'accroissement». Et M. Olivier Giscard d'Estaing d'ajouter: «N'est-ce pas là l'objectif majeur, celui qui, à la fois, assurera la paix sociale et la diminution du chômage?»

On comprend l'admiration de M. Olivier Giscard d'Estaing. Depuis son arrivée à la Maison-Blanche, le président Reagan met tout en oeuvre pour accroître les profits des grandes sociétés capitalistes U.S., limite les droits de travailleurs et fait planer sur le monde la menace et le chantage à la mort.

Accroître les richesses de quelques privilégiés et non les redistribuer. Cette politique, entièrement au service du capital, n'est pas seulement l'apanage du gouvernement américain. Elle était aussi celle de M. Valéry Giscard d'Estaing. Pour l'avoir menée pendant sept ans, il peut désormais se consacrer au tourisme.

Et ne dit-on pas que les électeurs américains commencent sérieusement à trouver leur président inquiétant?

«L'Humanité», 22.08.1981

Синтаксически подсистема текста может быть представлена как отдельным предложением, так и сверхфразовым единством или, по Н. Д. Зарубиной, линейно-синтаксической цепью. Композиционно-графически она выделяется в отдельный абзац, группу абзацев.

Кроме подсистем в семантике текста имеются семантические компоненты, обеспечивающие реализацию текстом своей коммуникативной функции не прямо и непосредственно — в линейной последовательности своего рода макрофункций, а через один или несколько промежуточных уровней (число таких уровней указывает на глубину системного устройства текстовой семантики). Такие семантические комплексы являются компонентами семантических подсистем. Так, в семантической подсистеме IV вышеприведенного текста функционально подчиненными коммуникативному заданию подсистемы являются содержательные единства, представленные абзацами 4, 5, 6, 7.

Семантическим элементом текста следует считать такой компонент речевой семантики, который является минимальным носителем системно-текстового качества. В рамках системы текста семантический элемент далее не членим, ибо при его членении получают компоненты других систем. На семантический элемент текста возлагается минимальная текстово значимая функция. Минимальная текстово значимая функция — это минимальное коммуникативное задание, например, иллюстрировать содержание тезиса ссылкой на факт, пояснить содержание тезиса, ввести новый предмет речи и т. п. Например, в подсистеме IV анализируемого текста имеются семантические комплексы — высказывания, носители минимальных коммуникативных заданий. Это высказывания, представленные абзацем (4), а также высказывания, оформленные как компоненты абзаца (в абзацах 5, 6, 7). Определение семантического элемента текста возможно только на основе установления минимальных текстово значимых функций при учете принципа деятельностной детерминации текстовой семантики. Как правило, носителем такой функции, следовательно, элементом текстовой семантики, является высказывание-предложение. Расчленение относительно самостоятельного отдельного предложения текста на более мелкие содержательные комплексы отмечает переход в систему семантики предложения (высказывания). Хотя системность семантики предложения в конечном счете служит коммуникативности текста, тем не менее, она уже в значитель-

ной мере обусловлена сложившимися в системе языка способами организации предложения как относительно самостоятельной единицы. В силу этого системная организация предложения лишь в сравнительно малой степени определяется потребностями текста как функционального целого, во всяком случае зависимость семантического устройства предложения от текстовой целостности гораздо менее значительна, чем зависимость семантической подсистемы.

Даже такая коммуникативная характеристика предложения-высказывания, как его актуальное членение, имеет значение для текста прежде всего как целостность темы и ремы, а не значимостью темы или ремы взятых по отдельности. Таким образом, семантическая система элементарного предложения текста значима для текста как функциональное целое, то есть как элементарный, далее неделимый в пределах текстовой семантики компонент целостного текстового содержания. Вместе с тем в силу особенностей функциональной нагруженности данного элементарного высказывания в нем могут быть семантические компоненты, отмеченные функциональной значимостью, выходящей за пределы высказывания. В частности, такой значимостью могут быть облечены компоненты, устанавливающие смысловую связь высказываний в составе подсистем или связь подсистем между собой (гиперонимы-гипонимы, повторы разных типов). Например, компоненты подсистемы VI *accroître, redistribuer* не только служат строительным материалом для данной подсистемы, но и исполняют функцию установления (через повтор) смысловой связи с подсистемой V.

При рассмотрении семантических единств текста в плане их системно-функциональной нагрузки в целостном речевом произведении эти единства раскрываются не только и не столько как «отражающие» движение мысли, сколько как единства, индуцирующие и организующие это движение в форме, во взаимном сцеплении и направлении, обеспечивающих системную целесообразность текста как семантического орудия реализации задачи коммуникации. По отношению к деятельностным семантикам, точнее, к соответствующим компонентам этих семантик (у отправителя сообщения и у адресата) семантические единства текста представляют совмещение отражения и программирования при подчинении отражения программированию. Такое сочетание момента отражения и момента программирования в семантике текстового компонента обуславливается преобладанием фактора воздействия над фактором выражения. При этом как порождение речевой семантики (опредмечивание содержания коммуникации), так и ее понимание (распредмечивание содержания коммуникации) подчинены фактору воздействия, и текст выступает как целое, «управляющее осмысливанием входящих

в него языковых выражений»¹⁰. Таким образом, в роли системообразующего фактора текстовой семантики выступает сознательная организация движения мысли у адресата, и формы выражения подчиняются этой организации.

Как это было отмечено выше, на отдельные компоненты текстовой семантики возлагаются специфические функции, направленные на обеспечение коммуникативного оптимума речи в целом. Функциональная зависимость компонента текстовой семантики имеет координационный (горизонтальный, линейный) и субординационный (вертикальный, иерархический) аспекты. Последний, помимо взаимозависимости *текстовая семантика — семантика компонента*, включает и взаимодействие *текстовая семантика — семантическая подсистема — семантический компонент (элемент)*. Если при субординации имеет место подчинение семантических единств и их функций, то координация заключается в согласовании между собой функций одноуровневых компонентов семантики (на уровне целого текста — согласование функций, или коммуникативных заданий подсистем; на уровне подсистемы — согласование функций семантических компонентов, пример — согласование коммуникативных заданий высказываний, иллюстрирующих содержание другого высказывания ссылками на факты, как это имеет место между высказываниями — компонентами подсистемы IV текста *Le mythe américain* (абзацы 5, 6, 7), а также согласование функций семантических элементов). Вместе с тем текстовая семантика в целом, так же, как и ее компоненты, имеет функциональные связи, выходящие за рамки текста, — связи с компонентами деятельностных подсистем коммуникации — с языковой семантикой (стилистической, синтаксической, лексической), с вовлекаемыми в общение фрагментами экстралингвистической действительности, с фоновыми знаниями общающихся, их социальными статусами и обстановкой общения. Относительно влияния этих связей на организацию семантики текстовых компонентов важно учитывать, что они не являются прямыми, а преломляются через структуру функций, в которую включен данный компонент, будучи функциональным звеном целостной текстовой семантики.

Примером функциональной координации семантических компонентов может послужить взаимодействие семантик двух последовательно расположенных предложений, иллюстрирующих содержание общего для них предложения-тезиса. Здесь же соотношение предложения-тезиса с иллюстрирующими предложениями одновременно дает пример функциональной субординации семантических компонентов:

¹⁰ Новиков А. И., Чистякова Г. Д. К вопросу о теме и денотате текста. — Изв. АН СССР, Сер. лит-ры и языка, 1981, т. 40, № 1, с. 52.

«Идея использования латиноамериканских вооруженных сил в качестве ширмы для «пожарной команды» Пентагона не нова. Еще во время интервенции в 1965 году в Санто-Доминго США удалось создать под эгидой Организации Американских государств так называемые «межамериканские вооруженные силы». В них наряду с США участвовали воинские подразделения Бразилии, Гондураса, Никарагуа и Коста-Рики».

«Правда», 30.7.1981

Приведем для сравнения пример из французского текста — семантическую подсистему IV текста *Le mythe américain*. Эта семантическая целостность служит ярким примером координации и субординации семантических компонентов в составе подсистемы:

Quant à l'image de l'Amérique prospère, argentée, bien en chair, elle s'effondre également comme et témoigne le rapport du Bureau des statistiques du gouvernement des Etats-Unis sur le revenu des Américains.

Selon ce document, le revenu brut moyen a diminué de 5,5%. Un chiffre sans précédent depuis la fin de la Seconde Guerre mondiale et qui varie selon que la peau de l'homme est blanche, basanée ou noire. Le revenu annuel d'une famille blanche s'élève à 21.900 dollars. Pour une famille d'origine latino-américaine, il se limite à 14.720 dollars, pour une famille noire à 12.670. Discrimination oblige.

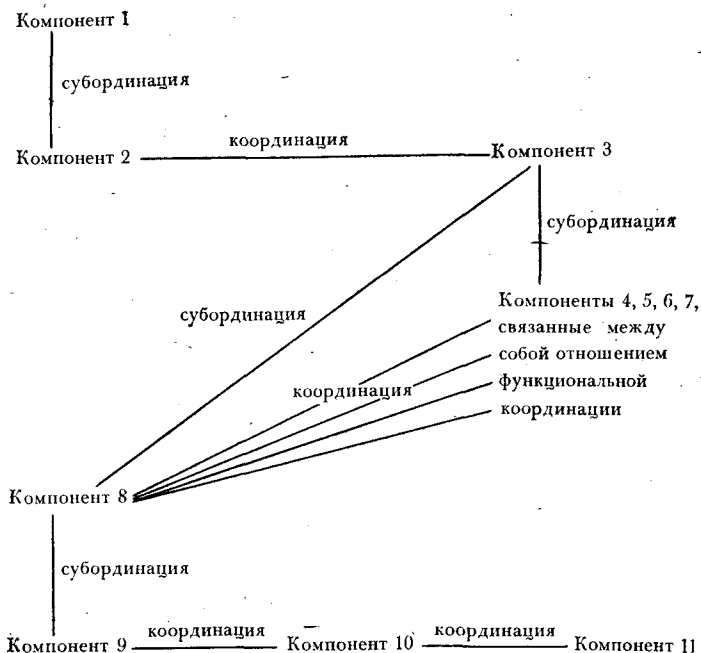
Il y a plus. L'étude officielle indique que le nombre d'Américains vivant en dessous de la «limite de pauvreté» est passé de 11,3% en 1979 à 13% en 1980.

Ce dernier pourcentage représente 6,2 millions de familles et 29,3 millions de personnes. Et tout semble confirmer qu'en 1981 la tendance est à l'augmentation.

Функциональная структура данной подсистемы текста выглядит следующим образом (см. рис. на с. 110).

Семантика каждого из приведенных предложений связана и с языковой семантикой, например, с определенными семантическими структурами предложений, и с экстралингвистической действительностью (денотаты — референты), и с другими внетекстовыми факторами, влияющими на семантику этих предложений. Вместе с тем отбор именно данных, а не каких-то иных семантических моделей предложений, именно данных, а не других денотатов обусловлен задачей, реализуемой данным текстом в массовой коммуникации, а еще уже — функциональной нагрузкой предложений как компонентов семантической подсистемы и целостной семантики текста.

Функции семантических компонентов не существуют безотносительно к субстрату функции — самому семантическому

компоненту. Каждая конкретная функция может реализоваться в данном языке не любым семантическим компонентом, а лишь единицами определенного класса компонентов, специализирующимися в речи на реализации данной функции. Так, если для предложения-тезиса характерна обобщающая семантика, то предложениям, иллюстрирующим содержание тезиса, свойственна семантика более конкретная (ср.: «использование латиноамериканских вооруженных сил» — «участие воинских подразделений Бразилии, Гондураса, Никарагуа и Коста-Рики»). Так за отдельным классом семантических компонентов-комплексов, в данном случае классом комплексов обобщенной семантики и классом комплексов семантики конкретной, закрепляются определенные функции. Но речь не идет о жесткой, однозначной и однонаправленной взаимной закреплённости компонентов и функций. При построении речевого произведения семантические компоненты-комплексы подбираются под определенную функцию, но и функция может видоизменяться под воздействием носителей, особенности которых требуют некоторой модификации функции. Так, семантика вопросительного предложения, изначально служившая запросу информации, приобрела новые функциональные черты, например, в риторическом вопросе, где она стала развернуто-информирующей. С дру-

гой стороны, вопрошающая семантика такого предложения ограничивает область функционального употребления вопросительного предложения как компонента текста.

Функционально-дискретная целостность текстовой семантики не является однородной, как может быть неоднородной и семантическая целостность текстовой подсистемы, компонента, элемента. Ведь семантика речевого произведения не только соотносит речь с внешней ситуацией; она модальна, дейктична (соотнесена с координатами акта речи), композиционно расчленена на слитно-дискретные комплексы, субъектно-предикативна (тема—рематична), логически построена и часто отмечена эмоциональностью. Перечисленные аспекты семантики как бы накладываются на иерархию текстовых подсистем, компонентов и элементов.

Обычно среди указанных аспектов семантики ведущая роль присваивается основному информационному содержанию, а соотнесение содержания речи с коммуникативными намерениями говорящего оценивается как аспект, равноценный всем прочим — дейксису, актуальному членению или модальности¹¹. Не умаляя значимости основного информационного содержания в системе текстовой семантики, мы все же придерживаемся мнения, что ведущая роль в организации речевой семантики как системы принадлежит фактору воздействия, то есть фактору, который можно определить как перлокутив — функционально-семантическую категорию системной организации текста, задающую другим категориям (целостному информационному содержанию, модальности, дейксису, композиции, логике и эмоциональности) определенность, существенную с точки зрения воздействия. Особо важная роль перлокутива заключается в объединении и интеграции всех прочих категорий для достижения коммуникативного оптимума текста. При этом ни одна из других категорий, кроме наиболее общей категории коммуникативности, не может быть достаточной для успеха коммуникации. Каждая из этих категорий, в том числе и основное информационное содержание, отягощена некоторой служебной функцией, она чему-то служит. Текстовая семантика в целом, а также каждая из ее категорий в отдельности служат реализации речевых намерений говорящего и поэтому не могут не быть детерминированы перлокутивно. На самом деле, основное информационное содержание не является механическим слепком с внешней ситуации, а формируется через отображение ситуации при доминировании фактора программирования деятельности, следовательно, избирательно, ориентированно на задачу коммуникации. Остальные категории

¹¹ См., например: Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. Прагматический «принцип приоритета» и его отражение в грамматике языка. — Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и языка, 1981, т. 40, № 4, с. 350 и след.

текстовой семантики подчинены перлокутивному компоненту с еще большей очевидностью.

Соотношение уровней системного устройства текстовой семантики и функционально-семантических категорий текста может быть представлено в виде иерархии (см. схему). Соотношение значений категорий с уровнями семантической системы представлено принципиально и допускает по каждой отдельной категории смещение по вертикали; например, минимальные показатели эмоциональности могут быть представлены лишь на уровне семантических подсистем или в отдельных элементах того или иного уровня.

Рассмотрение проблем системности речевой семантики позволяет дать ответ на некоторые важные вопросы теории речи.

Во-первых, вопрос о сущности речевых явлений. Системное рассмотрение речевой семантики вскрывает ту грань сущности речевого явления, которая связана с его детерминацией как компонента, элемента или подсистемы текста, с его обусловленностью взаимодействием и взаимосоддействием компонентов, без которого текст немислим как коммуникативно оптимальная целостность.

Во-вторых, вопрос о содержательной структуре текста. Структура речевого произведения выступает как целостная совокупность функциональных взаимоотношений и взаимозависимостей подсистем, элементов и других компонентов. Структура текстовой семантики принципиально перлокутивна и является важнейшим средством программирования коммуникативной деятельности. Для семантических подсистем, элементов и других компонентов функциональная структура текста располагает ячейками — совокупностями требований к знаковому наполнителю. Ячейка заполняется семантическим компонентом, в котором в разной степени могут быть представлены функционально-семантические категории, но в любом случае значения категорий перлокутивны, как и их отсутствие в компоненте, и в конечном итоге их тот или иной набор обусловлен конкретной, местной потребностью в коммуникативности, действующей через функциональную ячейку структуры.

В-третьих, вопрос о семантике речевой единицы. Речевые единицы — представители класса (например, предложения или сверхфразового единства) рассматриваются как принципиально различные функционально-семантические объекты в зависимости от того, являются ли данные речевые единицы текстом, подсистемой текста, элементом его или другим компонентом, — в каждом случае одна и та же речевая единица обретает специфические черты, существенным образом характеризующие ее семантику. Напротив, речевые единицы относящиеся к разным классам, но функционирующие в ком-

Иерархия функционально-семантических категорий текста

Уровень подсистемы коммуникации	Коммуникативность (интегральный оптимум предметно-знаковой основы развертывания коммуникации в систему полного состава)					
Уровень орудия и продукта коммуникативной деятельности	Перлокутив (определенность текста как орудия воздействия, включающая мотивационно-потребностную и интенциональную характеристики)					
Уровень целостной текстовой семантики	Целостное информационное содержание	Общая модальность	Общий дейксис	Общая композиция	Целостная логика	Целостная эмоциональность
Уровень подсистем текстовой семантики	Информационное содержание подсистем	Модальность подсистем	Дейксис подсистем	Композиция подсистем, связанность	Логическое строение подсистем	Эмоциональность подсистем
Уровни элементов текстовой семантики	Информативность элементов	Модальность элементов	Дейксис элементов	Связанность элементов	Логическая единица, отношение	Эмоциональность элементов
Уровень минимальных содержательных компонентов	Минимальные номинации	Минимальные показатели модальности	Минимальные дейктические показатели	Минимальные показатели связи	Минимальные логические компоненты, признаки отношений	Минимальные показатели эмоциональности

муникации в роли системно-однородных компонентов — то ли подсистемы, то ли элемента, то ли иного компонента текстовой семантики, то ли в роли целого текста, — обретут существенное семантическое сходство, несмотря на решительные внешние различия. Не по пути ли принципиального отождествления привычно неотожествляемых явлений пойдет коммуникативная грамматика будущего? Одна из важнейших областей речевой деятельности, которая постоянно дает примеры функционального отождествления языковых единиц разных уровней, — это перевод.

А. М. Котов

ОБ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема передачи стилистической «тональности» оригинала в переводе является одной из центральных в теории перевода и практической деятельности переводчиков. Трудность здесь заключается как в неразработанности в общелингвистическом плане некоторых теоретических вопросов стилистики, так и в несовпадении стилистических средств и приемов языка исходного текста и языка перевода. Что же касается перевода с восточных языков, то эти трудности усугубляются еще и тем, что система стилистических средств в большинстве из них не изучена и не описана. В данной статье делается попытка рассмотреть некоторые теоретические положения, связанные с центральной, как представляется, категорией стилистики — категорией экспрессивности, и наметить в общих чертах состав экспрессивных средств китайского языка.

Как известно, языковая коммуникация может осуществляться в различных условиях. На качество речи оказывает влияние ряд факторов как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Одним из важнейших факторов такого рода является психологическая ситуация общения, под которой мы понимаем психологическое состояние говорящего, его отношение к адресату и предмету речи, а также психологическое состояние слушающего, обусловленное речевым воздействием на него со стороны говорящего.

Психологическое состояние является фактором экстралингвистическим, в языковом же плане оно обуславливает определенное качество речи, которое мы и называем экспрессивностью¹.

¹ Обычно в работах по стилистике категорию экспрессивности так или иначе связывают с категорией эмоциональности: либо их рассматри-

Таким образом, экспрессивность — это свойство языковых единиц, заключающееся в их способности свидетельствовать о психологическом состоянии коммуникантов.

Почему в этом определении имеются в виду оба участника акта коммуникации? Дело в том, что употребление в речи экспрессивных средств не всегда свидетельствует о не нейтральном психологическом состоянии говорящего (пишущего), целью их подобного употребления может быть приведение в соответствующее состояние слушающего (читающего). Здесь имеется в виду главным образом художественная литература. Однако «художники пера» пользуются при этом именно экспрессивными средствами, имеющимися в распоряжении языка. Эти средства же (в том числе и так называемые изобразительно-выразительные, или тропы) в конечном счете закрепились в языке в качестве экспрессивных благодаря их регулярному употреблению в речи психологически не нейтральной, хотя в современном состоянии языка связь некоторых из них с психологическим состоянием именно говорящего (пишущего) на первый взгляд не столь явная.

В речи любая языковая единица может быть экспрессивна, это зависит от ситуации общения, контекста, интонации. Однако, как отмечалось выше, язык располагает такими средствами, которые специализируются на передаче экстралингвистических явлений психологического порядка и поэтому имеют большие «шансы» быть экспрессивными в высказывании. По этой причине целесообразно различать два вида экспрессивности: ингерентную и адгерентную. Первая — это самодостаточная экспрессивность, не требующая для своего проявления специального контекста. В этом случае сама единица, обладающая ингерентной экспрессивностью, является микроконтекстом, достаточным для актуализации экспрессивности (оценочные слова, окказионализмы, слова, построенные по определенным словообразовательным моделям, и т. д.). Что же касается адгерентной экспрессивности, то она приобретает языковой единицей в определенном контексте (антифразис, некоторые виды игры слов, нарушение функционально-стилистической сочетаемости и т. д.).

Следует отметить, что разделение экспрессивности на ингерентную и адгерентную есть только научная абстракция. Экспрессивность реально употребленной единицы — это сложная и не всегда поддающаяся четкому структурированию комбинация этих двух видов экспрессивности. Более того, эти компоненты экспрессивности настолько взаимосвязаны

вают независимыми друг от друга, либо устанавливают между ними отношения включения. При этом под эмоциональным обычно понимается психологическое вообще. Подобное употребление данного термина представляется некорректным, поскольку формы психической жизни человека не исчерпываются лишь эмоциями.

и взаимообусловлены, что зачастую для реализации одной из них требуется наличие другой. Например, сосредоточение большого количества ингерентно экспрессивных единиц в небольшом отрезке речи приводит к их экспрессивной «девальвации». Происходит это за счет уменьшения удельного веса адгерентного компонента.

Какими же экспрессивными средствами располагает китайский язык, иначе говоря, каковы ингерентно экспрессивные средства китайского языка? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует заметить, что экспрессивность — категория довольно объемная, в ней можно выделить следующие компоненты: оценочность, образность, интенсивность и окказиональность. Данное деление является до известной степени условным, поскольку в некоторых единицах могут сосуществовать несколько компонентов экспрессивности. Например, рус. *медведь* (в значении «неповоротливый человек») обладает и оценочностью и образностью. Тем не менее, в целях научного анализа мы выделяем в экспрессивности названные компоненты и в соответствии с этим делением рассмотрим экспрессивные средства китайского языка.

I. Оценочность. При всем разнообразии оттенков и нюансов субъективной оценки предмета речи, содержащейся в слове, все их можно свести к двум видам: положительные и отрицательные. Соответственно этому выделяются слова, обладающие положительной (мелиоративной) и отрицательной (пейоративной) оценкой. В китайской филологической традиции первые обычно называют *бао¹и⁴цы²*, вторые — *бянь³и⁴цы²*.

Оценочность может быть маркирована в слове различными способами. В русском языке, например, это осуществляется наиболее ярко с помощью специальных суффиксов. В китайском языке суффиксов, регулярно выполняющих подобную функцию, нет. Что касается суффиксов *-цы* и *-эр*, способных, по мнению некоторых исследователей, сообщать словам оценочность, то вопрос об их стилистическом значении остается пока спорным. Русские слова с оценочными суффиксами передаются в русско-китайских словарях либо стилистически нейтральными словами, снабженными пометами, указывающими стилистический оттенок слова, либо сочетаниями нейтральных слов с прилагательными *сяо³* «маленький», *да⁴* «большой». Это не означает однако, что китайский язык не имеет возможности передавать оценочность на лексическом уровне. Дело в том, что в силу известных структурных особенностей китайского языка аффиксация не получила в нем такого развития, как в русском языке, и оценочная окраска имеется главным образом у тех китайских слов, денотативное значение которых само включает элемент оценки, то есть у тех слов, которые обозначают

предметы, признаки, действия, субъективно являющиеся «хорошими» или «плохими». К таким словам, например, можно отнести: с пейоративной окраской — *сюн¹э⁴* «гнусный, гадкий», *хунь²дань⁴* «мерзавец», *тяо³бо¹* «провоцировать, подстрекать»; с мелиоративной окраской — *вэй³да⁴* «великий», *бао³бэй⁴* «(мое) сокровище (о человеке)», *ши⁴ши⁴* «скончаться».

Стилистическое значение в простом слове обычно ничем материально не выражается, но так же, как и лексическое значение, оно существует в языковом сознании говорящих. При этом для самих носителей языка оценочность является немотивированной, если денотативное значение этого корня не является переносным и сохраняющим в сознании носителей языка связь с исходным значением. Что же касается сложных слов, а их большинство в китайском языке, то их оценочность определяется соответствующей окраской составляющих их корневых морфем. В слове оценочные морфемы могут располагаться препозитивно и постпозитивно. Слова с препозитивным расположением оценочных морфем, как правило, относятся к атрибутивному типу сложных слов (тип А), и зачастую их трудно отделить от словосочетаний, тем более что эти же морфемы могут выступать в роли оценочных слов-определений перед стилистически нейтральными словами в словосочетаниях. К подобным морфемам (словам) можно, например, отнести *ван⁴* «нелепый, безрассудный», *чоу³* «безобразный, гадкий», *дяо¹* «хитрый, коварный», *бэнь⁴* «тупой, несообразительный», *чунь³* «бестолковый», *хэй¹* «злобный, реакционный» (букв. «черный»), *чоу⁴* «проклятый» (букв. «вонючий»), *вэй³* «великий». Примеры слов с этими морфемами можно найти в словаре.

Морфемы с оценочным значением могут располагаться в составе слова, как уже отмечалось, и постпозитивно. В этом случае они образуют ряды слов с общей стилистической окраской. Определить морфологический статус таких морфем во многих случаях представляется затруднительным. Степень их десемантизации различна, некоторые из них, может быть, можно отнести к полусуффиксам, некоторые — к корневым морфемам. К рассматриваемым морфемам, например, можно отнести *дань⁴* — букв. «яйцо», *хо⁴* — букв. «товар», *гуй³* — букв. «черт» (все три морфемы образуют слова-названия лиц с пейоративной оценкой).

Оценочность может приобретаться словом и в том случае, если данное слово, обычно стилистически нейтральное, в конкретной ситуации употребляется для наименования другого предмета, действия или качества с целью передачи субъективного отношения к ним говорящего. В принципе для указанной цели тот или иной предмет (в широком смысле) может быть метафорически назван любым словом (кроме,

может быть, терминов). В этом можно убедиться, сравнив наименования «плохих» и «хороших» лиц, имеющие хождение в различных диалектах, социальных, возрастных и половых группах, микроколлективах и в индивидуальном употреблении. Оценочные значения некоторых из таких слов становятся фактами языка и фиксируются в словарях, некоторые слова демонстрируют такую тенденцию, а есть слова, употребление которых в оценочном значении является окказионализмом. Нас, однако, интересуют слова с общепринятыми переносными оценочными значениями. Такие слова в большинстве случаев являются наименованиями предметов обихода, пищи, растительного и животного мира. Например, *цай⁴бао¹цзы* «пирог с овощами» → «идиот», *вэй³ба* «хвост» → «прихвостень»; *ху²ли²* «лиса» → «сварливая женщина, мегера»; *чжу¹ло²* «свинья» → «тупоумный человек» (но не «обжора» и не «неряха», как в русском языке); *бе¹* («болотная» черепаха) → «трус»; *шу³цзы* «крыса» → «трус, негодяй». Нетрудно заметить, что во многих случаях перенос значений происходит у тех же слов, что и в русском языке, однако переносные значения в некоторых случаях не совпадают с переносными значениями аналогичных русских слов.

II. Образность. Как было отмечено выше, оценочные слова с переносным значением обладают еще одним экспрессивным компонентом — образностью, поэтому в качестве единиц, экспрессивных своей образностью, следует в первую очередь назвать их. Кроме того, сюда можно отнести:

1. Слова с образной внутренней формой, например: *сюе³бай²* «снежно-белый», *пан¹чоу⁴* «разливисто-зловонный», *фэн¹куай⁴* «быстрый, как ветер», *гуа¹ку³* «обдирающе-горький» и т. п.

2. Живые лексические метафоры, например: *чжун⁴ся² чоу²хэнь⁴* «посеять гнев», *ши¹жунь⁴ ку¹гао³ды синь¹* «увлажнить иссохшееся сердце».

3. Фразеологические обороты с переосмысленным значением, например: *чуй¹ню²* «бахвалиться» (букв. «надувать корову»), *пэн⁴ дин¹цзы* «нарваться на неприятности» (букв. «наскочить на гвоздь»), *цяо⁴ вэй³ба* «важничать» (букв. «задирать хвост»).

4. Устоявшиеся, вошедшие в поговорку образные сравнения. Например: *ци⁴ ды цзин³цзы би³ му⁴тун³ хай² цу¹* «рассердился так, что шея стала толще бочки», *ся⁴ ды синь¹ ли дян³дычжао² хо³* «испугался так, что в сердце мог вспыхнуть огонь».

III. Интенсивность. Этот компонент экспрессивности заключается в подчеркивании, усилении, а иногда и гиперболизации степени качества или количества признаков и действий. Экспрессию интенсивности передают:

1. Наречия степени: *тай⁴, дин³, гуай⁴, чжэнь¹, фэй¹чан²,*

и⁴чан², тэ⁴бе², ши²фэнь¹ «весьма, исключительно, необычайно, ужасно и т. п.».

2. Постпозитивные слова различной категориальной принадлежности, означающие высокую степень качества: цзи²ла, тоу⁴ла, бу⁴дэ²ляо³, ляо³бу⁴дэ², яо⁴сы³, яо⁴мин⁴ (значения в общем те же, что и в пункте 1).

3. Сложные слова гиперболического характера, в которых один компонент указывает на интенсивность другого: сы³цян² «упрямый до смерти», жэ⁴сы³ «умирать от жары», дун⁴сы³ «замерзнуть (сильно озябнуть)» и т. п.

4. Редуцированные прилагательные типа мин²мин² бай²бай² (от мин²бай² «ясный, понятный»), цин¹цин¹ чу³чу³ (от цин¹чу³ «отчетливый»).

5. Вопросительно-восклицательные слова до¹(ма), шэм²ма, на³(ли). Например: до¹цзао¹! «как скверно!», чжэ⁴ ши⁴ шэм²ма ло²цзи²! «нет здесь никакой логики!», та¹мэнь на³ хуй⁴ дун³ чжэ⁴се! «им этого ни за что не понять!»

6. Некоторые синтаксические конструкции типа лян²...е³ «даже... и то», у²лун⁴...доу¹ «кто (где, куда) бы ни...», чжи²ю³...цай² «лишь только (при таком условии)».

IV. Окказиональность. Окказиональные единицы, создаваемые говорящим для одноразового употребления, отсутствуют в языковом сознании слушающего и поэтому, как и всякое отклонение от привычного, останавливают его внимание, воспринимаются неавтоматически и в конечном счете создают у него определенный психологический «настрой».

Можно назвать следующие способы образования окказиональных номинативных единиц в китайском языке:

1. Создание окказионального слова путем обыгрывания внутренней формы канонического слова. В данном случае обычно одна из морфем канонического слова заменяется антонимичной морфемой и два слова сталкиваются в пределах определенного контекста. Например: ю³ жэнь² шо¹ чжэ⁴ ши⁴ ин¹моу², во³мэнь шо¹ чжэ⁴ ши⁴ ян²моу² «говорят, что это интриги (поморфемный перевод — «темные замыслы»), мы же говорим, что это (перевод следующего слова затруднителен, поморфемно — «светлые замыслы»)».

2. Обыгрывание внутренней формы сложного слова, неразложимого в современном языке, путем его разрыва и окказионального создания двух слов, значение которых непонятно без опоры на значение обыгрываемого слова. Например, чжэ⁴гэ „моу²” „цань¹” ды хао³ «этот план разработан неплохо». Здесь обыгрывается слово цань¹моу² «начальник штаба». Смысл реплики понятен слушающему, поскольку она обращена именно к начальнику штаба.

3. Окказиональное употребление полусуффиксов в качестве слов. Например: Во³ чжи² сянь³чжэ би⁴е⁴ хоу⁴ чуань¹ бай² гуа⁴, чжу⁴ гао¹ лоу², дан¹ гэ шэм²ма „цзя¹”. «Я лишь мечтал

о том, что после окончания учебы буду носить белый халат, буду жить в большом доме, стану каким-нибудь «истом». Следует отметить, что степень экспрессивности в таких случаях зависит от степени грамматикализации соответствующего словообразовательного элемента в современном языке. Как и в других языках, словообразовательные элементы в китайском языке образуются из знаменательных слов, при этом соотношение лексического и грамматического в каждом элементе различно. Естественно, чем менее словообразовательный элемент обособился от соответствующего слова (например, *чжу³и⁴*), тем менее неожиданно его употребление в качестве слова и, следовательно, менее экспрессивно такое его употребление, и наоборот.

К данному пункту следует отнести также употребление в качестве слов постоянных элементов иноязычных имен собственных. Например: *Ши² нянь² цян² ши² ю³ на⁴ и¹гэ* «гун¹чэн²ши¹», *та¹ кай¹ коу³ ши⁴* «нофу», *би⁴ коу³ ши⁴* «сыцзи». «Десять лет назад был тут такой инженер, что ни слово, то «нов» да «ский».

4. Создание окказиональных слов путем произвольного удлинения словообразовательного парадигматического ряда, т. е. путем добавления еще одной синтагматической цепочки к набору типизированных синтагматических окружений какой-либо морфемы, например, *цзяо¹шу¹цзян⁴* «учитель-ремесленник (о плохом учителе)». В данном случае окказионально расширен ряд слов на *-цзян⁴*, являющихся названиями лиц определенной ремесленной специальности.

Экспрессивность подобных слов также не одинакова и зависит от продуктивности словообразовательного типа. Чем выше продуктивность данного типа (например, слова на *-син⁴*), тем менее экспрессивны слова, образованные по этому типу, и наоборот. На степень экспрессивности в этом случае влияет и степень семантической и стилистической однородности соединяемых морфем. Окказиональные слова, содержащие неоднородные в указанном плане элементы, естественно, более неожиданны и экспрессивны.

В. Н. Шевчук

**ОТНОСИТЕЛЬНО СТАТУСА АББРЕВИАТУР
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
И ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(На материале американских военных сокращений)**

Сокращения получили широкое распространение в английском языке и вполне естественно стали объектом многочисленных исследований как советских, так и зару-

бежных ученых¹. В современном языкознании предметом их исследования в основном являются: сущность аббревиации как таковой, причины появления сокращений, закономерности их образования, вопросы продуктивности и классификации сокращений, акронимия и телескопия как разновидности аббревиации и некоторые другие вопросы. Наименее изученным и, пожалуй, наиболее спорным до сих пор остается вопрос о месте аббревиации в системе словообразования современного английского языка. В настоящей статье исследуется лингвистический статус аббревиатур в английском языке² и предлагается новый подход к анализу единиц этого типа.

Большинство лингвистов в большей или меньшей степени склонны рассматривать аббревиацию в качестве одного из способов словообразования. Такой точки зрения придерживается, например, В. В. Борисов, который, не приводя каких-либо веских аргументов, называет аббревиацию «особым, отдельным способом словообразования, с помощью которого создаются новые слова особой структуры»³. Рассмотрим этот тезис подробнее.

Если согласиться с тем, что аббревиация — это способ синхронного словообразования, то совершенно очевидно следует также признать, что в результате аббревиации мы получаем новое слово. В этом случае, видимо, необходимо допустить, например, что *intercontinental ballistic missile* и сокращение *ICBM* в любом из его фонетических вариантов [aɪ'si:'bi:'em] или ['ikbʊm] — это две разные лексические или, точнее, номинативные единицы. Однако с этим трудно согласиться хотя бы потому, что они имеют совершенно одинаковый план содержания при вариативном плане выражения. Кроме структурной выводимости сокращения из полного развернутого словосочетания здесь нет никаких признаков в пользу отнесения данного явления к словообразовательному акту. Что же касается выводимости, т. е. первичности полного варианта и вторичности сокращенного варианта, то аналогичное явление происходит и при семантическом пере-

¹ Из многочисленных работ, посвященных проблеме аббревиации, приведем лишь наиболее известные: Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке. Куйбышев, 1979; Волошин Е. П. Аббревиатуры в лексической системе английского языка. Канд. дис. М., 1966; Павлов В. Г. Функционирование сокращений в современном немецком языке. Канд. дис. М., 1970; Сегаль М. М. Аббревиация и аббревиатуры в современном английском языке. Канд. дис. Л., 1964.

Особенности функционирования военных сокращений в языке исследовались лишь в работах В. В. Борисова, А. П. Шаповалова и К. Н. Репозубова.

² В работе термины «аббревиатура» и «сокращение» взаимно заменяют друг друга.

³ Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. М., 1972, с. 155.

носе, когда на основе одного из значений слова возникает новое значение. Однако при этом, как известно, тождество слова не нарушается. Аналогичное, по-видимому, происходит и при образовании сокращений.

Анализ образований типа ИСВМ по методике профессора А. И. Смирницкого показывает, что в данном конкретном случае и в других аналогичных случаях мы имеем дело не с разными словами, не с разными номинативными единицами, а со структурными разновидностями одной и той же номинативной единицы. Во-первых, различаясь, они имеют «общую... часть, а следовательно, материально, в их звуковой оболочке выраженную лексико-семантическую общность»⁴. Действительно, ИСВМ — это именно та общая часть, которая повторяется как в самом сокращении (буквально), так и в развернутом терминологическом словосочетании (взяты только первые буквы префиксальных и корневых морфем).

Во-вторых, структурные различия между вариантами одной и той же номинативной единицы абсолютно не дублируются здесь различиями лексико-семантическими, так как семантика обоих вариантов фактически тождественна. Именно благодаря такому соотношению между общей семантикой и частичными структурными различиями подобные образования следует рассматривать как варианты одной и той же номинативной единицы.

Таким образом, аббревиация является не способом синхронного словообразования, а особым способом варьирования структуры номинативной единицы (слова, терминологического словосочетания и т. д.)⁵. В результате ее действия появляется не новое слово, как считают некоторые лингвисты, а новый вариант знака, обозначения уже существующего наименования, к тому же такого знака, который прочно и довольно долго сохраняет структурную связь с исходной основой, т. е. с полным вариантом слова или терминологического словосочетания. Более того, семантика образований совершенно идентична, тождественна в обоих случаях и не претерпевает каких-либо существенных изменений в течение значительного времени. Именно по этой причине оба варианта могут почти всегда заменять друг друга в контексте. Можно с полным правом рассматривать аббревиатуры и соотносящиеся с ними полные наименования в чисто синхрон-

⁴ Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956, с. 40.

⁵ Мы разделяем точку зрения С. С. Хидекель, которая исключает сокращение из системы словообразования и рассматривает его как специфическое средство обогащения словаря. См.: Ginsburg R. S., Khiddekel S. S., Knyazeva G. Y., Sankin A. A. A Course in Modern English Lexicology. М., 1979, p. 110, 114.

ном плане как единицы с тождественной семантикой и вариативной структурой. А. И. Смирницкий называет подобные единицы словообразовательными или лексико-морфологическими вариантами слова. В данном же случае мы имеем дело со структурными вариантами термина или терминологического словосочетания. От словообразовательных вариантов они отличаются, во-первых, структурной выводимостью сокращения из полного варианта, несколько напоминающей аналогичную выводимость производного слова из производящего при деривации. Во-вторых, исходная единица при образовании сокращения часто бывает структурно более сложной, чем слово.

Как видно из проведенного выше анализа, для структурных вариантов, к которым мы относим сокращения, характерно полное тождество значения при определенном различии формы образований. Для сравнения заметим, что для словообразовательных вариантов одного и того же слова также характерно тождество значения, но лишь при минимальном расхождении формы: это однокорневые единицы, различающиеся своей словообразовательной структурой⁶. В связи с этим может возникнуть законный вопрос: сохраняется ли тождество номинативной единицы в сокращенных вариантах при наличии столь значительного различия в форме? В связи с этим следует напомнить замечание А. И. Смирницкого о том, что «различие только в звуковой оболочке слова или только в его значении не ведет к разрыву тождества слова только при том условии, если эти различия сочетаются с известной общностью в том и другом»⁷. Что же касается различия между вариантами слова в звуковой оболочке, то оно может быть только частичным. Однако А. И. Смирницкий нигде не указывает четко, что понимается под частичными различиями в звуковой оболочке слова. Правда, из приведенного им ниже в той же работе анализа слов *railway* и *railroad* становится ясно, что изменение морфемного состава слова даже при сохранении семантики уже ведет к нарушению тождества слова.

Что же касается нашего материала, то мы имеем дело либо со слоговым сокращением терминов и терминосочетаний, например, *sub* (*submarine*), *nukes* (*nuclear weapons*), *chute* (*parachute*), либо с инициальным сокращением терминологических словосочетаний, например, *MIRV*, *MICV*, *IRBM* и т. д. В первом случае в результате сокращения (усечения) от полной формы остается морфема или слог, вполне достаточный для расшифровки и отождествления с прототипом.

⁶ Шношвили Т. Г. Опыт синхронного и диахронного исследования словообразовательного варьирования в английском языке. Автореф. канд. дис. М., 1978, с. 4.

⁷ Смирницкий А. И. Указ. соч., с. 41.

Во втором случае мы имеем дело с единицей особого рода — многокомпонентным терминологическим словосочетанием, или составным наименованием, которое обычно усекается до первых букв слов или префиксальных и корневых морфем. Минимальность общей части инициального сокращения и его полной формы объясняется, на наш взгляд, именно специфичностью исходных образований и стремлением упростить заменяющие их номинативные знаки и, как нам кажется, не разрушает тождества номинативной единицы. Итак, мы пришли к важному выводу, что в плане синхронии аббревиация не может служить способом образования слов и что в результате ее действия появляется новый структурный вариант термина или терминологического словосочетания.

В лингвистической литературе можно часто встретиться с недифференцированным подходом к сокращениям, не учитывающим степени их развития в языке. При таком подходе любое образование относится к сокращениям, если оно было когда-нибудь образовано путем усечения слова или компонентов словосочетания, при этом обычно исходят из константности, неизменяемости характера отношений между сокращением и его исходной формой, совершенно не учитывая историю развития этих отношений. В результате в разряд сокращений часто попадают слова типа *Pakistan* и *bus*, которые на синхронном уровне уже давно не воспринимаются носителями языка как сокращенные единицы.

Между тем отношения, складывающиеся между сокращением и его полной формой, далеко не всегда бывают одинаковыми и носят гораздо более сложный характер. Сокращение в отличие от многих других типов номинативных единиц характеризуется высокой степенью подвижности, неустойчивости, лабильности в плане выражения. Например, может подвергнуться изменению графическая структура сокращения в результате адаптации сокращенной единицы в системе языка и в процессе ее функционирования в речи или по каким-либо другим причинам. Определенные изменения могут произойти и в фонетической структуре сокращения. Так, инициальное сокращение *WMCCS* (*Worldwide Military Command and Control System*) со временем стало произноситься не по буквам, как это обычно бывает с сокращенными единицами этого типа, а как отдельное слово ['wimiks]. Нельзя также исключить и вероятность его дальнейшего развития в графическом плане, как это уже имело место в цепочке *high frequency direction finder* → *HFDF* → → ['hɪf'daɪf] → *huff-duff*. Как видим, любое появляющееся в языке сокращение не есть нечто застывшее, раз и навсегда данное, и должно рассматриваться в развитии, в динамике с учетом его взаимоотношений с исходной формой (вариантом), к которой оно восходит.

Одной из особенностей аббревиации является динамичный характер ее образований. Это не случайно, так как любая новая лексическая единица, подполняющая словарный состав английского языка, не сразу получает статус лексической единицы в языке. Она проходит определенный период адаптации, подгонки, притирки, в ходе которого носители языка постепенно привыкают к ней, несколько модифицируют ее в процессе коммуникации и начинают ассоциировать данный знак с новым понятием, за которым он закреплен. Отличительной особенностью аббревиации является то, что сокращение адаптируется в речи и языке не изолированно, как самостоятельная лексическая единица, а в тесном взаимодействии с полным наименованием, к которому оно восходит. Это обусловлено необходимостью мотивировки аббревиатуры. В противном случае она стала бы восприниматься как абсолютно немотивированный знак, что естественно затруднило бы ее восприятие в речи другими носителями языка.

Рассмотрим, как же происходит процесс адаптации инициальной аббревиатуры в языке. Можно предположить, что этот процесс протекает во времени по следующим этапам:

1) полный вариант (развернутое терминологическое словосочетание);

2) полный вариант \rightarrow сокращение;

3) полный вариант \leftrightarrow сокращение;

4) сокращение \rightarrow полный вариант;

5) сокращение как отдельный самостоятельный термин.

Сразу оговоримся, что предлагаемая нами классификация этапов в развитии сокращений имеет чисто условный характер и лишь ориентировочно намечает некоторые, наиболее четко выделяемые ступени их эволюции. Как нам представляется, в основе классификации лежит единственно возможный, объективный критерий — соотношение аббревиатуры, или сокращенного варианта, и полного варианта на разных этапах эволюции.

Первый этап. За начало первого этапа принимается момент появления терминологического словосочетания. На этом этапе сокращения как такового пока нет, хотя база для его образования уже существует. В принципе такая ситуация вполне возможна в языке, хотя бывает она сравнительно редко. Более типичным, распространенным является одновременное появление в языке полного и сокращенного вариантов языкового знака и их параллельное функционирование в речи. По этой причине данный этап отсутствует в истории развития многих сокращений.

Второй этап. На этом этапе на базе развернутого терминосокращения создается сокращение инициального или слогового типа, которое воспринимается носителями языка

не как отдельный языковой знак, а скорее как вторичное образование, свернутое наименование, условный сокращенный знак, существующий лишь постольку, поскольку существует его полный, исходный вариант — развернутое наименование. Такие сокращения, — а их в языке абсолютное большинство, — не встречаются в контексте изолированно без полного варианта, который обязательно приводится в тексте при первом упоминании о данном понятии. Неоднократно повторяющаяся в тексте аббревиатура обязательно нуждается в пояснении, которое дается в виде полного наименования. На этом этапе можно, по-видимому, говорить о первичности полного варианта и вторичности сокращенного варианта или — в терминах теории словообразования — о производности сокращения. Однако производность сокращения⁸ — понятие чисто условное, так как в отличие от производного слова мы имеем дело в данном случае не с отдельным словом-термином, а лишь с вариантом терминологического словосочетания. Кроме того, ни в структурном, ни в семантическом отношении сокращение не бывает более сложным знаком, чем его полный прототип. Итак, на этом этапе главным, основным является полный, развернутый вариант, а сокращение занимает второстепенное, подчиненное положение.

Третий этап. На данном этапе в отношениях между сокращением и полной формой наступает равновесие. Сокращенный вариант полностью адаптируется в языке, он получает широкое распространение и по степени употребительности начинает конкурировать со своим полным прототипом. На наш взгляд, такое равновесие установилось, в частности, между такими образованиями, как WAC и Women's Army Corps, TDY и temporary duty, PLSS и Precision Location Strike System, ABRES и Advanced Ballistic Reentry System.

По-видимому, такой момент наступает в истории развития многих (хотя и далеко не всех) сокращений, но определить его с достаточной степенью уверенности довольно трудно по причине отсутствия совершенно четких критериев идентификации сокращений такого типа.

Четвертый этап. На этом этапе происходит своеобразное перераспределение ролей: аббревиатура становится основным вариантом, а терминологическое словосочетание, к которому она восходит в плане диахронии, постепенно отходит на задний план. Процесс перестройки взаимоотношений двух вариантов происходит не сразу, а постепенно по мере того, как аббревиатура получает распространение в обществе. Что же касается полного варианта, то он посте-

⁸ Ср. с аналогичным указанием на мотивированность сложносокращенных наименований в работе: Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. М., 1981, с. 22.

пенно начинает утрачивать, хотя и не полностью, свою номинативную функцию. К аббревиатурам этого типа можно, например, отнести AWACS, MIRV, NATO, RAF и др. В тексте такие аббревиатуры, как правило, уже не расшифровываются (полное наименование при этом имплицитно подразумевается) или — реже — расшифровка дается, но только при первом употреблении. Подавляющее большинство носителей языка привыкло к такого рода аббревиатурам и правильно идентифицирует понятия, за которыми они закреплены.

Пятый этап. На этом этапе сокращение практически полностью утрачивает связь со своей исходной формой и становится единственным средством выражения определенного понятия. Исходное развернутое терминосочетание можно восстановить только в результате этимологического анализа или с помощью специалистов. При этом оно перестает восприниматься расчлененно, т. е. как сокращение, подвергается опрошению и превращается в самостоятельную терминологическую единицу. Такими лексемами стали, в частности, *radar*, *laser*, *maser*, *sonar* и некоторые другие акронимы.

Выше мы уже говорили об условности разделения процесса развития сокращений на этапы. Действительно, совершенно четко выделяется лишь первый и последний этапы. Границы между остальными этапами бывают порой зыбкими, расплывчатыми, трудно поддаются идентификации, и это вполне естественно, так как сокращения, как впрочем и любой другой тип номинативных единиц, находятся в постоянном движении и далеко не всякое подвижное, развивающееся образование можно уложить в жесткие рамки классификационной схемы.

Тем не менее, процесс адаптации и превращения сокращения в лексему протекает отнюдь не незаметно. Он характеризуется определенными чертами или признаками, которые приобретаются сокращениями в процессе эволюции и свидетельствуют о его качественном изменении. Ниже мы рассмотрим эти признаки подробнее.

Одним из таких признаков, свидетельствующих о превращении аббревиатуры в слово, является ее графическое оформление. Аббревиатура, как известно, в основном пишется заглавными буквами. На продвинутом этапе развития она может оформляться прописью, например, *laser*, *mirv*, *sonar*.

Другим признаком адаптации аббревиатуры является ее активное участие в словообразовательных процессах. Так, термин *radar* дал в английском языке целую серию сложных и производных образований, таких как *to radar*, *radar-proof*, *radarman*, *antiradar* (missile), *counterradar* (maneuver), *radar-directed*, *radar-guided*, *radar-controlled*, *radar-scope*, *radar-equipped*, *radar-homing*, *radar-armed* и мн. др.

Кроме того, он встречается в составе огромного количества военно-терминологических словосочетаний. Все это свидетельствует о высокой степени его развития и стремлении к превращению в самостоятельную лексику.

На продвинутом этапе развития изменяется фонетическая, а в некоторых случаях и графическая структура сокращения, наблюдается упрощение его материальной формы, приспособление к фонетическим нормам языка.

Мы уже приводили выше пример с сокращением WMCCS, которое в устной речи звучит сейчас как [ˈwimiks]. Приведем еще несколько примеров этого типа: GLCM [ˈgli:kəm] — ground-launched cruise missile, SLCM [ˈsli:kəm] — sea-launched cruise missile.

Такая фонетическая аккомодация сокращения, — несомненно, еще одно свидетельство продолжающейся эволюции аббревиатуры.

К признакам динамичности сокращения можно, кроме того, отнести и его морфологическое оформление в соответствии с правилами английской грамматики (приобретение им форм множественного числа и притяжательного падежа), и расширение диапазона его лексико-грамматической сочетаемости, и, наконец, расширение семантики сокращения, приобретение им новых значений. Примером последнего служит появление в семантической структуре сокращения WAC нового значения «военнослужащий женской вспомогательной службы армии»⁹.

Учет всех перечисленных выше признаков крайне важен при анализе любого сокращения и определении степени его развития. Чем больше у него признаков динамичности, тем более высокую ступень он занимает в приведенной нами схеме.

И еще одно замечание. Выделяя пять ступеней в развитии аббревиатур, мы вовсе не считаем, что каждая аббревиатура непременно должна пройти все эти этапы. Мы хотим подчеркнуть, что каждая из функционирующих в системе языка аббревиатур находится в данный момент на каком-то одном из перечисленных выше этапов развития. Однако лишь немногие из них смогут достичь, например, четвертого этапа и уж совсем редкие достигнут пятого, заключительного этапа.

Существует мнение, что перевод сокращений не представляет особых трудностей и сводится в принципе к переводу соответствующего полного наименования¹⁰. Действительно,

⁹ Пример заимствован у В. В. Борисова (Борисов В. В. Сокращения в английской военной лексике. — В кн.: Англо-русский военный словарь. Под ред. Г. А. Судзиловского. М., 1968, с. 1033).

¹⁰ См.: Стрелковский Г. М. Теория и практика военного перевода. М., 1979, с. 189.

способы передачи английских сокращений на русском языке общеизвестны¹¹. Это — полное заимствование сокращения, например, GPS (General Support Rocket System) «система GSRS»; транскрипция, например, SRAM (Short Range Attack Missile) «ракета «СРЭМ»; транслитерация, например, MIRV «боеголовка типа МИРВ»; перевод полного варианта сокращения, например, ALCM «крылатая ракета воздушного базирования»; перевод сокращением, например, ASW «ПЛО».

Однако было бы наивно полагать, что перевод встретившегося в тексте сокращения сводится только к выбору и реализации одного из перечисленных выше способов. При переводе сокращенных единиц необходимо принимать во внимание целый ряд взаимосвязанных факторов, и в первую очередь наличие или отсутствие в русском языке соответствующего принятого устойчивого сокращения. Так, вряд ли есть смысл давать полный перевод сокращения NATO, так как в русском языке уже есть принятое обозначение соответствующего понятия — НАТО.

В то же время возможна и такая ситуация, когда одно и то же английское военное сокращение имеет в русском языке более одного соответствия и передается в разных текстах по-разному. Особенно часто это наблюдается при передаче в периодической печати новых военных понятий, обозначающих системы оружия, доктрины и программы, разрабатываемые в США. На первых порах такое сокращение при переводе на русский язык транскрибируется или транслитерируется и часто сопровождается пояснением, уточняющим это понятие, например, AWACS — «самолет дальнего радиолокационного контроля и наведения с системой АВАКС». Со временем поясняющая часть в свернутом до минимума виде вытесняет в конце концов немотивированный знак, который она уточняла раньше, и становится основным обозначением военного понятия, за которым закреплено данное английское сокращение. Для иллюстрации приведем два примера. Так, сокращение SALT первоначально имело в русском языке соответствие в виде «переговоры по ограничению стратегических вооружений СОЛТ», а в настоящее время известно всем как «переговоры ОСВ». Сокращение MIRV на первых порах передавалось как «кассетная боеголовка типа МИРВ», а сейчас преимущественно как «разделяющаяся головная часть (РГЧ) индивидуального наведения». Кстати, и последнее обозначение также не является единственно возможным в настоящее время, что свидетельствует о незавершенности эволюции обозначений этого понятия.

¹¹ См.: Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980, с. 315—319; Борисов В. В. Сокращения в английской военной лексике. — В кн.: Англо-русский военный словарь, с. 1036.

Следует заметить, что понятие устойчивости русского эквивалента весьма относительно. Требуется определенное время для того, чтобы тот или иной эквивалент закрепился в русском языке в качестве принятого соответствия английскому сокращению. Такие устойчивые соответствия относительно немногочисленны. Чаще всего сокращение в своем первом употреблении в тексте — особенно в тех случаях, когда оно неоднократно повторяется в специальном тексте — передается в русском языке комбинированным способом, т. е. дается полный перевод наименования, а рядом в скобках предлагается его сокращенный вариант. В дальнейшем английское сокращение передается на русском языке именно этим, созданным на данный случай сокращением, которое со временем может закрепиться в языке в качестве единственно возможного обозначения.

Многое зависит от того, в каком контексте встречается данное сокращение. Специальный русский текст обычно изобилует сокращениями, понятными всем специалистам в данной области. Ср., например, такие, взятые из военных текстов сокращения, как МБР (межконтинентальная баллистическая ракета) — ИСВМ, ТВД (театр военных действий) — ТО, ВМС США (военно-морские силы США) — USN и др.

Таковы некоторые наблюдения относительно места сокращений в английском языке и их перевода на русский язык.

Н. К. Гарбовский

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДЕЛОВЫХ ИГР В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Научно-техническая революция, сопровождаемая быстрым ростом объема научной информации, ставит перед высшей школой ответственную и сложную задачу формирования специалистов, не только обладающих суммой необходимых знаний, но и имеющих навыки самостоятельной творческой работы, способных использовать полученные знания на практике.

Успешное решение этой задачи невозможно без поиска новых, более совершенных и эффективных методов и форм обучения, стимулирующих поисковую деятельность учащихся, развивающих их творческие способности. Среди активных методов обучения, применяемых в современной высшей школе, особую популярность приобрели в последнее время так называемые деловые (управленческие, хозяйственные) игры.

Метод деловой игры, предусматривающий диалогическое взаимодействие между участниками процесса обучения, наделенными определенными ролями в имитируемом производственном процессе, позволяет создать для обучаемых условия, максимально приближенные к условиям практической деятельности. Иначе говоря, в результате участия в деловой игре обучаемый получает навыки практической производственной деятельности, что дает возможность сократить период его пребывания в разряде «молодых специалистов», не умеющих на практике в полном объеме применить полученные в вузе знания. Новым метод деловой игры может быть назван лишь условно.

Участники школы-семинара по новым методам обучения, проходившего в 1980 г. в Ленинграде, отметили, что деловые (или управленческие) игры зародились в нашей стране около 50 лет назад¹. На самом деле они имеют более давнюю историю. Их зарождение в России восходит к петровским временам. Первыми деловыми играми можно назвать «потешные» маневры (семеновские и кожуховские), проходившие в 1691—1694 гг., а затем введенные Петром I двусторонние полевые учения, в ходе которых отрабатывались «элементы полевого боя и приемы осады и штурма крепостей»². В дальнейшем в русской (несколько позднее и в западноевропейских), а затем в Советской Армии различные виды учений или маневров на протяжении всей истории, вплоть до наших дней, занимают ведущее место в обучении войск и командиров управлению боем, организации взаимодействия и ведению боевых действий.

Опыт разработки и проведения деловых игр в московских, ленинградских, киевских и других вузах страны показывает возможность применения этого метода в процессе подготовки специалистов различных профилей. Возникает вопрос, возможно ли использование деловых игр в обучении специалистов-филологов, в частности, переводчиков-референтов.

Известно, что специалисты-филологи, в том числе и переводчики, по окончании вуза, как и все молодые специалисты, испытывают определенные трудности в применении на практике полученных знаний иностранного языка. Далеко не все переводчики с первого дня самостоятельной работы способны активно включиться в «производственную» деятельность и осуществлять адекватный перевод. Становлению их как специалистов предшествует более или менее длительный этап адаптации в иноязычной среде.

¹ Школа-семинар по новым методам обучения. — Вестн. высшей школы, 1980, № 10, с. 51—52.

² Строчков А. А. История военного искусства, т. I. М. 1955, с. 481.

Поэтому, естественно, представляется чрезвычайно заманчивым отыскать такой метод обучения языку и переводу, который не только позволил бы обучаемым быстрее перейти от накопления знаний к реальному их использованию в процессе общения, обеспечивая таким образом и собственную потребность в коммуникации, но и сократил бы период адаптации молодого специалиста переводчика, придавая ему способность осуществлять коммуникацию по заказу, то есть — перевод.

В практике преподавания иностранных языков игровые моменты издавна применяются преподавателями как средней, так и высшей школы. «Многим упражнениям можно придать вид игры или элементарной коммуникативной ситуации, — пишет Уилга М. Риверс, — побуждая учащихся задавать преподавателю вопросы с использованием данного ключевого слова или делать замечания по поводу действия, интересов и т. п. (преподавателя или товарищей). Чем интереснее учащемуся говорить на данную тему, тем больше активности он будет проявлять в коммуникации на иностранном языке»³.

Игровые моменты используются также и в процессе преподавания перевода. В практике преподавания перевода довольно широко используется метод развития навыков двустороннего перевода путем имитации двусторонних бесед, переговоров и т. п., в ходе которых обучаемый выступает в роли переводчика. Однако в большинстве случаев этот метод сводится к диалогу обучающего, выступающего в роли обеих договаривающихся сторон, и обучаемого. Участие остальных членов группы ограничивается ролью пассивных слушателей, в то время как деловая игра предполагает совместный характер познавательной деятельности и равноактивное участие всех обучаемых в имитируемом производственном процессе.

Игровое начало лежит в основе современных интенсивных методов обучения иностранному языку, известных под названиями гипнопедии, суггестопедии (метода Лозанова), метода «погружения».

Суггестопедия и метод «погружения» предполагают в качестве одного из обязательных условий обеспечение благоприятного психологического климата, основанного на лоза-

³ Риверс Уилга М. Пусть они говорят то, что им хочется сказать. — В кн.: Методика преподавания иностранных языков за рубежом, вып. 2. М., 1976, с. 230. Об играх в начальной и средней школе см. также: Говене Э. Игра на уроке иностранного языка. — В кн.: Вопросы методики обучения иностранным языкам за рубежом. М., 1978, с. 130—135.

новской суггестопедической системе раскованности, разумной инфантилизации, ролевой игры...»⁴.

Как известно, суггестопедические методы обучения иностранному языку заключаются в том, что обучаемые получают роли, имитирующие реальные социальные роли, и вводятся в ситуации, также имитирующие реальные ситуации общения. Психологическая атмосфера раскованности и разумная инфантилизация дают обучаемым возможность отвлечься от реальности, от родного языка и, «войдя в роль», действовать и общаться друг с другом на иностранном языке соответственно своим ролям и предполагаемым ситуациям общения.

Таким образом, в этих методах отчетливо просматриваются основные принципы деловой игры: коллективный характер познавательной деятельности, имитация реальных производственных ситуаций (в данном случае реальных ситуаций общения), установление ролевых отношений между участниками игры, наличие проблемных ситуаций.

Вместе с тем между деловой игрой и суггестопедическими методами обучения имеется, на наш взгляд, одно отличие, заключающееся в том, что деловые игры прежде всего преследуют цель формирования специалистов, в то время как суггестопедические методы направлены на развитие навыков говорения на иностранном языке, обеспечивающих иноязычное общение в известных пределах.

Каким же образом может быть использован метод деловой игры в обучении специалистов языка, а именно, переводчиков-референтов?

Обычно при проведении деловой игры обучаемым предлагаются роли различных специалистов, которые, попадая в неожиданные производственные ситуации, во взаимодействии друг с другом должны принять соответствующие решения на основе всего комплекса полученных в вузе знаний.

При подготовке переводчиков, то есть в условиях однопрофильного вуза, мы предлагаем исходить из многоаспектности деятельности одного специалиста, переводчика. В этом случае игра будет строиться не на имитации деятельности различных специалистов, а на имитации различных видов деятельности одного специалиста.

Так, для решения поставленной задачи и разрешения проблемной ситуации, которой может быть противоречие между знанием и незнанием и выход из которой может быть найден путем получения необходимой дополнительной информации, обучаемые могут получать следующие роли: 1) письмен-

⁴ Каневская Г. Ф. Психологические основы «перекодирования» речевой деятельности при «погружении». — В кн.: Иностранный язык для научных работников. Теория и практика преподавания. М., 1978, с. 100.

ного переводчика; 2) устного переводчика на переговорах (двусторонний перевод); 3) переводчика-синхрониста; 4) референта радиопередач; 5) референта письменных документов; 6) редактора и т. п. Игра должна проводиться на завершающем этапе обучения. Материалом для ее сценария может быть одна из тем курсов страноведения, литературы, истории страны изучаемого языка. Игра может быть проведена в форме «научной конференции», в ходе которой для получения необходимой информации обучаемые будут вынуждены письменно переводить какие-либо тексты, беседу двух специалистов с последующей записью ее результатов (составление протокола), синхронно и последовательно переводить выступления специалистов на «заседаниях», реферировать радио-, телепрограммы и журнальные статьи, обобщать полученный из различных источников материал и, наконец, принимать окончательное решение по данной проблеме.

В предлагаемой игре роли распределяются между 6—10 обучаемыми, что обычно соответствует составу языковой группы. В данном случае достигается примерно равная активность всех обучаемых в поиске информации и принятии решения по проблеме.

Таким образом, предлагаемый метод привития обучаемым навыков практической переводческой работы обладает всеми отличительными чертами деловой игры: совместный характер познавательной деятельности, диалогическое взаимодействие участников процесса обучения, проблемное представление содержания учебного материала, имитационное моделирование производственных процессов и деятельности специалистов. Использование деловой игры в процессе подготовки переводчиков кроме развития навыков практической работы дает возможность осуществлять коллективный контроль за деятельностью каждого обучаемого и дать коллективную оценку его труда, что повышает индивидуальную ответственность обучаемых, позволяет преподавателю выявить, какие переводческие навыки развиты недостаточно, а также определить степень готовности каждого обучаемого к практической работе. В ходе игры обучаемые получают возможность закрепить и активизировать, то есть «вывести» в речь изученный лексический материал, а также в определенной степени усвоить значительное количество новой лексики. И, наконец, игра стимулирует поисковую деятельность обучаемых и расширяет их знания фактического материала по темам страноведения, литературы, истории или других курсов, изучаемых в вузе.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. И. Бубнова. Лингвистическая специфика устной монологической речи (На материале французского языка)	3
Л. А. Гаврилов. Реферирование как специализированная речевая деятельность	17
Н. К. Гарбовский. Формы выражения логических отношений во французской официально-деловой речи	28
А. П. Зимаков. Семантические эквиваленты просубстантивных конструкций	44
М. Н. Магницкий. К вопросу о фонетической и морфологической адаптации французских заимствований в турецком языке (На материале военно-технических терминов)	55
А. А. Мигачев, А. Ф. Ширяев. Практика профессионального синхронного перевода в условиях высшего учебного заведения	63
Л. В. Прякина. Односоставные глагольные предложения в современном японском языке	75
И. И. Седелльников. Транскрипция как способ перевода на уровне фонем	90
Е. В. Сидоров. Системность речевой семантики	99
А. М. Котов. Об экспрессивности в китайском языке	114
В. Н. Шевчук. Относительно статуса аббревиатур в английском языке и их перевода на русский язык (На материале американских военных сокращений)	120
Н. К. Гарбовский. Об использовании деловых игр в процессе подготовки переводчиков	130